Терри Пратчетт

ГОСПОДИН ЗИМА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Господин Зима
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Господин Зима
Введение
Глава 1. Большой снег
Глава 2. Госпожа Вероломна
Глава 3. Тайна Боффо
Глава 4. Снежинки
Глава 5. Звёздный час госпожи Вероломны
Глава 6. Ноги и побеги
Глава 7. Секреты танца
Глава 8. Рог изобилия
Глава 9. Поворот на весну
Глава 10. Домой
Глава 11. Даже бирюза
Глава 12. Щука
Глава 13. Ледяная корона
От автора

Аннотация

Тиффани Болен и не думала танцевать – но ноги сами понесли её в пляс! Холодной осенней ночью она станцевала на лесной поляне танец, приветствующий наступление зимы… и обратила на себя внимание Зимовея. Он – снега, льды и лютая стужа. Он – стихия, вдруг влюбившаяся в смертную девушку. И теперь Зимовей дарит Тиффани ледяные розы, создает в её честь снежинки и айсберги, пишет её имя инеем на стёклах. Ради неё он хочет сам сделаться человеком. И готов преподнести возлюбленной королевский подарок – вечную зиму. То, что мир при этом погибнет, его не смущает. Стихийный дух вообще на смущение не способен. И вежливые слова вроде «спасибо, нет!» для него ничего не значат. Но если Тиффани не сможет его остановить, весна больше никогда не наступит…

Третья книга о Тиффани Болен, тридцать пятая книга цикла «Плоский мир».

Книга – лауреат премии Locus Award.

Впервые на русском языке!

Терри Пратчетт
Господин Зима

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Введение

Перевод некоторых слов и выражений Нак-мак-Фиглей, с поправкой на требования приличий (из неоконченной на сегодняшний день книги «Волшебные создания и как избежать встречи с ними» г-жи Констатанции Тик)

Большой Человек **— предводитель клана (как правило, муж кельды).**

Бураны **— покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.**

Верзуны **— люди.**

Всекарга **— очень важная ведьма.**

Глазья **— глаза.**

Гоннагл **— бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.**

Гюйс **— очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.**

Догробный мир **— понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их**

представлении, является довольно скучным местом.

Заморочный **— жуткий, странный, иногда — почему-то — продолговатый.**

Изводиться **— волноваться, переживать.**

Карга **— ведьма, независимо от возраста.**

Карговство **— всё, что делает ведьма.**

Кельда **— матриарх клана, а в преклонном возрасте — мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.**

Нахрюксаться **— меня заверили, что это означает переутомиться.**

Невтерпь **— невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерпь».**

Обуделаться **— гм, как бы помягче выразиться… очень, очень сильно испугаться. В таком смысле.**

Ой-ёи-ёи **— традиционное причитание.**

Особая овечья притирка **— прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля — в любое время года. Не пытайтесь изготовить её**

самостоятельно.

***Пискля* — слабак.**

***Разбредовина* — чепуха, глупость.**

***Раскудрыть!* — восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же!» до «моё терпение лопнуло — спасайся кто может!».**

***Расхиляй* — см. угрязок.**

***Спог* — кожаный мешочек, носится на поясе спереди. Фигли хранят там памятные вещицы, остатки еды, интересных насекомых, щепки и веточки, которые могут пригодиться, счастливые комья грязи и т. д. Исследовать содержимое спога на ощупь — очень плохая идея.**

***Старукса* — женщина преклонного возраста.**

***Судьбонос* — важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.**

***Таинствия* — секреты, тайны.**

***Тубзя* — туалет.**

***Угрязок* — бесполезный член общества.**

***Упариловка* — нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что, когда**

грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Чувырла **— очень нехороший человек/зверь/другое.**

Чудила **— редкостно нехороший человек/зверь/другое.**

Чучундра **— нехороший человек/зверь/другое.**

Глава 1. Большой снег

Буря колотила Меловые холмы, как молот. Ни одно небо не смогло бы удержать в себе так много снега — и небо не удержало. Снег падал и падал на землю белой стеной.

Там, где ещё недавно высился древний могиль-

ный курган, поросший боярышником, теперь виднелся лишь заснеженный бугорок посреди белых просторов. В прошлом году в это время здесь уже расцветали ранние примулы. В этом был только снег.

Снег зашевелился. Комок размером с яблоко приподнялся, из образовавшейся дыры повалил дым. Рука не больше кроличьей лапы помахала в воздухе, разгоняя его.

Очень маленькая и очень сердитая синяя физиономия высунулась наружу и оглядела внезапную первозданную белизну вокруг.

— От же ж раскудрыть! — зло сплюнул её обладатель. — Зимовеева работа, чтоб его переплющило. Ишь, отказьев оно не принимает!

Вокруг появилось ещё несколько голов с комьями снега на макушках.

— Ой-ёи-ёи! — запричитала одна из них. — Он опять сыскнул нашую мал-мал громазду каргу!

Голова, высунувшаяся первой, повернулась к причитальщику:

— Туп Вулли!

— Ась, Явор?

— Разве я не грил тебе про твои все оё-ёйканья?

— Грил, Явор, — признал тот.

— Дыкс с чего ты тогдыть их завёл?

— Звиняй, Явор. Вродь как само выплескнулось.

— Оно оченно духс подрывает.

— Звиняй, Явор.

Явор Заядло вздохнул:

— Увыкс, тута ты правый, Вулли. Он сыскнул малу громазду каргу, как пить дать. Хтой щас призыривает за ней на фермсе?

— Мал-да-удал Штырь, Явор.

Явор посмотрел на небо. Переполненные снегом облака аж проседали посередине.

— Ладныть, — сказал он. — Видно, пора заявиться Герою.

Он скрылся в снегу, комок с его макушки аккуратно лёг на своё место, прикрыв дыру, как будто её и не было. Явор Заядло соскользнул вниз, в глубину обжитого Фиглями кургана.

Пещера внутри была просторной — в самой её середине человек мог бы даже встать в полный рост, но тут же скорчился бы пополам от кашля, потому что именно там, в потолке, было проделано отверстие для дыма.

Вдоль стен тянулись одна над другой галереи, кишмя кишевшие Фиглями. Обычно тут стоял шум и гвалт, но в эту минуту дом Фиглей замер в

пугающей тишине.

Явор Заядло подошёл к очагу, возле которого ожидала его жена, Джинни. Она стояла, гордо выпрямившись, как и подобает кельде, но вблизи он заметил, что она, похоже, плакала. Явор встал рядом и обнял её за плечи.

— Лады, вы, мож, ужо скумексали, что оно там творится, — сказал он настороженной синекожей и рыжеволосой публике на галереях. — То не просто так вьюжит. То Зимовей сыскнул малу громазду каргу… а ну кыкс, тихо все!

Он подождал, пока крики и звон мечей стихнут, и продолжал:

— Мы не могём забороть Зимовея за неё! То её путь, и не нам по нему шлындрать! Но всекарга открыла нам другенный путь! Тёмный и опасновый!

Фигли радостно взревели — такое они понимали и любили.

— То-то ж, — сказал довольный Явор. — И для начатку приволокнём Героя.

Раздался дружный смех. Громазд Йан, самый высокий Фигль, крикнул:

— Рановасто ему! Мы разве токо урок-другой геройства ему втюкали! Чих он безнужный, а не герой!

— А я грю, он станет Героем для нашеей мал-мал громаздой карги, и точка! — отрезал Явор. — А ну кыкс, вы, шобла бездельная, топс-топс все в мелову яму! Наройте мне путь в Подземлёвый мир!

Да, это Зимовей, думала Тиффани Болен, стоя перед отцом в холодном доме. Она чувствовала, что происходит снаружи. Такая непогода редкость даже в разгар зимы, а теперь уже пора бы прийти первому весеннему теплу. Он бросает вызов. А может, просто играет. С Зимовеем трудно отличить одно от другого.

Только это уже не игра, потому что ягнята умирают по-настоящему. Мне только-только исполнилось тринадцать, но мой отец и другие взрослые хотят, чтобы я сделала что-нибудь. А я ничего не могу. Зимовей снова нашёл меня. И вот он здесь, а у меня слишком мало сил.

Было бы легче, если бы они кричали и требовали, но они просят и умоляют. Лицо отца серое от тревоги, и он умоляет меня помочь. Мой отец умоляет меня.

Ой, нет, он снимает шляпу. Он снимает шляпу передо мной!

Они думают, мне достаточно щёлкнуть пальцами, и магия явится сама, за просто так. Но если я не смогу помочь им сейчас, чего я вообще стою?

Нельзя, чтобы они заметили мою неуверенность и страх. Ведьмы не имеют права бояться.

И это я во всём виновата. Я, я и никто иной, заварила эту кашу. Мне её и расхлёбывать.

Отец нерешительно кашлянул:

— …Вот. Так, может, ты могла бы… ну, как-то уколдовать это всё подальше, или ещё что? Ради нас…

Всё в комнате казалось серым, потому что серым был свет, просачивающийся сквозь толщу снега за окном. Никто не тратил сил, чтобы откапывать дома. Все, кто мог держать лопату, трудились в других местах, но людей всё равно не хватало. И потому большинство в эту ночь вообще не ложились — обходили стада годовалых овец, оберегали новорождённых ягнят… В царстве тьмы и снега…

Её, Тиффани, снега. Снега, который был посланием ей. Вызовом. Призывом.

— Хорошо, — сказала она. — Я попробую что-нибудь сделать.

— Ты моя умница. — Отец немного расслабился и улыбнулся.

Нет, я не умница, я дурочка, подумала Тиффани. Это я навлекла беду.

— Разожгите большой костёр выше по склону,

где сараи, — сказала она вслух. — Очень-очень большой, понимаете? Бросайте в него всё, что горит, лишь бы он не погас. Он будет затухать, но вы поддерживайте огонь. Поддерживайте его, что бы ни случилось. Огонь не должен погаснуть!

Она выделила это «не должен» голосом, чтобы оно прозвучало громко и угрожающе. Нельзя, чтобы в головах людей осталось место сомнениям. Тиффани накинула на плечи коричневый плащ из плотной шерсти, подарок госпожи Вероломны, и схватила чёрную остроконечную шляпу, висевшую на крючке на входной двери. Люди, набившиеся в кухню, забормотали и зашептались, а некоторые даже шарахнулись в стороны. Нам нужна ведьма, мы пропадём без ведьмы, и при всём при том мы будем от неё шарахаться.

Это была магия остроконечной шляпы. То, что госпожа Вероломна называла «боффо».

Тиффани Болен вышла из дома и очутилась в узком проходе, прокопанном через заваленный снегом двор. Снежные стены слева и справа были вдвое выше человеческого роста. Зато снег хотя бы давал укрытие от ветра, режущего, будто нож.

Тропу успели прокопать до самого выгула, но дело шло тяжело. Как можно убрать толщу снега

в пятнадцать футов?[1] Да и куда его убрать?

Она дошла до сараев, где хранили телеги, и стала ждать. Мужчины с кряхтением и скрипом сражались со снежной стеной. Они уже вымотались до смерти. Они копали много часов подряд.

Самое главное…

Главного было слишком много. Главное, выглядеть спокойной и уверенной, главное, сохранять ясность мысли, главное, чтобы никто не заметил, что ты едва штаны не намочила от страха…

Тиффани вытянула руку, поймала снежинку и хорошенько к ней пригляделась. Это была не обычная снежинка, о нет. Это была одна из его особенных снежинок. Какая подлость! Он насмехается над ней! У Тиффани появился повод его ненавидеть. Раньше она не чувствовала ненависти. Но теперь он убивает ягнят.

Она передёрнулась и плотнее запахнула плащ.

— Это мой выбор, — прокаркала она. Воздух изо рта превратился в облачко пара.

Тиффани прокашлялась и начала снова:

— Это мой выбор. Если надо будет заплатить, я заплачу. Если это будет стоить мне жизни, я умру. Куда бы выбор ни привёл меня, это мой путь. Я

---

[1] Примечания: 1

Фут равен примерно 0,3 метра. (*Примеч. ред.*)

так решила. Это мой выбор.

Это не было заклинанием, разве что в её воображении. Но если ты не можешь заставить заклинания работать в собственном воображении, они у тебя нигде и никогда не сработают.

Тиффани снова плотнее завернулась в плащ, пытаясь защититься от безжалостных когтей ветра, и стала оцепенело смотреть, как разводят костёр. Пламя разгоралось неохотно, словно боялось проявить рвение.

Она ведь делала это раньше, так? Десятки раз. Это не такой уж и сложный фокус, если знаешь, в чём суть. Но раньше у неё всегда было время сосредоточиться, да и огонь был всего лишь огнём в кухонном очаге, у которого она грела ноги. По идее, с большим костром и целым полем снега это будет ничуть не сложнее, правда?

Правда же?

Пламя загудело и взметнулось вверх. Отец положил руку ей на плечо. Тиффани подпрыгнула от неожиданности — она и забыла, как тихо он умеет ходить.

— Что это ты говорила насчёт выбора?

О том, какой у него хороший слух, она тоже забыла.

— Это… ведьмы так делают, — сказала она,

избегая смотреть ему в лицо. — Теперь, если не получится, виновата буду только я.

А я и так во всём виновата, мысленно добавила она. Это нечестно, но никто и не говорил, что всё будет честно.

Отец взял её за подбородок и ласково повернул к себе. Какие мягкие у него руки, подумала Тиффани. Большие мужские ладони, а кожа нежная, как у младенца. Это из-за жирной овечьей шерсти.

— Не надо было нам тебя просить, верно?.. — сказал он.

Надо, подумала Тиффани. Там, под холодным безжалостным снегом, умирают ягнята. А вот мне надо было отказаться, надо было признать: нет, я ещё не готова, умения не хватит… Но под холодным безжалостным снегом умирают ягнята!

«Родятся новые», — подумала она Задним Умом.

Но то будут уже другие ягнята. А эти умирают сейчас, в эту самую минуту. Умирают, потому что я послушалась своих ног и посмела пуститься в пляс с Зимовеем.

— Я смогу, — сказала она.

Отец, не отпуская её подбородок, заглянул ей в глаза:

— Ты уверена, джиггат?

«Джиггат» — так звала Тиффани её бабушка, матушка Болен, которая за всю жизнь не позволила холодному безжалостному снегу убить ни одного ягнёнка. Отец никогда раньше не называл её так. Почему это прозвище пришло ему на ум теперь?

— Да! — Тиффани оттолкнула его руку и отвела глаза, пока из них не брызнули слёзы.

— Я… пока ничего не сказал маме, — проговорил отец медленно, с величайшей тщательностью взвешивая каждое слово. — Но я нигде не могу найти твоего брата. Думаю, он пытался помочь. Эйб Свинделл видел, как он бежал со своей лопаткой. Уверен, с ним всё хорошо, но… ты поглядывай по сторонам, вдруг заметишь его, ладно? Он в красном пальтишке.

Невозможно было без слёз видеть его лицо, полностью лишённое выражения. Малыш Винворт, без малого семи лет, вечно бегал хвостом за взрослыми мужчинами, вечно хотел быть одним из них, вечно пытался помочь… Как легко потерять из виду маленького мальчика!

Снег падал и падал. Ужасные, неправильные снежинки ложились белым покрывалом на плечи отца. Вот такие мелочи и отпечатываются в памяти, когда земля уходит из-под ног и ты проваливаешься и летишь, летишь в пропасть…

Это было уже не просто нечестно. Это было… жестоко.

Помни, что за шляпа у тебя на голове! Помни, что за работу ты должна сделать прямо сейчас! Держи равновесие! Секрет — в равновесии. Держи равновесие, центр должен быть неподвижен, держи…

Тиффани протянула онемевшие руки к огню — пусть впитают тепло.

— Помни: огонь не должен погаснуть, — сказала она.

— Я послал людей, чтобы принесли дров отовсюду, — ответил отец. — И весь уголь из кузницы тоже. Поверь моему слову, нам будет чем его прокормить!

Языки пламени, танцуя, потянулись к рукам Тиффани. Фокус в том, чтобы… чтобы мысленно слепить из жара большой ком, взять его и… держать равновесие. Забудь обо всём остальном!

— Я пойду с… — начал отец.

— Нет! Поддерживай огонь! — крикнула Тиффани. От страха и отчаяния её голос прозвучал слишком громко. — Делай, что я говорю!

«Сегодня я тебе не дочь! — рвались наружу слова. — Сегодня я тебе ведьма! И это я сегодня защищаю тебя!»

Она отвернулась, чтобы отец не увидел её лица, и побежала сквозь вьюгу туда, где прокопанная тропа упиралась в нижние выгулы. Тропа из утоптанного снега была неровной, а свежие хлопья с неба сделали её ещё и скользкой. Усталые люди с лопатами прижались к снежным стенам, пропуская Тиффани.

В конце проход становился чуть шире, пастухи там пытались раскопать стену дальше. Горы отброшенного снега громоздились вокруг.

— Бросайте работу! Уходите! — крикнул голос Тиффани, пока она сама тихо всхлипывала внутри.

Ей подчинились сразу же. Когда приказы раздаются из-под остроконечной шляпы, с ними не спорят.

Помни тепло, жар огня, помни о нём, держи равновесие, равновесие…

Это была самая сердцевина ведьмовства, очищенная ото всей шелухи. Никаких игрушек, никаких волшебных палочек, никакого боффо, никакой головологии, никаких фокусов. Мастерство — вот единственное, что имеет значение.

Но иногда нужно обмануть себя. Тиффани не была Летней Владычицей, не была матушкой Ветровоск. И сейчас ей требовалась вся помощь,

которую она могла себе оказать.

Она вытащила из кармана маленькую серебряную лошадку. Лошадка была грязная, в пятнах, Тиффани собиралась её отчистить, да не было времени, времени не было…

Она надела ожерелье, застегнула замочек, как рыцарь перед битвой опускает забрало шлема.

Напрасно она так мало упражнялась. Напрасно она не слушала, что ей говорят. Напрасно не прислушивалась к себе.

Тиффани глубоко вздохнула и развела руки в стороны ладонями вверх. На правой ладони горел огнём белый шрам.

— По правую руку от меня гром, — сказала она, — по левую — молния. Огонь позади меня. Лёд передо мной.

Она сделала шаг и остановилась в нескольких дюймах[2] от снежного завала. Снег сразу же принялся тянуть из неё тепло. Ладно, пора. Тиффани ещё несколько раз глубоко вздохнула. Это мой выбор…

— Лёд в огонь, — сказала она.

Пламя костра за её спиной побелело и загудело, как в кузнечном горне.

---

[2] Примечания: 2
Дюйм равен 2,54 см. (*Примеч. ред.*)

Стена снега зашипела и вдруг взорвалась тучей пара. Снежные комья полетели в стороны. Тиффани медленно шла, вытянув вперёд руки с открытыми ладонями, и снег перед ней отступал, как туман перед первыми лучами солнца. Жар, исходящий от неё, плавил снежную гору, буравил в ледяной толще глубокий туннель, снег бежал, обращаясь в облака ледяного пара.

Да! Она отчаянно улыбнулась. Всё правильно. Надо только найти свой внутренний центр, надо направить мысли куда следует, и тогда можно хранить равновесие. Середина качелей всегда неподвижна.

Башмаки хлюпали в талой воде. Под снегом зеленела свежая трава — нынешняя зимняя буря явилась уже весной. Тиффани шла дальше, к заметённым загонам для овец с ягнятами…

Отец Тиффани смотрел в огонь. Пламя было белым и яростным, как в горне, оно пожирало топливо, словно его раздувал лютый ураган. Ещё немного — и от костра останутся лишь угли да зола…

Под ногами Тиффани текли ручьи.

Да! Но не думай об этом! Держи равновесие! Больше жара! Лёд в огонь!

Она услышала блеяние.

Овцы могут выжить под снегом. Но, как говаривала матушка Болен, когда боги делали овец, они, должно быть, положили овечьи мозги не в ту шубу. В панике — а овцы всегда на волосок от паники — эти тупицы могут затоптать собственных ягнят.

И вот уже показались овцы с ягнятами. Они стояли, замерев в изумлении, а снег вокруг них таял, и животные казались изваяниями, освобождёнными из-под сугробов.

Тиффани шла и шла вперёд, лишь краем уха слыша радостные крики пастухов, которые спешили следом за ней, помогали овцам высвободиться, подхватывали на руки ягнят…

Отец кричал на тех, кто остался с ним у костра. Кто-то уже рубил на дрова телегу и бросал доски в яростное белое пламя. Другие волокли из дому мебель. Колёса, столы, соломенные тюфяки, стулья — огонь сожрал всё и с рёвом требовал ещё. А больше ничего не было.

Красное пальтишко…. Его нигде не видно! Равновесие, держи равновесие… Тиффани ковыляла вперёд, по щиколотку в воде, по пояс в овцах… Потолок туннеля с хлюпаньем обрушился, подняв тучу брызг. Она не стала на него отвлекаться. В пролом посыпались новые снежные хлопья,

закружились вокруг её головы. На них Тиффани тоже отвлекаться не стала. А потом впереди… проступило что-то красное.

Холод в огонь! Снег растаял, и Винворт очутился на свободе. Тиффани подхватила его, прижала к себе, послала немного жара прямо в него, чтобы отогреть. И вот он зашевелился и прошептал:

— Она весила фунтов[3] сорок, не меньше! Сорок!

Винворт закашлялся и открыл глаза. Тиффани бросилась назад и сунула его в руки первому встречному пастуху:

— Отнесите его к матери! Ну же!

Пастух схватил мальчика и кинулся выполнять, испугавшись её напора. Сегодня она была им ведьмой!

Тиффани снова повернулась к выгулу. Ещё не все ягнята спасены…

Её отец бросил умирающему от голода огню свою шубу. Шуба упала в костёр, вспыхнула и осыпалась серым пеплом. Однако пастухи были наготове, они схватили Джо Болена и не дали ему прыгнуть следом. Он вырывался и кричал, но его оттащили прочь.

---

[3] Примечания: 3

Фунт равен примерно 0,45 кг. (*Примеч. ред.*)

Куски кремня таяли в костре, как масло. Вот они рассыпались брызгами и застыли.

Огонь погас.

Тиффани Болен подняла глаза и встретилась взглядом с Зимовеем.

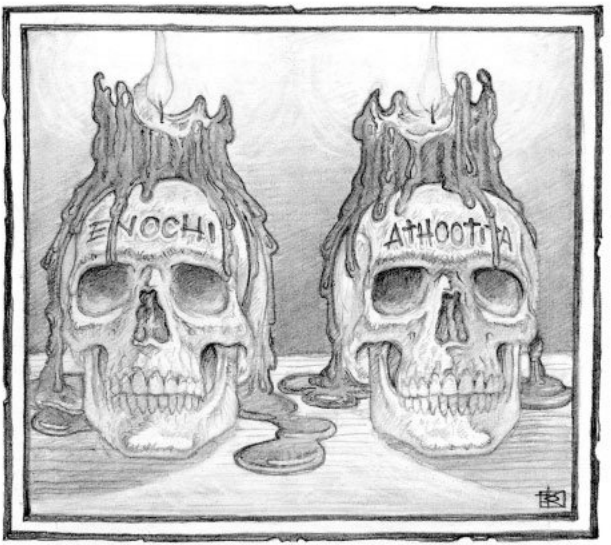
А наверху, на крыше тележного сарая, тоненький голосок, принадлежащий Фиглю по имени Мал-да-удал Штырь, чертыхнулся:

— Эх, раскудрыть!

Всего этого пока не произошло. А может, и не произойдёт вовсе. Будущее, оно ведь штука ненадёжная, как студень, всё время колеблется. Достаточно случиться какой-нибудь мелочи — снежинка, скажем, упадёт, или кто-то уронит не ту ложку — и колесо судьбы покатится по совсем другому пути. А может, и нет.

Всё началось прошлой осенью, в тот день, когда среди прочего случилась кошка…

Глава 2. Госпожа Вероломна



Вот тот день, и Тиффани Болен летит на метле через лес в горах за сотню миль[4] от дома. Метла очень старая, и девочка летит над самой землёй.

---

[4] Примечания: 4
Миля равна 1609 м. (*Примеч. ред.*)

С боков привязаны два помела поменьше, чтобы метла не заваливалась на сторону — так к детским велосипедам приделывают пару дополнительных колёсиков. Метлу одолжила Тиффани ведьма по имени госпожа Вероломна, которая в свои 113 лет летала ещё хуже девочки.

Тиффани на сто с небольшим лет младше госпожи Вероломны, несколько выше, чем была ещё месяц назад, и гораздо менее уверена в чём бы то ни было, нежели год назад.

Она учится быть ведьмой. Ведьмы обычно ходят в чёрном, но только потому, что всегда ходили в чёрном. Тиффани эта причина не кажется достаточно серьёзной, поэтому она предпочитает зелёный или голубой. Что до модных нарядов, то она ими вовсе не пренебрегает, потому что отродясь ни одного не видела.

А вот без остроконечной шляпы, как выяснилось, никак не обойтись. В таких шляпах нет ничего волшебного, если не считать воздействия на окружающих: люди видят шляпу и сразу понимают, что под ней — ведьма. Остроконечная шляпа никогда не останется незамеченной.

Но при всём при том нелегко быть ведьмой в родной деревне, где все зовут тебя «дочурка Джо Болена» и помнят, как ты в два годика бегала в

одной рубашонке.

Уехать из дому было в этом смысле полезно. Большинство знакомых Тиффани никогда не удалялись от места, где появились на свет, больше чем на десяток миль, поэтому девушка, побывавшая в загадочных заграничных краях, и сама приобретала в их глазах ореол загадочности. Тот, кто уезжает, возвращается немного другим. А ведьма и должна быть другой.

Тиффани уже знает, что ведьмы занимаются в основном тяжёлой работой и очень мало — магией из разряда «Вжжжик! Динь-динь-динь...». Ведьмы не учатся в школах, и у них не бывает уроков в обычном смысле. Но учиться ведовству самостоятельно очень и очень опрометчиво, особенно если у тебя есть настоящий природный дар. Стоит ошибиться, и ты за неделю скатишься из невежества в хихиканье.

Если уж на то пошло, всё упирается в привычку мерзко хихикать. Хотя об этом и не принято говорить. Ведьмы утверждают, что нельзя быть слишком старой, слишком тощей или слишком бородавчатой. Но хихиканье они никогда не упоминают. В этом ряду — нет. Однако всегда держат ухо востро, не начнёт ли кто-нибудь из них хихикать и покрякивать.

Опуститься до хихиканья очень легко. Как правило, ведьмы живут в одиночестве (или — по желанию — с кошкой) и могут неделями не видеть своих товарок. В те времена, когда ведьм боялись и ненавидели, им часто ставили в вину, что они говорят с кошками. Разумеется, ведьмы с ними говорят. Если тебе по три недели не выпадает случая поговорить о чём-нибудь, кроме коров, ты и со стенкой беседовать начнёшь. А там и до хихиканья недалеко.

Когда ведьма начинает хихикать, это означает не просто гнусный гогот и покрякивание. Это значит, она теряет связь с реальностью. Это значит, что она теряет разум. Это значит, что тяжёлая работа и необходимость разбираться с чужими трудностями сводят её с ума — по чуть-чуть, крохотными шажками. Каждый шажок почти незаметен, но вместе они уводят ведьму за грань, и она перестаёт умываться и надевает на голову котелок вместо шляпы. За этой гранью кажется, будто раз ты знаешь больше, чем все соседи, вместе взятые, ты лучше их. За гранью кажется, будто ты сама можешь решать, что правильно, а что нет. И если ты перешла грань, ты рано или поздно «ступишь на путь зла», как это называют ведьмы. Это опасный поворот. За ним маячат

отравленные веретёнца и пряничные домики.

И чтобы всего этого не случилось, ведьмы время от времени навещают друг друга. Такова традиция. Порой ведьмы проделывают очень долгий путь ради того, чтобы выпить чаю с печеньем в компании другой ведьмы. Конечно, это позволяет им обмениваться слухами — ведьмы обожают слухи, особенно если они не столько правдоподобные, сколько сногсшибательные. Но настоящая цель таких визитов — приглядывать друг за дружкой.

Сегодня Тиффани отправилась навестить матушку Ветровоск, которую большинство ведьм (включая саму матушку) считали самой могущественной ведьмой в горах. Беседа протекала очень вежливо. Никаких вам: «Что, старушка, пока не спятила, а?» — «Брось! Я ещё ого-го! А также угу-гу, эге-ге и ага-га…» В этом не было нужды. Обе понимали, зачем они тут, поэтому говорили о другом. Но когда на матушку Ветровоск находила блажь, иметь с ней дело было непросто…

Она молча сидела в кресле-качалке. Некоторые люди умеют поддерживать беседу. Матушка Ветровоск умела поддерживать молчание. Она могла сидеть так тихо и неподвижно, что растворялась в окружающем мире. Собеседник забывал о её

присутствии. Комната пустела.

Обычно это огорчало гостей. Возможно, матушка на это и рассчитывала. Но Тиффани и сама умела молчать, её научила этому бабушка, которую все звали матушкой Болен. Сейчас Тиффани начинала понимать, что если сидеть или стоять совсем-совсем тихо, то можно сделаться почти невидимой.

Матушка Ветровоск отточила это умение до совершенства.

Про себя Тиффани называла его заклинанием «меня-здесь-нет», если только это было заклинание. У каждого из нас, рассуждала она, внутри есть нечто такое, что подаёт сигнал: «Я здесь!» Вот почему иногда удаётся почувствовать чужое присутствие за спиной, даже если человек не издаёт ни звука — сигнал-то всё равно от него исходит, и его можно засечь.

У некоторых людей этот сигнал очень силён — таких первыми обслуживают в лавках. Сигнал матушки Ветровоск мог свернуть горы, если бы она захотела. Когда матушка Ветровоск входила в лес, волки и медведи выбегали из него с другой стороны.

А ещё она умела его полностью отключать.

Вот и сейчас Тиффани приходилось старатель-

но сосредотачиваться, чтобы её видеть. Большая часть сознания девочки утверждала, что матушки тут нет.

Ну ладно, подумала Тиффани, поиграли, и хватит. Она кашлянула. Вдруг оказалось, что матушка Ветровоск никуда не исчезала.

— Госпожа Вероломна чувствует себя прекрасно, — сказала Тиффани.

— Весьма достойная женщина, — заметила матушка. — Да…

— Хотя и со странностями, — сказала Тиффани.

— Никто не безупречен, — пожала плечами матушка.

— Она сейчас испытывает новые глаза, — сказала Тиффани.

— Хорошо.

— Глаза воронов.

— Тоже неплохо.

— Да, лучше, чем мышь, которой она обычно пользуется, — сказала Тиффани.

— Ещё бы.

Так оно и продолжалось какое-то время, пока Тиффани не надоело тащить весь разговор на себе. Матушка могла бы проявить хоть немного вежливости, в конце концов. Но Тиффани уже знала, как её расшевелить.

— Госпожа Увёртка написала новую книгу, — сообщила она.

— Я слышала, — буркнула матушка.

Тени в комнате, казалось, сделались чуть гуще.

Что ж, это объясняло, почему матушка не в духе. Одна мысль о Летиции Увёртке выводила матушку Ветровоск из равновесия. С матушкиной точки зрения в госпоже Увёртке решительно всё было не так. Эта выскочка даже родилась где-то в заграницах, что само по себе почти преступление. И она писала книги, а матушка Ветровоск книгам не доверяла. А ещё госпожа Увёртка (произносится «Уви-ортка», по крайней мере самой госпожой Увёрткой) верила в сверкающие волшебные палочки, магические амулеты, мистические руны и силу звёзд, тогда как матушка Ветровоск верила в чаепития с сухим печеньем, ежеутренние умывания холодной водой, но главным образом — в саму матушку Ветровоск.

Госпожа Увёртка пользовалась успехом среди юных ведьм, потому что её последовательницы могли с чистой совестью обвешаться украшениями по самое не могу. Матушка Ветровоск успехом ни у кого не пользовалась. Её не особенно-то любили…

…Пока в ней не возникала нужда. Если к колы-

бели ребёнка явился Смерть, если топор в лесу отскочил от дерева и густой мох напитывается кровью, соседи шлют гонца в холодный кособокий домик на опушке леса. Когда надежды нет, зовут матушку Ветровоск. Потому что она лучшая.

И она всегда приходит. Всегда. Но любят ли её за это? Нет. Любовь и нужда — не одно и то же. К матушке Ветровоск прибегают, если дела по-настоящему плохи.

А вот Тиффани её любила. По-своему. И ей казалось, что матушка Ветровоск тоже к ней благоволит. Она даже разрешила Тиффани звать её «матушкой», хотя все прочие юные ведьмочки могли обращаться к ней только «госпожа Ветровоск». Иногда Тиффани казалось, что матушка Ветровоск постоянно испытывает тех, кто относится к ней по-дружески, на прочность этой дружбы. Матушка Ветровоск сама по себе была одно сплошное испытание на прочность.

— Новая книга называется «Ведовство: первые полёты», — сказала Тиффани, внимательно наблюдая за старой ведьмой.

Матушка Ветровоск улыбнулась. То есть уголки её губ чуть-чуть приподнялись.

— Ха! — каркнула она. — Я всегда говорила и

снова повторю: нашему ремеслу по книжкам не научишься. Летиция Увёртка воображает, будто можно стать ведьмой, малость прибарахлившись. — Она испытующе посмотрела на Тиффани, словно на ум ей пришла какая-то мысль. — И бьюсь об заклад, она не умеет делать вот так…

Матушка взяла чашку с горячим чаем, обняв её ладонью, а другой рукой схватила руку Тиффани.

— Готова?

— К че… — начала Тиффани, и тут ей стало горячо. Жар пошёл от руки и разлился по телу, согрев её изнутри.

— Чувствуешь?

— Да!

Тепло улетучилось. Матушка Ветровоск, не отрывая от Тиффани пристального взгляда, перевернула чашку.

Чай вывалился на стол. Он превратился в лёд.

Тиффани была уже не маленькая и не стала спрашивать: «Как вы это сделали?» Матушка Ветровоск оставляет без ответа глупые вопросы, как и почти все вопросы вообще.

— Вы взяли тепло чая и отдали его мне, — проговорила Тиффани. — Пропустили его через себя в меня, да?

— Верно, только меня оно не коснулось, — с довольным видом сказала матушка Ветровоск. — Весь секрет в равновесии. Равновесие, вот что важно. Держи равновесие, и… — Она умолкла. Потом спросила: — Ты когда-нибудь качалась на доске? Один её конец поднимается, другой опускается. Но в середине, в самой середине, есть точка, которая остаётся неподвижной. Взлёты и падения проходят сквозь неё. Не важно, как высоко поднимаются края, эта точка хранит равновесие. — Она фыркнула. — Магия большей частью в том и состоит, чтобы перемещать нечто с места на место.

— Я смогу этому научиться?

— Пожалуй. Это не так уж и трудно, надо только правильно настроить мысли.

— Вы можете научить меня?

— Я же только что это сделала. Я тебе показала.

— Нет, матушка, вы показали, как вы это делаете, но не… *как* вы это делаете!

— Не могу объяснить. Я знаю, как это делаю я. Ты будешь делать по-своему. Главное, нужным образом сосредоточиться.

— Но как?

— Мне-то почём знать? Это ведь твоя голова, — огрызнулась матушка. — Будь добра, поставь

чайник! У меня чай остыл.

Всё это прозвучало почти злобно, но такова уж матушка. Она считает, если человек способен усваивать новое, то сам во всём разберётся. И ни к чему облегчать ему задачу. Жизнь вообще нелегка, говорит она.

— Я смотрю, ты всё носишь эту побрякушку, — заметила матушка.

Побрякушки — а матушка звала так любые металлические предметы гардероба, не предназначенные, чтобы скреплять детали одежды, не давая им распахнуться, упасть или отцепиться, — она не любила. Обзавестись ими означало «прибарахлиться».

Тиффани коснулась серебряной лошадки, которую носила на шее. Это было небольшое и незамысловатое украшение на цепочке, и оно много значило для неё.

— Да, — спокойно сказала она. — Ношу.

— А что это у тебя там в корзинке? — спросила матушка, грубо нарушив правила приличий.

Корзинка Тиффани стояла посреди стола. В ней, конечно, ждал своего часа подарок. Разумеется, ведьмы никогда не являлись в гости друг к дружке с пустыми руками, но та, кому подарок предназначался, по традиции должна была изоб-

разить удивление и пробормотать: «Ну что вы, не стоило так утруждаться…»

— Это я вам подарок привезла, — сказала Тиффани, подвешивая над огнём чёрный от копоти чайник.

— Я распрекрасно обхожусь безо всяких подарков, — пробурчала матушка.

— Да, конечно, — ответила Тиффани и больше ничего не прибавила.

Она услышала, как матушка приподняла крышку корзинки. Внутри был котёнок.

— Это дочка Розочки, кошки вдовы Цепней, — сказала Тиффани, чтобы заполнить тишину.

— Не стоило оно… — донеслось в ответ матушкино ворчание.

— Что вы, мне было совсем не трудно. — Тиффани улыбнулась, глядя в огонь.

— Я не из кошатников, — буркнула матушка.

— Она будет ловить мышей, — сказала Тиффани, по-прежнему не оборачиваясь.

— Мыши у меня не водятся.

Потому что им нечем тут поживиться, подумала Тиффани, а вслух сказала:

— У госпожи Увёртки шесть чёрных кошек.

Должно быть, белая кошечка в эту минуту таращилась на матушку из корзинки огромными

грустными котёночьими глазами. Я тоже могу устроить испытание на прочность, улыбнулась про себя Тиффани.

— Понятия не имею, что мне с ней делать. Ей придётся спать в сарае с козами, — заявила матушка.

Большинство ведьм держали коз.

Кошечка потёрлась о руку матушки и замяукала.

Позже, когда Тиффани собралась в обратный путь, матушка Ветровоск попрощалась с ней на пороге и аккуратно выставила кошку за дверь.

Тиффани подошла туда, где, в некотором удалении от домика, её ждала метла госпожи Вероломны, привязанная к дереву.

Но улетать сразу она не стала. Она остановилась возле развесистого куста падуба и замерла. И стояла тихо-тихо, пока всё в ней не настроилось на передачу: «Меня тут нет».

Каждый может увидеть образы в облаках или пламени. Тут то же самое, только наоборот. Надо отключить в себе то, что кричит: «Я здесь!» Надо раствориться. И тогда, если кто-то посмотрит на тебя, ему будет очень трудно тебя увидеть. Твоё лицо превратится в лист и тень от него, очертания тела затеряются среди линий куста

и дерева. Остальное сотрёт из поля зрения сам наблюдатель.

Слившись с кустом падуба, Тиффани наблюдала за дверью матушкиного домика. Поднялся ветер, тёплый, но беспокойный, натряс красных и жёлтых листьев с клёнов вокруг, закружил их по поляне. Кошечка попыталась было поймать несколько листков, потом сдалась и принялась жалобно мяукать. Вот сейчас, думала Тиффани, вот сейчас матушка Ветровоск подойдёт, откроет дверь и…

— Забыла что-то? — раздался голос матушки у неё над ухом.

Куст оказался ведьмой.

— Э… она очень милая. Я просто подумала, может, вы со временем к ней привыкнете, полюбите её, — сказала Тиффани.

А про себя она гадала: «Допустим, пустившись бегом, она могла успеть добежать сюда, но почему я её не увидела? Неужели можно бежать, оставаясь невидимой?»

— За меня не волнуйся, девочка, — сказала ведьма. — Лети себе к госпоже Вероломне и передай ей мои наилучшие пожелания. Хотя… — её голос немного потеплел, — должна признать, спряталась ты неплохо. Многие на моём месте те-

бя в упор не заметили бы. Я почти и не слышала, как у тебя волосы растут!

Когда метла Тиффани улетела прочь и матушка Ветровоск при помощи нескольких маленьких хитростей убедилась, что девочки поблизости и правда нет, старая ведьма вернулась в дом, старательно не обращая внимания на кошку.

Несколько минут спустя дверь со скрипом приоткрылась. Возможно, это был просто сквозняк. Котёнок скользнул в дом.

Все ведьмы со странностями. Тиффани привыкла к их странностям и уже не видела в них ничего странного. Скажем, тётушка Вровень имела два тела, причём одно из них воображаемое. А госпожа Жилетт разводила породистых земляных червей и каждому давала имя. Да её даже странной трудно назвать — так, немного чудаковатая, земляные черви ведь довольно любопытные создания, на свой унылый лад. И ещё была старая мамаша Дипбаж, страдающая от провалов во времени, а когда такими провалами страдает ведьма, выглядит это несколько необычно: её губы всегда двигались невпопад словам, а шаги спускались по лестнице минут за десять до самой мамаши.

Но госпожа Вероломна по части странностей была такая молодец, что могла бы не только

взять с полки пирожок, но прихватить ещё и пакетик печенья с карамельной посыпкой. И свечку заодно.

В ней было странным всё, так что даже непонятно, с чего начинать…

Эвменида[5] Вероломна за всю свою долгую жизнь так и не вышла замуж. В шестьдесят лет она потеряла зрение. Большинство людей на её месте безнадёжно ослепли бы, но госпожа Вероломна умела Заимствовать (это такой особый ведьмовской навык).

Она пользовалась глазами животных, читая в их головах, что они видят.

Оглохла она в семьдесят пять, но и это её не слишком огорчило, потому что она успела поднатореть в преодолении таких трудностей и

---

[5] Примечания: 5

Ведьма *Эвменида* носит весьма звучное имя, заимствованное из античной мифологии нашего, Круглого мира. Эвмениды — одно из именований богинь мести (они же — Эринии, «Гневные», они же — фурии римской мифологии). О них упоминается в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», в пьесах древнегреческих драматургов Эврипида и Эсхила, римского драматурга Сенеки и многих других авторов. Сколько их было на самом деле, никто точно не знает: поздние поэты называют трёх — это Тисифона (мстящая за убийство), Алекто (непрощающая) и Мегера (завистница). Богини-мстительницы преследовали преступников, запятнавших себя злодеянием, и мучили их до тех пор, пока те не впадали в безумие. Такая судьба постигла Ореста, виновного в убийстве матери, однако Афина Паллада, впервые в мифологической истории Греции, устроила суд, оправдала обвиняемого и усмирила гнев богинь. С тех пор их и стали называть Эвменидами, «Милостивыми». Но не обманывайтесь: несмотря на новое имя, богини мщения по-прежнему

существа довольно жуткие. Их изображали как в виде неумолимых охотниц с кнутами и факелами, так и в виде страшилищ с крылами летучей мыши, с волосами в виде змей и чёрной пёсьей мордой вместо лица. В своей трагедии «Эвмениды» Эсхил описал Эвменид так:

…Чудовищный, ужасный сонм
Каких-то женщин дремлет на скамьях. Нет, нет! –
Не женщин, а горгон. О нет, Горгонами
Их тоже не назвать. Не то обличие.
Пришлось, я помню, гарпий на картине мне
Однажды видеть… ‹…› Эти, хоть бескрылые, –
Страшней, черней. Храпят. Дыханье смрадное,
А из очей поганая сочится слизь.
Наряд на них такой, что в нём ни в божий храм
Являться не пристало, ни в жильё людей.
Не ведаю, какого роду-племени
Страшилища. Какая бы земля, вскормив
Подобных тварей, горько не раскаялась?

(Пер. С. Апта)

Согласитесь, этот жуткий образ очень похож на тот, что Эвменида Вероломна искусственно создавала для себя с помощью каталога «Боффо»!

научилась ставить себе на службу любую пару ушей, шныряющую поблизости.

Когда Тиффани впервые переступила порог дома госпожи Вероломны, та пользовалась глазами и ушами мыши, потому что её старая галка умерла. Было немного жутко видеть, как старуха расхаживает по дому, держа мышь на ладони перед собой, и очень жутко — видеть, как мышка резко поворачивается на звук твоего голоса. Просто удивительно, какого страху может нагнать маленький розовый носик.

С вО́ронами дело пошло куда лучше. Кто-то из соседей сделал для ведьмы насест, который она носила на плечах, чтобы над каждым плечом сидело по ворону[6]. С этими птицами госпожа Вероломна с её седой нечёсаной гривой выгляде-

---

[6] Примечания: 6

…чтобы над каждым плечом сидело по ворону.

А эта колоритная деталь портрета старой ведьмы отсылает нас к образу О́дина, верховного божества германо-скандинавской мифологии. О́дин, мудрец и знаток рун, хозяин Валгаллы, является людям в образе одноглазого старика в синем плаще, а сопровождают его двое воронов, Хугин (что на древнеисландском означает «мыслящий») и Мунин (что означает «помнящий»). Вороны либо восседают у него на плечах (правда, без удобного насеста), либо летают по миру, а возвращаясь, рассказывают Одину обо всём, что делается на свете, — то есть тоже служат ему своего рода «глазами». В «Младшей Эдде», учебнике скальдической поэзии XIII в., об Одине говорится:

Два ворона сидят у него на плечах и шепчут на ухо обо всём, что видят или слышат. Хугин и Мунин — так их прозывают. Он шлёт их на рассвете летать над всем миром, а к завтраку они возвращаются. От

них-то и узнаёт он всё, что творится на свете. Поэтому его называют Богом Воронов. Так здесь о том сказано:

Хугин и Мунин
над миром всё время
летают без устали…

(Пер. О. Смирницкой)

В отличие от Одина, Эвменида лишилась обоих глаз, но это лишь умножило её мудрость и умение читать в душах: в своём развевающемся плаще, с воронами на плечах, стотринадцатилетняя ведьма выглядит достаточно жутко — под стать грозному старцу скандинавских мифов (хотя «уделанный сзади» плащ несколько снижает торжественность момента).

ла… ну, как настоящая ведьма, хотя к концу дня её плащ всегда был несколько уделан сзади.

И ещё у неё были часы. Кто бы ни сделал эту тяжёлую металлическую штуковину, он был скорее кузнецом, чем часовщиком, поэтому часы госпожи Вероломны говорили не «тик-так», а «тонк-тунк». Она носила их на поясе и определяла время, нащупывая короткие толстые стрелки.

В деревне поговаривали, что часы — это сердце старой ведьмы, они служат ей взамен настоящего, которое она утратила много лет назад. В деревне вообще много чего поговаривали про госпожу Вероломну.

Только очень устойчивый ко всему жуткому и странному человек мог иметь дело с госпожой Вероломной. По традиции юные ведьмы перебирались с места на место, обучаясь премудрости у старых ведьм и оказывая им «небольшую помощь по хозяйству», как это называла мисс Тик (ведьма, занимавшаяся поиском девочек с ведьмовским даром), а в действительности делая всю работу по дому. Обычно ученицы покидали дом госпожи Вероломны на следующий же день после прибытия. Тиффани продержалась уже три месяца.

А иногда, когда госпоже Вероломне требова-

лась пара глаз, чтобы что-нибудь рассмотреть, она могла воспользоваться глазами ученицы. Ощущение было вроде мысленной щекотки, как будто кто-то невидимый заглядывает тебе через плечо…

Да, по части странностей госпожа Вероломна была такая молодец, что, пожалуй, взяла бы с полки не только пирожок, пакетик печенья с посыпкой и свечку, но и пирожное, и ещё бутерброды, и к тому же прихватила бы самого устроителя конкурса на самые странные странности и того затейника, который делает всяких зверей из воздушных шариков.

Когда Тиффани вошла, старая ведьма что-то ткала на станке. Два клюва повернулись в сторону девочки.

— А, детка, — проговорила госпожа Вероломна высоким надтреснутым голосом. — У тебя выдался хороший день.

— Да, госпожа Вероломна, — послушно сказала Тиффани.

— Ты повидала юную Ветровоск, и у неё всё хорошо.

«Щёлк-щёлк», — стучал станок. «Тонк-тунк», — стучали часы.

— Просто прекрасно, — сказала Тиффани.

Госпожа Вероломна никогда не задавала вопросов. Она только сообщала ответы.

«Юная Ветровоск», — думала Тиффани, накрывая стол к ужину. Но ведь госпожа Вероломна очень, очень старая…

И очень страшная. Это правда. Отрицать невозможно. Нос её не был крючковатым, и зубы все на месте, хотя и жёлтые, но во всех прочих отношениях госпожа Вероломна словно сошла со страниц сказки про злую ведьму. И колени у неё щёлкали при каждом шаге. А ходила она быстро, опираясь на две трости и перебирая конечностями, как паук. Вот, кстати, ещё одна странность: по всему дому было полно паутины, и хозяйка строго-настрого запретила Тиффани трогать её, но ни одного паука девочка так и не видела.

А ещё эта её любовь к чёрному. Многие ведьмы предпочитают чёрный цвет, но у госпожи Вероломны были чёрные козы и чёрные куры. Стены в доме были чёрные. Пол чёрный. Если уронить палочку лакрицы, ни за что потом не найдёшь. Но что ввергало Тиффани в ужас, так это требование делать чёрным сыр, покрывая его блестящим чёрным воском. Тиффани знала толк в изготовлении сыров, а воск защищал их от высыхания, но чёрные сыры казались ей ка-

кими-то подозрительными. Они выглядели так, будто замышляют недоброе.

Кроме того, госпожа Вероломна, похоже, вовсе не нуждалась в сне. В своём преклонном возрасте она не слишком обращала внимание на то, день или ночь на дворе. В темноте вороны видят плохо, поэтому вечером старуха подзывала сову и ткала всю ночь, глядя её глазами. Сова для этого подходит в самый раз, говорила ведьма, потому что исправно вертит головой, следя за снующим влево-вправо челноком. «Щёлк-щёлк», — стучал станок. «Тонк-тунк», — откликались часы с опозданием лишь на миг.

Госпожа Вероломна, которая расхаживает с повязкой на глазах и нечёсаной гривой длинных седых волос, а чёрный плащ реет у неё за спиной…

Госпожа Вероломна, которая бродит по саду в холодную тёмную ночь, постукивая тростями, принюхиваясь к воспоминаниям, оставшимся от цветов…

У каждой ведьмы есть свой конёк, нечто такое, что ей особенно хорошо удаётся, и коньком госпожи Вероломны была Справедливость.

Люди преодолевали многие мили, чтобы просить её разрешить их спор:

«Я уверен, это моя корова, а он говорит, что его!»

«Она утверждает, будто это её земля, но этот участок отец оставил мне!»

Госпожа Вероломна сидела за станком, спиной к разгорячённой толпе, набившейся в дом. Станок действовал посетителям на нервы. Они со страхом таращились на него, а вороны таращились на них.

Заикаясь, экая и мекая, люди объясняли, что, собственно, они не поделили, а станок равнодушно постукивал себе в свете свечей… Ах да, свечи!

Подсвечниками служили два человеческих черепа. На одном из них было вырезано ЕНОХИ, на другом — АТУТИТА.

(К своему сожалению, Тиффани знала, что это означает «вина» и «невиновность». Она выросла на Меловых холмах, где никак не могла бы познакомиться с этим чужим, да ещё и древним языком[7]. Значение слов объяснил ей Обижулити Хлопстел, Д-р Маг. Фил., маг-р ОЧКВТР, Непревзойдённый Профессор Магических Наук

---

[7] Примечания: 7

В нашем мире этот язык, как ни странно, не древний, а вполне современный — так называемый новогреческий, на котором сегодня говорят в Греции. На нём эти слова пишутся ένοχη и αθωότητα соответственно. В оригинальном издании автор использует английскую транскрипцию: enochi и athootita. (*Примеч. перев.*)

из Незримого Университета, засевший у неё в голове.

(Ну, то есть частично засевший.

(Летом, два года назад, сознание Тиффани подчинил себе роитель, существо, имевшее привычку коллекционировать разумы тех, кого поработило за свою очень долгую жизнь. Ей удалось избавиться от захватчика, но некоторые чужие личности запутались у неё в извилинах, и теперь ей приходилось уживаться с ними. Был там и пузырь дутого самомнения доктора Хлопстела с комком его воспоминаний в придачу. Собственно, это всё, что осталось от древнего волшебника. Обычно он не беспокоил её, разве что с тех пор Тиффани могла читать иностранные слова — точнее, стоило ей их увидеть, как в её голове скрипучим голосом доктора Хлопстела раздавался перевод. Больше волшебник никак себя не проявлял, но на всякий случай она старалась не раздеваться перед зеркалом.)))

Черепа были закапаны свечным воском, и люди то и дело нервно косились на них, пока находились в комнате.

А когда все слова были сказаны, станок замолкал, повисала оглушительная тишина, госпожа Вероломна поворачивалась в своём кресле на

колёсах лицом к посетителям, снимала повязку с затянутых жемчужно-серыми бельмами глаз и говорила:

— Я выслушала. Теперь я посмотрю. Посмотрю и увижу истину.

Многие люди не выдерживали взгляда слепых глаз, уставившихся на них при свечах, и кидались наутёк. Эти глаза не могли видеть лиц, но, казалось, могли читать в душах. Чтобы выдержать пронизывающий взгляд госпожи Вероломны, надо было быть или очень честным, или невероятно глупым.

Поэтому никто никогда не оспаривал её решения.

Ведьмам не положено брать плату за работу, но каждый, кто приходил к госпоже Вероломне с просьбой помочь разрешить спор, приносил ей подарок. Обычно это было что-то съестное, но иногда — чистая ношеная одежда (чёрная) или пара старых башмаков подходящего размера. Если госпожа Вероломна решала спор не в вашу пользу, то, по общему мнению, не стоило пытаться забрать подарок, ведь зачастую бывает очень досадно проснуться поутру кем-то маленьким и липким.

Говорили, тот, кто осмелится солгать госпоже

Вероломне, умрёт страшной смертью в ближайшую неделю. Говорили, что короли и принцы приходят к ней тайком по ночам, чтобы просить помощи в великих государственных делах. Говорили, у неё в подполе лежат груды золота и сторожит их трёхголовый демон с огненной шкурой, который откусывает нос любому, кто туда сунется.

Насчёт двух из этих утверждений у Тиффани имелись глубокие сомнения. Насчёт третьего она точно знала, что это неправда, потому что однажды спустилась в подпол, прихватив на всякий случай ведро воды и кочергу, но не обнаружила там ничего, кроме груд картошки и моркови. И мышки, которая внимательно уставилась на неё.

Тиффани не боялась, а если и боялась, то не слишком. Во-первых, если только демон не наловчился маскироваться под картошку с морковкой, его, скорее всего, не существует. А во-вторых, хотя госпожа Вероломна жутко выглядела, жутко говорила, да ещё и пахла, как старый платяной шкаф, Тиффани она жуткой не казалась.

Ведьма должна уметь видеть с Первого Взгляда и думать Задним Умом. Первый Взгляд нужен, чтобы видеть то, что есть на самом деле, а Зад-

ний Ум — чтобы приглядывать за обычными мыслями, Здравым Смыслом, а то забредут куда не надо. Кроме Заднего Ума, у Тиффани был ещё Дальний Умысел, но она никогда не слышала, чтобы другие ведьмы упоминали о нём, а потому и сама про него помалкивала. Дальний Умысел мыслил довольно странно, был себе на уме и редко подавал голос. И он утверждал, что в госпоже Вероломне скрыто гораздо больше, чем кажется.

А однажды, вытирая пыль, Тиффани уронила череп «Енохи»…

…и неожиданно узнала о госпоже Вероломне гораздо больше, чем та согласилась бы открыть кому бы то ни было.

Тем вечером, когда они ели тушёную фасоль (чёрную, разумеется), госпожа Вероломна сказала:

— Ветер крепчает. Скоро пора выходить. В такую погоду я высоко не полечу. В окрестностях могут болтаться странные твари.

— Выходить? Мы куда-то идём? — спросила Тиффани.

Обычно они все вечера проводили дома, и поэтому каждый вечер тянулся целую вечность.

— Да, идём. Сегодня ночью будут танцевать.

— Кто?

— Вороны в темноте ничего не разглядят, а сова растеряется в суматохе, — продолжала ведьма. — Мне понадобятся твои глаза.

— Кто будет танцевать, госпожа Вероломна?

Тиффани любила танцы, но здесь, в горах, их, похоже, не устраивали вовсе.

— Идти-то недалеко, вот только буря скоро нагрянет.

Пришлось смириться, что госпожа Вероломна ничего не скажет. Но её слова разожгли любопытство Тиффани. Кроме того, размышляла она, будет очень познавательно увидеть тех тварей, которых сама госпожа Вероломна считает жуткими.

Конечно же, по такому случаю госпожа Вероломна решила надеть свою остроконечную шляпу. Тиффани терпеть не могла, когда её наставница это делала. Приходилось стоять перед старухой и смотреть на неё, не отводя взгляда, а в глазах делалось щекотно, потому что ведьма использовала её вместо зеркала.

К тому времени, когда они поужинали, ветер уже завывал в лесу, словно дикий тёмный зверь. Стоило приоткрыть дверь, как он рванул её на себя и вломился в комнату, аж нити основы на ткацком станке загудели.

— Вы уверены, что нам надо идти? — спросила

Тиффани, пытаясь закрыть дверь.

— Да как ты можешь! И думать не смей, будто я не пойду! Кто-то должен смотреть на танец! Я ни разу его не пропустила! — Госпожа Вероломна была вся какая-то взвинченная, вся на нервах. — Мы должны идти! А ты должна одеться в чёрное.

— Госпожа Вероломна, вы же знаете, я не ношу чёрное, — сказала Тиффани.

— Нынешняя ночь требует чёрного. Наденешь мой плащ. Не тот, который лучший, а тот, что чуть поплоше.

Это было сказано с истинно ведьмовской твёрдостью, как будто госпоже Вероломне и в голову не могло прийти, что её ослушаются. Ей было 113 лет. Уйма времени, чтобы отточить мастерство непререкаемости. Тиффани не стала спорить.

Не то чтобы я что-то имела против чёрного цвета, думала Тиффани, надевая плащ, чуть поплоше лучшего, просто это не моё. Когда люди говорят, что ведьмы ходят в чёрном, они на самом деле имеют в виду, что чёрное носят старухи. И вообще, я же не наряжаюсь в розовое и всякое такое…

Потом ей пришлось завернуть часы старой ведьмы в обрывки старого покрывала, так что их вечное «тонк-тунк» превратилось в «тонк-тунк».

О том, чтобы оставить их дома, и речи не шло. Госпожа Вероломна всегда держала часы при себе.

Пока Тиффани собиралась, ведьма с диким скрежетом завела часы. Она постоянно их подзаводила. Порой она делала это в самый разгар судилища, и все в комнате пугались ещё больше.

Когда они двинулись в путь, дождя ещё не было, но на головы им градом сыпались сорванные ветром листья и ветки. Госпожа Вероломна боком сидела на метле, мёртвой хваткой вцепившись в ручку, а Тиффани шла рядом и вела метлу на буксире при помощи обрывка бельевой верёвки.

В небе ещё догорал алый закат, и прибывающая луна висела высоко, но под ней неслись размазанные ветром облака, наполняя лес скользящими тенями. Ветви над головой стучали друг о друга, где-то в отдалении с грохотом свалился отломившийся сук.

— Мы пойдём в сторону деревень? — спросила Тиффани, силясь перекричать шум бури.

— Нет! Ступай по тропе через лес! — крикнула в ответ госпожа Вероломна.

О, подумала Тиффани, неужели это будут пресловутые «танцы без ничего», о которых я столько слышала? То есть на самом деле не так-то много я о них и слышала, потому что стоит кому-то об-

молвиться про эти самые танцы, как ему тут же велят замолчать. Так что при мне о них почти не говорили, но не говорили весьма красноречиво.

Танцы нагишом были из тех вещей, которыми, по мнению большинства людей, занимаются ведьмы, хотя сами ведьмы придерживались другого мнения. И Тиффани могла их понять. Даже жарким летом ночи не такие уж тёплые, а ещё надо опасаться ежей и чертополоха. Кроме того, просто невозможно представить, чтобы особа вроде матушки Ветровоск танцевала без… словом, совершенно невозможно представить. А если попробуешь — голова взорвётся.

Волоча за собой на верёвке парящую у самой земли метлу с госпожой Вероломной, Тиффани углубилась в лес. Ветер к этому времени уже стих, но холодный воздух, который он принёс, остался. Тиффани порадовалась, что на ней тёплый плащ, пусть и чёрный.

Она устало шагала по лесным тропам, сворачивая там, где велела госпожа Вероломна, пока не разглядела за деревьями, в небольшой впадине, огонёк костра.

— Стой! И помоги мне спуститься, — сказала старая ведьма. — И слушай внимательно, девочка. Запоминай правила. Во-первых, ничего не

говори. Во-вторых, смотри только на танцоров. И, в-третьих, стой смирно, пока они не закончат плясать. Повторять не буду!

— Хорошо, госпожа Вероломна. Тут так холодно…

— И будет ещё холоднее!

Они пошли на свет костра в отдалении. «Что толку ходить на танцы, если можно только смотреть, как танцуют другие? — думала Тиффани. — Тоже мне, развлечение…»

— Это тебе не развлечение, — сказала госпожа Вероломна.

В круге света двигались силуэты, Тиффани различила мужские голоса. Когда ведьмы подошли к кромке впадины, кто-то залил костёр.

Раздалось шипение, среди деревьев поднялись клубы дыма и пара. Всё случилось очень быстро и жутко. Единственное, что выглядело здесь живым, умерло.

Сухие листья хрустели под ногами. Небо расчистилось, и среди деревьев заблестели лужицы лунного света.

Тиффани не сразу поняла, что в центре свободного от деревьев пространства, на дне впадины стоят шестеро мужчин. Должно быть, они были с ног до головы в чёрном. В лунном свете они

казались дырами в непроглядную пустоту, прорезанными в форме человеческих силуэтов. Они стояли по трое в ряд, друг напротив друга, так неподвижно, что спустя какое-то время Тиффани задумалась, не мерещатся ли они ей.

Потом глухо и ровно забил барабан: бум… бум… бум…

Удары раздавались где-то полминуты и стихли. Но ровный ритм продолжал звучать в голове Тиффани, и, возможно, не только в *её* голове, потому что танцоры на поляне еле заметно кивали ему в такт.

А потом пустились в пляс.

Тишину нарушал лишь мерный топот башмаков сходящихся и расходящихся танцоров. Но вскоре Тиффани сквозь беззвучный барабанный бой, гудящий у неё в голове, расслышала и другой звук. Её нога по собственной воле притопывала, отбивая ритм.

Тиффани не впервые слышала этот барабан. Они уже видела похожий танец. Но тогда было тепло и светило солнце. И на одежде танцоров были нашиты бубенчики.

— Это же моррис, весенний танец![8] — прошептала она не так чтобы совсем тихо.

— Цыц! — шикнула госпожа Вероломна.

— Но это неправильно…

— Молчи, говорю!

Тиффани покраснела и обиделась. Со злости она нарочно оторвала взгляд от танцоров и посмотрела на дальний конец поляны. Там собрались какие-то люди — или, по крайней мере, отсюда они казались людьми. Рассмотреть как следует не удавалось, но, может, оно было и к лучшему.

Теперь она отчётливо чувствовала, как холодает. Листья трещали, схваченные первым морозцем.

Барабан в голове ухал по-прежнему ровно, однако Тиффани стало казаться, что к нему при-

---

[8] Примечания: 8

— Это же моррис, весенний танец!

Моррис — средневековый народный английский танец под музыку, исполняется группой танцоров, зачастую в белых одеждах с нашитыми на них колокольчиками, а порою является частью целой пантомимы. В ходе исполнения могут использоваться палки, мечи, платки и даже глиняные трубки. Самое раннее сохранившееся упоминание о танце моррис датируется 1448 годом: это документ, подтверждающий, что Гильдия золотых дел мастеров должным образом выплатила танцорам морриса вознаграждение в размере семи шиллингов. При том, что танец этот исконно английский, само название, строго говоря, означает «мавританский танец» (в самых ранних источниках это *morisk dance, morisse daunce*); возможно, потому, что и костюмы, и шаги танца подчёркнуто экзотические. В деревнях танцоры даже иногда чернили себе лица, как настоящие мавры. Музыку традиционно обеспечивали

дудка и тамбурин или скрипка. Моррис танцевали на протяжении XV–XVI вв.: известно, что комик шекспировской труппы Уильям Кемп в 1600 г. в одиночку протанцевал моррис от Лондона до Нориджа. А в XVII в. моррис стал непременным атрибутом народных гуляний в праздник Пятидесятницы — и всё больше ассоциировался именно с весенними праздниками, скажем с майскими играми вокруг майского шеста. В мире Терри Пратчетта обрядовый характер морриса ещё более усилен: этим танцем в традиционном его варианте — костюмы с бубенчиками, деревенские гулянья и непременная выпивка — приветствуют приход лета; в пару к нему Пратчетт придумал и тёмный моррис — танец, освящающий наступление зимы.

В разных городах и деревнях испокон веков существовали свои традиции танцевать моррис и свои группы танцоров. В начале XX в. моррисом всерьёз занялись английские фольклористы — пытаясь восстановить и возродить танец в разнообразных его вариантах. Сегодня практикуются шесть разных стилей исполнения морриса, восходящих к нескольким местным традициям; есть три солидные организации, занимающиеся историей и поддержкой распространения этого танца, в том числе Федерация морриса.

Количество танцующих, то есть персонажей морриса, менялось от эпохи к эпохе и от места к месту (у Пратчетта их семь): более-менее постоянные, традиционные фигуры — это Шут или Клоун (в пратчеттовский вариант морриса он тоже входит), Лошадка, Дева Мариан (возможно, персонажи робин-гудовских баллад добавились позже). В пьесе У. Шекспира «Два благородных родича» есть яркая сцена с описанием этого танца-пантомимы: деревенские юноши и девушки исполняют моррис в честь бракосочетания герцога Тезея, а деревенский учитель — распорядитель пантомимы — перечисляет персонажей действа:

Мы, кто сошёлся ныне на поляне,

По выговору слышно – поселяне,

Простолюдины, деревенский сброд, –
Хор по-учёному, простой народ.
Мы перед вами собрались все вместе,
Чтоб моррис станцевать для вашей чести. ‹…›
Гвоздь представленья, главный персонаж –
Кто ж как не я, слуга покорный ваш,
Я действа суть вам излагаю сжато
И в дар несу всё, чем перо богато.
Лорд с Леди Мая следуют за мной;
Служанка и Лакей, что в час ночной
За занавесью крутят шуры-муры;
Трактирщик с Жёнкой – щедрые натуры,
Чуть путник на порог, жена мигнёт
Буфетчику, чтоб увеличил счёт.
Вот Шут, а вот Мужлан, что смотрит букой,
И Павиан с хвостом и длинной штукой…

соединились другие удары и всё вместе эхом отдаётся под черепом.

Госпожа Вероломна может шикать сколько влезет. Этот танец — тот самый, что по традиции танцуют весной. Но сейчас для него не время!

Танцоры морриса приходили в деревню где-то в мае. Никто точно не мог предсказать их появление, потому что по пути они обходили множество других деревень Меловых холмов, а в каждой деревне была пивная, что очень задерживало их продвижение.

В руках они держали палки, а на белых костюмах были нашиты бубенчики, чтобы танцоры не могли незаметно подобраться к кому-нибудь. Мало приятного, если такой танцор явится как гром среди ясного неба. Тиффани обычно поджидала их вместе с другими детьми на окраине деревни, а дождавшись, вместе со всеми бежала следом, пританцовывая на ходу.

А потом они плясали моррис на деревенском лугу под барабанный бой, стуча палкой о палку, а потом шли в пивную, и это означало, что наступило лето.

Тиффани так и не поняла, при чём тут приход лета. Они пляшут, и наступает лето — вот и всё, что знали взрослые. А отец сказал, однажды

танцоры морриса так и не явились, и холодная мокрая весна сменилась промозглой осенью, а месяцы между ними были полны туманов, дождей и августовских заморозков.

Мерный барабанный бой заполнил всю её голову, путая мысли. Они что-то делают не так, что-то тут не так…

И вдруг она вспомнила: был ещё седьмой танцор, его звали Шут. Обычно это был маленький человечек в помятом цилиндре и одежде, расшитой разноцветными лоскутками. Он всё больше болтался поблизости, подставляя публике шляпу и ухмыляясь, пока кто-нибудь не бросит ему мелочь на пиво, но иногда клал цилиндр на землю и ввинчивался в танец. Всем казалось, что от такого вторжения пляска превратится в кучу-малу, но этого не происходило. Шут прыгал и вертелся ужом среди потных танцоров, и всякий раз оказывался там, где никого не было.

Перед глазами Тиффани плыло, словно весь мир кружился в хороводе. Она моргнула. Барабаны в голове грохотали уже оглушительно, будто гром, и голос одного из них был глубоким, как океан. Она забыла и думать о госпоже Вероломне. И о странных зрителях тоже. Остался только танец.

Он вился, как живой. Но где-то в его изменчи-

вом рисунке постоянно оставалось пустое место. Тиффани понимала, что это место оставлено для неё. Госпожа Вероломна велела стоять смирно, но это было давно — и вообще, что она понимает? Откуда ей знать? Когда она сама в последний раз танцевала? Танец проник в самое существо Тиффани, он звал её. Шестерых недостаточно!

Она бросилась вперёд и запрыгнула в вихрь танца.

Она прыгала и кружилась среди танцоров-мужчин, а те сердито смотрели на неё, но она всегда была там, где не было никого из них. Барабаны достучались до её ног, и ноги сами несли её в танце.

И вдруг… оказалось, что рядом есть кто-то ещё.

Ощущение было, будто кто-то стоит за спиной… и одновременно впереди, и сбоку, и над головой, и под ногами — везде.

Танцоры замерли, но мир продолжал кружиться. Их чёрные силуэты были лишь немногим темнее сгустившейся вокруг тьмы. Барабаны умолкли, и один-единственный миг Тиффани парила, плавно поворачиваясь, не касаясь земли, раскинув руки, обратив лицо к звёздам, холодным и колючим, как иглы. Это было… чудесно.

Чей-то голос спросил:

— Кто ты? — И его вопрос повторило эхо, а может быть, чей-то ещё голос произнёс те же слова почти одновременно.

Снова заухал барабан, и танцоры врезались в Тиффани.

Несколько часов спустя в городишке под названием Кривопёс, далеко на равнинах, бросили в омут связанную по рукам и ногам ведьму.

В горах, где к ведьмам относятся с величайшим почтением, такого произойти никак не могло, но на широких просторах равнин до сих пор встречаются люди, которые верят самым гнусным россказням. Кроме того, им, как правило, просто нечем заняться по вечерам.

Что в этом происшествии было необычного, так это то, что перед утоплением ведьму напоили чаем и угостили печеньем.

А всё потому, что праведные кривопёсцы Следовали Завету Книги.

Книга называлась **«Magavenatio Obtusis»**[9].

Горожане понятия не имели, откуда взялась эта книга. Просто в один прекрасный день она обнаружилась на полке в какой-то лавке.

Разумеется, они умели читать. В современном

---

[9] Примечания: 9

Э-э-э… «Молот ведьм для чайников». (*Примеч. автора*)

мире читать-писать хоть немного, да приходится, без этого не прожить даже в Кривопёсе. Но они не доверяли книгам, как и людям, которые читают книги.

Однако эта книга была о том, как расправляться с ведьмами. И выглядела она солидно, в ней не было всяких длинных (а значит, подозрительных) слов вроде «бланманже». Ну наконец-то, сказали добрые горожане, хоть одна полезная нашлась среди этих книжонок! Конечно, кто бы мог подумать, но помните, как оно обернулось с той ведьмой в прошлом году? Ну, которую мы макали в воду, а потом пытались сжечь живьём, а она оказалась слишком мокрая, нипочём не хотела гореть и удрала? Ну так вот, больше нас так не проведёшь!

Особенное внимание горожане уделили следующему отрывку:

> **Если вы поймали ведьму, крайне важно не причинять ей никакого вреда (раньше времени!). Ни в коем случае не пытайтесь её сжечь! Это ошибка, которую часто совершают неопытные охотники на ведьм. От огня ведьмы только впадают в ярость и возвращают-**

ся ещё сильнее, чем прежде. Как всем известно, другой способ избавиться от ведьмы – бросить её в реку, пруд или омут.

Лучше всего действовать следующим образом.

Для начала заприте ведьму на ночь в умеренно тёплом помещении и дайте ей столько супа, сколько она попросит. Подойдёт морковно-чечевичная похлёбка, но для наилучшего результата рекомендуется использовать суп из картофеля и лука-порея на крепком говяжьем бульоне. Именно такой суп наиболее пагубно воздействует на магические способности ведьмы. Не давайте ей томатный суп – от него её сила только увеличится!

Для пущей надёжности положите по серебряной монете в каждый из ведьминых башмаков. Она не сможет их вытащить, потому что серебро обожжёт ей пальцы.

Выдайте ведьме подушку и тёплые одеяла. Так вы хитростью заставите её проспать всю ночь до утра. Заприте

дверь и проследите, чтобы никто к ней не входил.

Примерно за час до рассвета отправляйтесь в комнату, где заключена ведьма. Возможно, вы думаете, что туда следует врываться шумно, с громкими криками. ЭТО ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ! Войдите тихо, на цыпочках подкрадитесь к постели и поставьте возле спящей ведьмы чашку чая, после чего аккуратно отойдите обратно к двери и вежливо кашляните. Это очень важно. Резко разбуженная ведьма может натворить страшных бед.

Некоторые специалисты рекомендуют подать к чаю шоколадный пряник. Другие пишут, что имбирного печенья будет вполне достаточно. Главное, если вам дорога жизнь, никогда не предлагайте ведьме пресных галет, от них у неё из ушей посыплются искры.

Когда ведьма проснётся, прочтите приведённое ниже магическое заклинание. Оно не позволит ей обернуться пчелиным роем и улететь:

СЕБ ЛАБЯ ЕН МЕРОГ[10]

После того как ведьма допьёт чай, свяжите ей руки и ноги, используя первый боцманский узел, и бросьте в воду. ВАЖНО! Постарайтесь сделать это до рассвета. Бросив ведьму в пруд или омут, немедленно расходитесь, не вздумайте оставаться посмотреть!

Разумеется, несколько человек рискнули задержаться на берегу. И увидели, что ведьма канула в воду и так и не вынырнула, и только её зловещая чёрная шляпа самым жалким образом качается на волнах. Налюбовавшись, они отправились домой завтракать.

Ещё несколько минут решительно ничего ин-

---

[10] Примечания: 10

Себ лабя ен мерог

В оригинале — «ITI SAPIT EYI MA NASS», фраза, которая для непосвящённого выглядит как самая что ни на есть учёная латынь. Эта пратчеттовская шутка основана на предположительно реальном розыгрыше. Где именно этот розыгрыш имел место (и был ли вообще), не вполне понятно: по одним версиям, в Британии, по другим — в Америке. В некой местной газете якобы было опубликовано сенсационное сообщение о ценной археологической находке — древнеримском горшке (в американском варианте сенсационной находкой явился древний глиняный индейский горшок, что добавляет истории нелепости). По краю горшка отчётливо просматривалась надпись «ITI SAPIS POTANDA BIGONE»: местный высокоучёный профессор уверял, что это самая что ни на есть латынь, пусть немного искажённая, и даже сделал приблизительный перевод, в котором фигурировало слово «мудрость». На самом деле, если переставить интервалы на их законные места,

прочитывается не латинская, а английская фраза: «IT IS A PIS POT AND A BIG ONE» — «Это ночной горшок, причём большой».

тересного не происходило. Потом шляпа поплыла к густым зарослям тростника. Там она остановилась и очень медленно приподнялась над водой. Пара зорких глаз внимательно оглядела окрестности из-под полей.

Убедившись, что поблизости никого нет, Констатанция Тик, учительница и специалистка по поиску ведьм, выползла на берег и быстро скрылась в зарослях. В это время как раз рассвело. В норе барсука у неё была спрятана сумка, где лежало чистое платье, смена белья и коробок спичек (отправляясь в опасные места, она никогда не брала спички с собой, чтобы не наводить на нехорошие мысли тех, кто может её схватить).

Ну что ж, думала Констатанция Тик, греясь у костра, всё могло бы обернуться и хуже. Хорошо, что в этом захолустье ещё остались люди, умеющие читать, иначе она могла бы попасть в весьма неприятную историю. Правильно она сделала, решив отпечатать книгу крупным шрифтом.

Дело в том, что мисс Тик (она предпочитала это иностранное обращение, потому что ей нравилось, как оно звучит в сочетании с её фамилией) сама и написала «Молот ведьм для чайников». Она же и позаботилась о том, чтобы экземпляры её труда попали в земли, где люди до сих пор

верили, что ведьм следует сжигать или топить.

Поскольку мисс Тик сейчас была единственной ведьмой, которая отваживалась совать нос в эти края, то на случай неблагоприятного развития событий она сама обеспечила себе ночлег и ужин перед тем, как её бросят в воду. Купание её ничуть не пугало — мисс Тик воспитывалась в Щеботанском колледже для молодых барышень, где учениц каждое утро заставляли окунаться в ледяную воду для Укрепления Силы Духа. А первый боцманский узел проще простого развязать зубами даже под водой.

Ах да, и ещё теперь у неё были две серебряные монетки по шесть пенсов. Право, думала мисс Тик, выливая воду из башмаков, кривопёсцы становятся всё глупее и глупее. И ничего удивительного — так всегда происходит, когда люди прогоняют ведьм. Ведьма, по сути, просто человек, который знает больше других. Слово «ведьма» именно это и значит. А некоторые люди не терпят, когда кто-то знает больше, чем они, и потому бродячие учителя и странствующие библиотекари теперь обходят этот городишко стороной. Если так и дальше пойдёт, то кривопёсцам, желающим забрасывать камнями всех, кто умнее их, придётся бросаться камнями в свиней.

Городишко был мерзкой дырой, и только. К несчастью, в нём жила девочка восьми лет от роду, у которой были неплохие задатки, и мисс Тик старалась время от времени навещать её и приглядывать, как у неё идут дела. Разумеется, она не могла прийти в эти края как ведьма — хоть мисс Тик и любила окунуться по утрам в холодную воду, не стоит себя баловать. Приходилось прикидываться скромной торговкой яблоками или гадалкой. (Обычно ведьмы не предсказывают будущее, потому что это удаётся им слишком уж хорошо. Люди не хотят знать, что произойдёт с ними на самом деле, они хотят услышать что-нибудь приятное. А ведьмы никогда не подслащивают правду.)

Но на этот раз произошла неприятность. Остроконечная шляпа мисс Тик была особой модели: она могла превращаться в обычную соломенную шляпку с цветочками и обратно. И когда мисс Тик шла по главной улице городка, что-то случилось с пружиной, которая помогала шляпе вырасти, и остроконечная тулья развернулась при всём честном народе. Тут уж даже мисс Тик не смогла выкрутиться. Что ж, теперь придётся придумать что-нибудь новенькое, чтобы защитить себя в будущем. Ремесло ведьмы-лазутчицы, разыски-

вающей девочек с ведьмовским даром, во все времена было делом опасным. Но без него никак. Нельзя, чтобы юная ведьма росла без присмотра, несчастный ребёнок может натворить больших бед…

Погодите-ка, подумала мисс Тик, уставившись в костёр, почему мне вдруг пришла на ум Тиффани Болен? И почему именно сейчас?

Она поспешно вытряхнула наружу содержимое своих карманов и принялась плести путанку.

Путанки работают. Это всё, что можно сказать про них наверняка. Чтобы сделать путанку, нужен обрывок верёвки или нитки, пара прутиков и то, что найдётся в нужный момент в карманах. Для ведьм это что-то вроде складного ножа с пятнадцатью лезвиями, тремя отвёртками, лупой и штуковиной для прочистки цыплячьих ушей.

Как они работают — никто не знает. Мисс Тик, впрочем, утверждала, что путанка помогает узнать то, что ты и так откуда-то знаешь, только знание это спрятано где-то глубоко-глубоко в тебе. Путанку каждый раз надо мастерить заново с нуля, используя только то, что найдётся в карманах. Хотя не возбраняется носить на всякий случай в карманах побольше всякой полезной всячины.

Не прошло и минуты, как в руках мисс Тик оказалась готовая путанка, сделанная из:

— линейки на 12 дюймов;

— шнурка;

— обрывка видавшей виды верёвочки;

— чёрных ниток;

— карандаша;

— точилки для карандашей;

— маленького камушка с дырой;

— спичечного коробка, внутри которого помещался мучной червь по имени Роджер и пара крошек ему на пропитание, потому что путанка обязательно должна содержать что-то живое;

— примерно половины пакетика Пастилок От Боли В Горле Госпожи Полначаши;

— пуговицы.

Всё вместе выглядело как «кошачья колыбелька» или весьма странная марионетка на безнадёжно перепутавшихся нитях. Мисс Тик уставилась на путанку, ожидая, пока она прочитает её вопрос. Потом линейка крутанулась в воздухе, пастилки взорвались розовым облаком, карандаш выстрелил и вонзился в ведьмину шляпу, а линейка покрылась инеем.

Это было вовсе не то, чего мисс Тик ожидала.

Госпожа Вероломна сидела в своей комнате

внизу и наблюдала за Тиффани, спящей на втором этаже. Она смотрела на девочку глазами мыши, устроившейся на потёртой медной спинке кровати. За серыми окнами (госпожа Вероломна не мыла их добрых пятьдесят три года, и Тиффани так и не смогла отскоблить всю грязь) в лесу завывал ветер, хотя была ещё только середина дня.

Он ищет её, думала ведьма, скармливая кусок престарелого сыра другой мыши, сидящей у неё на коленях. Ищет, но не найдёт. Здесь она в безопасности.

Вдруг мышь вскинулась, забыв про сыр, — она что-то услышала.

— А я грил! Она хдей-то тута!

— А мож, всёж-таки погрим с каргой, ыть? До сих-то пор мы с ними типсы-топсы ладили.

— Оно так, но эта карга та ишшо страхолюдина. Грят, у ней в подклетьи среди картофана демонс шлындрает.

Госпожа Вероломна не верила своим ушам.

— Они? — пробормотала она себе под нос.

Голоса раздавались из-под пола. Ведьма отослала мышь в норку на другом конце комнаты.

— Звиняй, канеш, но токо мы щас как раз в подклетьи и тута ничего, окромя картофанов.

Повисла пауза. Потом кто-то спросил:

— Дыкс хде он?

— Мож, выходной взял.

— На кой демонсу выходной?

— Мож, мамку с папкой позырить.

— Нды? А у демонсов что, мамки водятся?

— Раскудрыть налево! А ну кыкс, прекращайте препиракать! Она ж нас услыхнёт ишшо!

— Нае, грят, она слепая, как кротява, и глухая, как чурбач.

У мышей очень хороший слух. Госпожа Вероломна улыбнулась, когда мышка выбралась из норки, проделанной в грубой каменной стене подпола.

Ведьма посмотрела её глазами. Мыши также недурно видят в полумраке.

По подвалу крадучись шли несколько маленьких человечков. Кожа у них была синяя, покрытая татуировками и грязью. На каждом был весьма неряшливый килт, а за спиной висел меч размером с самого человечка. Волосы человечки носили небрежно заплетёнными в косу, и у всех они были рыжие, прямо-таки огненные. Один щеголял в шлеме из кроличьего черепа. Грозное впечатление несколько портило то, что шлем постоянно сползал своему обладателю на глаза.

Госпожа Вероломна, по-прежнему сидя в ком-

нате, снова улыбнулась. Выходит, они слышали о ней? Но они ещё не всё слышали…

Когда незваные гости вылезли из подвала, протиснувшись в старую крысиную нору, к наблюдению за ними присоединились ещё две мыши, три жука различных видов и одна моль. На цыпочках человечки двинулись через комнату мимо ведьмы, которая по всем признакам крепко спала — но вдруг хлопнула со всей силы по подлокотникам кресла и заорала:

— Ыть! Я вас зырю, чудилы позорные!

Фигли ударились в панику, кинулись кто куда, налетели друг на друга и попадали на пол, дрожа от ужаса.

— Я вам не спозволяла шевеляться, ыть! — прикрикнула госпожа Вероломна с жуткой усмешкой.

— Ой-ёи-ёи! Она по-нашенски разбирает! — захныкал кто-то из человечков.

— Вы ведь Нак-мак-Фигли, тыкс? Но я ни бум-бум знаки вашенского клану. Да охолоните вы, я вас прям ща пар-жарить не бу. Ты! Кыкс тя звать?

— Я — Явор Заядло Фигль, Большой Человек клана Мелового холма, — ответил человечек в шлеме из кроличьего черепа. — И…

— Ах-ха? Большой Человек, знатца? Ну тады сделай мне любезныcть, сыми свой чепунец, когды со мной гришь! — скомандовала госпожа Вероломна, до крайности довольная собой. — И выпрямься! Не потерплю, чтоб в моём домище наперекосяк стояли!

Все четверо Фиглей тут же вытянулись в струнку.

— То-то ж! — одобрила госпожа Вероломна. — А вы, остатние, хто таковые бу?

— Эт' мой брат Туп Вулли, гжа, — сказал Явор Заядло, тронув за плечо того Фигля, который всё норовил расхныкаться.

Названный Туп Вулли в немом ужасе таращился на Енохи и Атутиту.

— А эти двое? Тойсь, он те два? — спросила госпожа Вероломна. — Вот ты. Тойсь, от ты, с визжалью. Ты никыкс гоннагл?

— Ах-ха, хозяйка, — сказал Фигль, выглядевший несколько почище и поопрятнее остальных (хотя надо признать, что и под старой корягой легко встретить существ почище и поопрятнее Тупа Вулли).

— И зовут тя?..

— Билли Мордаст, хозяйка.

— Чтой-то ты тыкс на меня пыришься, Билли

Мордаст? — усмехнулась госпожа Вероломна. — Никыкс трусишься?

— Нае, хозяйка. Любоваюсь. Отрадностно сердцу моёму зырить такую… ведьмастую ведьму.

— О кыкс, знатца? — недоверчиво спросила госпожа Вероломна. — И чё, Билли Мордаст, ты уверен, что ни капели меня не боякаешься?

— Нае, хозяйка. Но ежли желашь, могу и побоякаться, — осторожно ответил Билли.

— Ха! — сказала госпожа Вероломна. — Да ты, я смотрю… я зырю, у нас тута умникс! А хто таков твой громаздый друган?

Билли ткнул Громазда Йана локтем в бок. Тут весь извёлся от беспокойства. Громазд Йан по меркам Фиглей был огромным детиной, но, как и многие люди, отличающиеся большой физической силой, он очень нервничал, когда приходилось иметь дело с теми, чья сила иного рода.

— Эт' Громазд Йан, хозяйка, — пришёл ему на выручку Билли, потому что Громазд Йан совсем растерялся и только таращился себе под ноги.

— Я зырю, он носит на шее громазды зубья, — заметила госпожа Вероломна. — Никак человечьи?

— Ах-ха, хозяйка. Четыре зубовины, хозяйка. По одной за кажденного мущщину, какого он

вырубил.

— Ты про человеческих мужчин говоришь? — переспросила госпожа Вероломна в изумлении.

— Ах-ха, хозяйка, — подтвердил Билли Мордаст. — Он обыченно на них с деревьев прыгс балдой вниз. Йан, он на черепокс оченно крепок, — добавил гоннагл, как будто это было и так не ясно.

Госпожа Вероломна откинулась в кресле:

— А таперь пообъясняйте-ка мне, чегой вы шлындраете в моём домище без спросу! Ну кыкс!

И после коротенькой-коротенькой заминки Явор Заядло жизнерадостно заявил:

— Ах, эт' лехко! Мы на хаггиса охотились[11].

— А от и враксы! — ощерилась госпожа Вероломна. — Хаггис — это жракса из бараньих

---

[11] Примечания: 11

Мы на хаггиса охотились.

Хаггис — это национальное шотландское блюдо: жареная, варёная или тушёная смесь из мелко порубленных бараньих потрохов (сердца, печени и лёгких) с луком, салом, толокном и разнообразными приправами. Когда-то это было кушанье для бедноты, поскольку потроха обычно предназначались на выброс. Для правильного, традиционного хаггиса всё это варится в бараньем желудке; дешёвые варианты (в частности, в шотландских фастфудах) готовятся в искусственной оболочке. Госпожа Вероломна совершенно права, утверждая, что «хаггис — это жракса из бараньих потрохсов». Несмотря на малоаппетитное описание, хаггис — чрезвычайно вкусное и сытное блюдо. Подают его с картофельным и брюквенным пюре и по традиции запивают виски. Существует даже национальный спорт — «бросание хаггиса»: шотландцы соревнуются, кто дальше и точнее зашвырнёт хаггис с возвышения (обычно с бочки

из-под виски); причём после броска хаггис предполагается съесть.
В Шотландии хаггис традиционно подают на стол на ужин в честь дня рождения любимого шотландского поэта Роберта Бёрнса — 25 января. Это целый ритуал: хаггис вносят под музыку шотландской волынки, а за столом читают стихи Бёрнса, и просто любимые, и подходящие к случаю, в частности «Оду шотландскому пудингу „хаггис“»:

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, –
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далёкий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!..

(Пер. С. Маршака)

Существует расхожая шотландская шутка: хаггис — это якобы мелкий зверёк (дикий хаггис, *Haggis scoticus*), водится в горах Шотландии, левые и правые его лапы — разной длины, чтобы бегать по крутым склонам и не спотыкаться. В Шотландии распространены мягкие игрушки-хаггисы в виде маленьких лохматых зверьков и забавные детские книжки про охоту на дикого хаггиса. Про дикого хаггиса шотландцы рассказывают туристам в ответ на вопрос, из чего готовят хаггис, — и, как ни странно, легковерные туристы принимают этот рассказ за чистую монету. Согласно одному из опросов, 33 % американских туристов верят в то, что хаггис на самом деле дикий зверёк. Неудивительно, что изобретательные Мак-нак-Фигли прибегли к этой версии, но госпожа Вероломна оказалась не столь доверчива, как американский турист.

потрохсов!

— То токо на тот случай, когды настояшшего хаггису не могёшь словить, хозяйка, — осторожно возразил Явор Заядло. — С настояшшим-то потрохсам не сравняться! Хаггис — он зверь пронырный, логовище себе роет в… в картофанных подклетьях!

— Ах, вот, знатца, какова правда? Вы на хаггис охотились? Так оно, Туп Вулли? — Голос госпожи Вероломны вдруг сделался очень резким.

Все глаза, включая глаза случившейся поблизости уховёртки, обратились на несчастного Вулли.

— Э… ах-ха… у… аргх… ой-ёи-ёи! — взвыл Туп Вулли и повалился на колени. — Пжалста, токо не делай со мной чего худого, хозяйка! Твоя ухокрутка оченно убивственно на меня пырится!

— Хорошо, попробуем начать заново, — сказала госпожа Вероломна и сдёрнула повязку с глаз.

Фигли испуганно шарахнулись назад, когда она положила руки на черепа по обе стороны от кресла.

— Мне не нужны глаза, чтобы учуять ложь, когда она заявляет о себе, — провозгласила ведьма. — Скажите мне, зачем вы пришли. Скажите… снова.

Явор Заядло снова ответил не сразу. Учитывая обстоятельства, эта пауза потребовала от него немалого мужества.

Потом он всё же признался:

— Эт’ заради мал-мал громаздой карги мы тута, хозяйка.

— Мал-мал громаздой… Ты про Тиффани?

— Ах-ха.

— На нас седает ента громазда птахса, — добавил Туп Вулли, изо всех сил стараясь не смотреть в слепые ведьмины глаза.

— Он хочевал сказануть, на нас гюйс, гжа, — сказал Явор Заядло, сердито глянув на брата. — Это такенное…

— Гейс, чрезвычайно важное обязательство, которое нельзя нарушить, — перебила старуха. — Я кумексаю, чё тако гюйс. Но откуда он взялся?

За свои сто тринадцать лет госпожа Вероломна слышала очень, очень много историй. Но история, которую ей довелось услышать теперь, произвела на неё впечатление. Это был рассказ о девочке, которая, пусть и всего несколько дней, была кельдой клана Нак-мак-Фиглей. А ту, кто была их кельдой, пусть и несколько дней, Фигли не забудут. Никогда.

— И она — карга наших холмов, — добавил

Билли Мордаст. — Она заботится о них, оберегает от всяких злей. Но…

Он замялся, и Явор Заядло пришёл на выручку гоннаглу:

— Нашая кельда зырит сны. Сны про будущие. И в тех снях холмы все заледенели, и всем кирдыкс пришёл, а нашая мал-мал громазда карга носит ледовый венец!

— О!

— И эт' не всё, — сказал Билли Мордаст, широко раскинув руки, как хвастливый рыбак. — Кельда видела зелёно дерево в ледовом краю! И железно кольцо! И человека с гвоздьем в сердце! Она видела куриную напасть и ходячий сыр!

Тишина повисла надолго. Потом госпожа Вероломна проговорила:

— Ну, с деревом и кольцом всё ясно, старые добрые оккультные… символы. Гвоздь тоже… та ещё метафора. Я не совсем уверена насчёт сыра… Может, это Гораций? И про куриную напасть тоже… Вы ведь не боитесь, что на вас нападут куры, или как?

— Насчёт курей Джинни оченно всурьёз грила, — сказал Явор Заядло. — Она громазду кучу странных сней зырила, вот мы и решились проведать нашу мал-мал громазду каргу, позырить,

каковски у ней делы.

— И вы вчетвером пустились в такой долгий путь? — спросила ведьма.

— Ну, мы ишшо мал-мал ребя прихватили, — ответил Явор. — Тока они снаружи в лесу дожидают, чтоб враз всей толпой сюда не ломить.

— И сколько же их там?

— Пять сотен, плус-минус спог-другой.

Госпожа Вероломна пристально уставилась на него во все свои разнообразные глаза. Явор Заядло выдержал этот взгляд с самым невинным видом и не дрогнул.

— Но ведь это вполне достойное предприятие, — наконец сказала ведьма. — Зачем же надо было лгать?

— Ах, враксы — они ж увлекастнее! — объяснил Явор Заядло.

— На мой взгляд, правда сама по себе выглядит весьма увлекательно, — возразила госпожа Вероломна.

— Мож, оно и так, но я хотел мал-мал добавить туды великаньев, пиратьев и волшебенных хорей, — сказал Явор. — Где ты ишшо такое задарма сыщешь?

— Ну да, — сказала старуха. — Когда мисс Тик привела ко мне Тиффани, она обмолвилась, что

эту девочку оберегают странные силы.

— Ах-ха, — Фигль гордо выпятил грудь. — Эт' мы и есть.

— Но эта мисс Тик вечно всем указывает, что делать, — продолжала госпожа Вероломна. — Признаться, я не очень-то внимательно её слушала. Про всех девочек, которых она приводила, она говорила, что они, мол, очень способные. А на деле оказывалось, что эти вертихвостки надумали стать ведьмами, чтобы парням в глаза пыль пускать. И через несколько дней убегали, только я их и видела. Но Тиффани не такая, нет. Она не убегает, она бросается навстречу. Если хотите знать, она попыталась станцевать с самим Зимовеем!

— Ах-ха. Мы бум-бум. Мы тама были, — сказал Явор Заядло.

— Правда?

— Ах-ха. По-за вами прихвостились.

— Но вас никто не видел. А если бы видел, я бы знала, — удивилась ведьма.

— Нды? Ну, мы в этом мастера, — широко улыбнулся Явор Заядло. — Ты не поверишь, скока народу нас в глазья не зырили.

— Она в самом деле попыталась станцевать с Зимовеем, — повторила госпожа Вероломна. —

Хотя я ей говорила, что делать этого нельзя.

— Ах, все токо и грят: «Того низзя, сего низзя…», — махнул рукой Явор Заядло. — Когды так грят, сразу ясно, что оно и есть самое интересновое!

Госпожа Вероломна сердито посмотрела на него глазами одной мыши, двух воронов, нескольких молей и уховёртки.

— Твоя правда, — признала она, помолчав, и вздохнула. — Да. В мои-то годы, видишь ли, молодость уже осталась так далеко позади, что порой кажется, будто это было и не со мной. Долгая жизнь вовсе не такая распрекрасная штука, как все думают. Она…

— Зимовей ищет мал-мал громазду каргу, хозяйка, — перебил Явор Заядло. — Мы зырили, как она с ним плясала. А теперь он её сыскнуть хочет. Мы его в воях ветра чуем.

— Я знаю. — Ведьма вдруг замолчала и прислушалась. — Ветер стих, — сказала она. — Зимовей её нашёл.

Она схватила трости и с удивительной для своих преклонных лет быстротой принялась карабкаться по лестнице. Фигли проскочили у неё под ногами и первыми ввалились в комнату, где на узкой кровати спала Тиффани.

В каждом углу спальни стояло блюдце с горящей свечой.

— Но как он её нашёл? — возмущённо спросила госпожа Вероломна. — Я же её спрятала! Эй, вы, синекожая команда, ну-ка быстро притащите дров! — Она сердито к ним повернулась: — Я сказала, притащите…

Что-то глухо стукнуло раз, другой. Пыль медленно осела на пол. Фигли напряжённо смотрели на ведьму, ожидая, что она скажет. А в маленьком камине лежала большая, очень большая груда хвороста.

— Молодцы, — буркнула госпожа Вероломна. — Еле поспели.

Через дымоход в комнату планировали снежинки.

Старая ведьма скрестила перед собой трости и притопнула ногой:

— Зажгись, пламя, гори, хворост! — крикнула она.

Дрова в камине вспыхнули. Но мороз уже ломился в окно, тонкие щупальца ледяных узоров с треском расползались по стеклу.

— Я в мои годы такого не потерплю! — каркнула ведьма.

Тиффани открыла глаза и спросила:

— Что происходит?

Глава 3. Тайна Боффо

Оказаться начинкой в сандвиче из ошарашенных танцоров — удовольствие сомнительное. Плясуны были крепкие ребята. Каждый кусочек Тиффани остро ощущал, что он Болен. Синяки

покрывали её с ног до головы, а один, в форме подошвы, располагался в таком месте, что она бы его ни за что никому не показала.

Фигли заполонили все плоские поверхности в комнате, где стоял ткацкий станок госпожи Вероломны. Старуха ткала, повернувшись ко всем спиной — сказала, это помогает ей сосредоточиться. Но ведь это была госпожа Вероломна, так что не имело никакого значения, как она сидит, в комнате хватало глаз и ушей, которыми она могла воспользоваться. В камине жарко пылал огонь, и повсюду горели свечи — разумеется, чёрные.

Тиффани злилась. Старая ведьма не стала кричать на неё, даже не повысила голоса. Она просто вздохнула и сказала: «Глупая девчонка», а это ранило куда больше, особенно потому, что Тиффани знала: госпожа Вероломна права. Один из танцоров отнёс её домой. А она ничего не помнила.

Ведьма никогда не делает первое, что пришло в голову. Так ведь и до хихиканья недалеко! Ведьмам приходится каждый день иметь дело с глупыми, ленивыми, лживыми или даже во всех отношениях неприятными людьми. И рано или поздно ей начинает казаться, что мир станет намного лучше, если кое-кого из этих людей хорошенько отшлёпать. Но делать этого не стоит,

потому что, как объяснила однажды мисс Тик: 1) мир от этого станет лучше лишь ненадолго; 2) потом он станет ещё чуть хуже; и 3) ведьма должна вести себя умнее, чем те, кого ей хочется отшлёпать.

Ноги Тиффани пустились в пляс, и она послушалась их. А надо было слушать голову. И вот теперь она сидит у камина с жестяной фляжкой, наполненной горячей водой, на коленях и кутается в шаль.

— Выходит, Зимовей — какой-то бог? — спросила она.

— Да, он навроде бога, — ответил Билли Мордаст. — Только не из тех богов, которым молятся. Он… делает зиму. Это его работа, ежли ты меня понимаешь. Его ещё Зимним Кузнецом зовут.

— Он — стихийный дух, — прокаркала госпожа Вероломна, не отрываясь от ткачества.

— Ах-ха, — согласился Явор Заядло. — Боги, духи, демонсы… Их всех без карты не вдруг и поразличишь.

— И танец нужен, чтобы призвать зиму? — продолжала допытываться Тиффани. — Но это ерунда какая-то! Моррис танцуют, чтобы поприветствовать лето, да, и…

— Ты что, дитя неразумное? — перебила старая

ведьма. — Год идёт по кругу. Колесо времени должно вращаться! Вот почему мы тут, в горах, танцуем тёмный моррис. Для равновесия. Танцоры приветствуют зиму, потому что в глубине её сокрыто будущее лето!

«Щёлк-щёлк», стучал станок. Госпожа Вероломна ткала полотно из толстой коричневой шерсти.

— Ну хорошо, — сказала Тиффани. — Мы поприветствовали его. Но почему он меня-то преследует?

— Зачем ты пошла плясать? — спросила ведьма.

— Э… Среди танцоров было вроде как пустое место, и…

— Правильно. Было. Но оставили его не для тебя. Не для тебя, глупая девчонка! Ты станцевала с ним, и теперь ему охота познакомиться с девушкой, у которой хватило на это духу. Да я в жизни ни о чём подобном не слышала! Принеси-ка мне третью книгу справа на второй сверху полке моего шкафа. — Она протянула Тиффани тяжёлый чёрный ключ. — Уж с этим-то ты хоть справишься?

Ведьме нет нужды шлёпать глупцов, если у неё всегда наготове острое словцо, разящее куда

больнее.

А ещё у госпожи Вероломны имелся целый книжный шкаф, что было довольно необычно для ведьмы старшего поколения. Книги, большие и тяжёлые, стояли высоко на полках, прикованные полосой чёрного железа, и до этого дня госпожа Вероломна не позволяла Тиффани даже вытирать с них пыль, не говоря уже о том, чтобы отпирать замок, скрепляющий оковы. Люди, которым доводилось видеть этот шкаф, всегда очень нервничали. Книги таили угрозу.

Тиффани отперла замок и смахнула с корешков пыль. Ага… Книги, как и их владелица, были вовсе не тем, чем казались. Они выглядели как жуткие колдовские гримуары, но их названия гласили «Энциклопедия супа» и прочее в том же роде. Один из томов оказался словарём. Рядом, покрытая паутиной, стояла та книга, которую велела принести госпожа Вероломна.

Тиффани, всё ещё красная от стыда и злости, потащила книгу вниз, на ходу срывая с неё паутину. Некоторые нити паутины лопались со звонким «тиньк!», и пыль сыпалась с обреза. Когда Тиффани открыла книгу, со страниц пахнуло чем-то древним и пергаментным, как от госпожи Вероломны. Название и имя автора на обложке были

вытиснены золотом, уже почти облупившимся: «Вьюркоу. Древняя и классическая мифология». Тут и там лежали многочисленные закладки.

— Страницы восемнадцать-девятнадцать, — сказала госпожа Вероломна, не поворачивая головы.

Тиффани нашла нужное место в книге.

— «Танец Времён Гада»? — с удивлением прочла она. — Тут, наверное, должно быть «Танец Времён Года»…

— К несчастью, автор этого живописного шедевра, дон Вейзен де Йойо, не был столь искусен в чистописании, как в живописи, — пояснила госпожа Вероломна. — Буквы почему-то его смущали. Я заметила, ты сперва обратила внимание на подпись, а не на картинку. Книжный ребёнок.

Рисунки были… странные. Тиффани никогда не видела маскарадных костюмов, такие развлечения были её семье не по карману, но она о них читала и теперь, увидев рисунок, подумала, что примерно так их себе и представляла.

На картинке были изображены мужчина и женщина, или, по крайней мере, существа, выглядевшие как мужчина и женщина. Рядом с женщиной была подпись: «Лето». Она была высокая, светловолосая и вообще прекрасная.

Тиффани с её каштановыми волосами и небольшим ростом невзлюбила её с первого взгляда. В руках красавица держала корзину в форме витой раковины или рога, полную плодов.

Мужчина, подписанный «Зима», был старым, седым и согбенным. В его бороде блестели сосульки.

— А эт', ясно дело, и есть Зимовей, — заявил Явор Заядло, взобравшись на страницу. — Дед Морозный.

— Это он? Да он выглядит так, будто ему сто лет в обед! — поразилась Тиффани.

— Совсем юнец, да? — осклабилась госпожа Вероломна.

— Ты токо не давай ему тя чмокнуть, а то нос посинеет и отвалится! — жизнерадостно посоветовал Туп Вулли.

— Не смей мне такого говорить, Туп Вулли! — прикрикнула на него Тиффани.

— Дык я ж просто пытнался тя подободрить, — стушевался он.

— Разумеется, рисунок отражает лишь восприятие художника, — сказала старая ведьма.

— Что это значит? — спросила Тиффани, разглядывая картинку.

Она не сомневалась: рисунок врёт. Зимовей

совсем не такой.

— Что рисовальщик всё выдумал, — вмешался Билли Мордаст. — Он ведь не видал Зимовея, куда ему… Зимовея вообще никто в глазья не видел.

— До тебя, — вставил Туп Вулли.

— Вулли… — Явор Заядло повернулся к брату. — Ты памятуешь, что я те грил про тактные замечанья?

— Ах-ха, Явор, памятую, — смиренно ответил Вулли.

— Дыкс эт' вот было нетактное.

Вулли понурился:

— Звиняй, Явор.

Тиффани сжала кулаки:

— Я вовсе не хотела, чтобы всё так вышло!

Госпожа Вероломна величественно повернулась к ней вместе с креслом:

— Да? А чего же ты хотела? Может быть, ты пустилась в пляс просто наперекор моему запрету? Юности свойственно не слушаться старших. Но прежде чем делать что хочешь, нужно подумать. Ты вообще думала тогда? Люди и раньше вмешивались в танец. Дети, пьяницы, юнцы, поспорившие с дружками, что сделают это… И ничего. По мнению большинства, весенний и осенний танцы, это… всего лишь старая тра-

диция. Просто способ отметить момент, когда власть над миром переходит ото льда к огню и обратно. Но некоторые из нас думают иначе. Мы считаем, танец что-то меняет в мире. Для тебя он стал реальностью, и нечто действительно произошло. И теперь Зимовей ищет тебя.

— Но зачем? — выдавила Тиффани.

— Не знаю. Ты что-нибудь видела, когда плясала? Или, может быть, слышала?

Как можно описать словами чувство, будто ты — сразу всё и повсюду? Тиффани не стала и пытаться.

— Мне… мне кажется, я слышала голос. Или, может, даже два голоса, — пробормотала она. — Эмм… Они спросили, кто я такая.

— Ин-те-рес-но, — проговорила госпожа Вероломна. — Два голоса, говоришь? Я подумаю, чем это может обернуться. Одного я не могу понять: как он тебя разыскал? Об этом я тоже ещё поразмыслю. А до тех пор советую тебе одеваться потеплее.

— Ах-ха, — поддакнул Явор Заядло. — Зимовей, он тёплости не выносит. Ох ты ж, я вдругорядь балду свою забудну! Мы ж тебе письмо принесли с того дупла в лесе. Вулли, отдай мал-мал громаздой карге письмо. Мы его призахватили по путю.

— Письмо? — переспросила Тиффани под стрёкот ткацкого станка.

Туп Вулли потянул из спога большой, свёрнутый в трубку и основательно перепачканный конверт.

— Эт' от того чиха верзунского с громаздого замку в холмьях, — пояснил Явор Заядло, пока Вулли всё пытался вытащить конверт. — Он шкрябит, что у него всё типсы-топсы и он надеждится, что у тебя тож и что ты вскорости возвернёшься домой, и там ишшо про как бураны поживают и всяко-тако. Ничё интересневого, как по мне. И ишшо буковы «ЦОКК» на конхверте, токо мы ни бум-бум, чё оно значит[12].

— Ты читал письмо, предназначенное мне? — ужаснулась Тиффани.

— Ах-ха, нае проблемо, — гордо выпятил грудь Явор. — Билли Мордаст мне мал-мал подмогнул с длиннявыми словями, но так-то я почти всё сам прочитил. — Его сияющая улыбка померкла, когда он заметил, как смотрит на него Тиффани. — А, ты небось мал-мал обижукаешься, что

---

[12] Примечания: 12

Эти буквы означают «Целую-обнимаю крепко-крепко». У нас в Круглом мире похожее сокращение («S.W.A.L.K. — Sealed With A Loving Kiss», букв. «Запечатано нежным поцелуем») было распространено в Англии более полувека назад, но с тех пор вышло из моды и почти забылось. (*Примеч. перев.*)

мы твой конхверт разлепили! Не боись, мы его обратно улитой заплющили. С виду и не сказанёшь, что его ктой-то читил.

Он смущённо кашлянул, потому что взгляд Тиффани ни капли не потеплел. Фигли вообще побаиваются женщин, а уж ведьм особенно. Подождав, когда Явор Заядло окончательно смутится, Тиффани спросила ледяным тоном:

— Откуда вы узнали, где искать письмо?

Краем глаза она покосилась на Тупа Вулли — тот жевал подол своего килта. Верный признак того, что Вулли сильно напуган.

— Э… хошь, я тебе мал-мал с три короба наврую? — робко предложил Явор Заядло.

— Нет!

— Но это ж увлекательственные три короба! С драконсами, однорогами и…

— Нет. Скажи правду.

— Ах, но она ж такая нуднявая… — вздохнул Явор Заядло. — Мы просто в баронский замок пролазнули и прочитили все твои письма, а ты там нашкрябила, что почтонос знает: письма для тебя надо оставлять в дупле у водохлёста.

Даже если бы в эту минуту в дом зашёл Зимовей, воздух в комнате не стал бы холоднее. Некуда уже было.

— Он хранит твои письма в шкатулксе под… — попытался продолжить Явор Заядло, но умолк и закрыл глаза, потому что терпение Тиффани лопнуло даже громче, чем лопалась странная паутина в доме госпожи Вероломны.

— Вы что, не знаете, что чужие письма читать нельзя? — отчеканила Тиффани.

— Э… — начал Явор Заядло.

— И вдобавок вы вломились в замок барона!

— Э, нет-нет-нет-нет-нет! — закричал Явор Заядло, подпрыгивая, как мячик. — Эт' ты нам не приштопаешь! Мы просто прошмыргнули через одну из тамошних щелин для лукового стрелянья…

— И прочли мои личные письма, предназначенные лично Роланду? — перебила Тиффани. — Они же личные!

— Ах-ха, оно так, — признал Явор Заядло. — Но ты не изводись, мы никому не растреплем, что там нашкрябано.

— Мы ж не растрепали ни словечечка про то, что ты в дневнюхе шкрябишь, — добавил Туп Вулли. — Даж про цветики и всяко-тако там вокруг.

Госпожа Вероломна сейчас ухмыляется у меня за спиной, подумала Тиффани. Совершенно точно. Но Тиффани больше не могла злиться на

Явора и компанию. Каждый, кто имеет дело с Фиглями, рано или поздно исчерпывает запас сердитых слов.

«Ты была их кельдой, — напомнил Задний Ум. — Они убеждены, что их долг — защищать тебя. И не важно, что ты сама об этом думаешь. Они ещё ох как попутают тебе карты в этой жизни…»

— Не читайте больше мои письма, — устало сказала Тиффани. — И дневник тоже.

— Лады, — легко согласился Явор Заядло.

— Даёшь слово?

— Ах-ха.

— Но ты и раньше это мне обещал!

— Ах-ха.

— Крест на сердце, чтоб ты сдох?

— Ах-ха. Нае проблемо.

— Честно-пречестно слово лживого вороватого пройдохи-Фигля? — усмехнулась госпожа Вероломна. — Вы ж эт' такс кумексаете: мы ужо всё одно кирдыкснулись, так чё нам бу, ежли мы словесо и порушим, ах-ха? Верно я грю?

— Ох, верно, хозяйка, — ничуть не смутился Явор Заядло. — Спасибы, что напомянула.

— Да ты ж и не дум-дум своё словесо держать, Явор Заядло!

— Верно, хозяйка. Всяки-таки несчастны мал-

мал словеса непочём не удержу. Тут дело тако: мы ж должны во что б ни стало нашую громазду мал-мал каргу обережать. Мы и жисти свои должны покласть за неё.

— А кыкс вы свои жисти покладёте, ежли вы уже скопытились? — резко спросила ведьма.

— Ах-ха, тута так сразу и не скумексаешь, кыкс нам их покласть. Проще уж покласть жисти всех чучундр, кто ей зло чинить удумает.

Тиффани смирилась с судьбой.

— Мне уже тринадцать, — сказала она. — Я сама могу о себе позаботиться.

— Нет, вы послушайте эту госпожу Я-всё-сама! — фыркнула госпожа Вероломна, но не слишком ядовито. — И с Зимовеем, значит, сама разберёшься?

— Что ему от меня нужно? — спросила Тиффани.

— Я же тебе говорила. Возможно, он хочет поближе посмотреть на девицу, у которой хватило наглости плясать с ним, — ответила ведьма.

— Но это была не я! Меня ноги сами понесли танцевать! Я не хотела!

Госпожа Вероломна повернулась к девочке в своём кресле. «Интересно, чьими глазами она сейчас на меня смотрит? — подумала Тиффани

Задним Умом. — Глазами Фиглей? Воронов? Мышей? Всех вместе? А может, и жучиными глазами с их множеством граней? Сколько их всего, этих глаз? Сколько Тиффани она сейчас видит?»

— А, ну тогда всё хорошо, — проговорила ведьма. — Раз ты не хотела… Ведьма всегда в ответе! Ты что, так ничему и не научилась, деточка?

Деточка. Для почти тринадцатилетнего человека нет оскорбления хуже. Тиффани почувствовала, что её опять бросило в краску. Жар стыда ударил ей в голову.

Вот почему она твёрдым шагом пересекла комнату, распахнула переднюю дверь и вышла наружу.

Пушистый снег мягко ложился на землю. Тиффани запрокинула голову и посмотрела в низкое серое небо. Снежные хлопья порхали, как пёрышки. Когда на Меловых холмах шёл такой снег, люди говорили: «Матушка Болен своих овечек стрижёт».

Тиффани двинулась прочь от домика, снежинки опускались на её волосы и таяли. Госпожа Вероломна что-то кричала ей вслед, но она шла и шла, и обжигающее чувство стыда гасло под снегом.

Конечно, я сделала глупость, думала она. Но

быть ведьмой вообще глупо. Зачем мы занимаемся своим ремеслом? Это ведь тяжкий труд, а награда за него так мала. Когда госпожа Вероломна может сказать, что у неё выдался удачный день? Когда кто-нибудь подарит ей пару старых башмаков как раз по ноге! Да что она вообще понимает?

И, кстати, где же Зимовей? Где-то рядом? Почему я должна верить госпоже Вероломне? Всё это только слова и выдуманная картинка в книжке!

— Зимовей! — крикнула она.

Было слышно, как падает снег. Он ложился на землю с тихим холодным шипением.

— Зимовей!

Нет ответа.

А чего она ожидала? Громового баса над ухом? Явления господина Сосульки собственной персоной? Ничего не происходило, только снег мягко и терпеливо падал среди тёмных деревьев.

Тиффани почувствовала себя немного глупо, но всё равно осталась довольна собой. Вот так поступает настоящая ведьма! Она идёт навстречу своему страху, и страх бежит! Она молодец, она справилась.

Она обернулась и увидела Зимовея.

«Запоминай, — посоветовал проснувшийся

вдруг Дальний Умысел. — Любая мелочь важна».

Зимовей был…

Ничем. Но снег очерчивал его силуэт. Снежинки парили вокруг него, словно скользя по невидимой коже. Зимовей был всего лишь пустотой, имеющей форму, только два лиловых огонька горели на месте глаз.

Тиффани стояла неподвижно, её разум застыл, её тело напрасно ждало указаний, что ему делать.

Рука из падающего снега протянулась к ней — медленно и осторожно. Так тянутся к зверьку, которого боятся вспугнуть. И было в этом движении что-то большее, что-то невысказанное за отсутствием голоса, какое-то стремление, словно невидимое существо вложило в жест всю душу, пусть даже оно и не подозревало о том, что такое душа.

Сжатая в кулак рука замерла в футе от Тиффани, повернулась ладонью вверх и разжалась.

Что-то блеснуло. На невидимой ладони лежала тонкая серебряная цепочка с серебряной Белой Лошадью.

Тиффани невольно вскинула руку к вырезу платья. Но ведь вчера украшение было на ней! Когда она отправилась… смотреть… танец…

«Любопытно, — заметил её Дальний Умысел, который всегда был себе на уме и любил поразмыслить о событиях просто забавы ради. — Кулак был невидимый, но всё же скрывал в себе вещицу. Как это получается? И почему там, где положено быть глазам, горят эти лиловые огни? Почему их-то видно?»

В этом был весь Дальний Умысел. Если бы на голову, служившую ему вместилищем, падал огромный камень, он бы прикидывал: «Любопытно, это вулканическая порода вроде гранита или что-то мягкое — песчаник, например?»

Та часть Тиффани, которую в эту минуту не настолько интересовали мелкие несоответствия, просто смотрела на лошадку, покачивающуюся на цепочке.

Здравый Смысл говорил: «Возьми её».

Задний Ум возражал: «Не бери. Это ловушка».

И Дальний Умысел ему вторил: «Не бери. Ты и представить себе не можешь, какая она холодная».

А потом всё остальное в ней перекричало умыразумы: «Возьми. Это часть того, что ты есть. Возьми. Когда ты берёшь её в руки, ты думаешь о доме. Возьми её!»

Она протянула правую руку.

Зимовей обронил лошадку ей в ладонь.

Тиффани машинально сжала кулак. Лошадь и правда оказалась невообразимо холодной, и холод этот обжигал.

Тиффани закричала. Очерченный снежинками силуэт Зимовея рассыпался шквалом хлопьев. Снег на земле взорвался с воплями «Раскудрыть!», набежавшие толпой Фигли подхватили её за ноги и так, стоймя, унесли прочь с лесной поляны обратно в дом.

Тиффани заставила себя разжать кулак и другой дрожащей рукой потянула за цепочку, оторвав лошадку от ладони. Там, где она была, остался отпечаток, в точности повторяющий очертания подвески: белая лошадь на розовой коже. Это был не ожог, это было… обморожение.

Госпожа Вероломна с грохотом развернула своё кресло на колёсах.

— Подойди сюда, деточка, — велела она.

Баюкая больную руку и изо всех сил сдерживая слёзы, Тиффани подчинилась.

— Стань рядом с моим креслом, сию же секунду!

Тиффани снова послушалась. Не время перечить.

— Я хочу заглянуть в твоё ухо, — сказала старая

ведьма. — Убери с него волосы.

Тиффани отвела в сторону волосы и вздрогнула от щекотки, когда её уха коснулись мышиные усики. Потом мышку убрали.

— Удивительно, — проговорила госпожа Вероломна. — Ничего не видно.

— Э… а что вы думали там увидеть? — отважилась спросить Тиффани.

— Сквозной проём! — гаркнула ведьма так громко, что её мышка пустилась наутёк. — У тебя что, совсем мозгов нет, деточка?

— Ежли вам вдруг оно надыть, — вмешался Явор Заядло, — то Зимовей-то, кажись, драпс-драпс. И снежить перестало.

Его никто не слушал. Если уж у ведьм случается перепалка, они уходят в неё с головой.

— Это моя вещь!

— Побрякушка!

— Нет!

— Не, мож, вам и не до того щаз… — не оставлял попыток несчастный Фигль.

— Разве она нужна тебе, чтобы быть ведьмой?

— Да!

— Ведьмам приспособления ни к чему!

— Вы же путанки используете!

— Используем, да! Но мы в них не нуждаемся!

Мы прекрасно можем обойтись и без них!

— Просто этот чучундра как бы слился… — вымученно улыбался Явор Заядло.

И тут Тиффани не смогла сдержаться. Гнев потянул её за язык. Как смеет эта глупая старуха говорить ей, что им ничего не нужно!

— Боффо! — крикнула она. — Боффо! Боффо! Боффо!

Тишина обрушилась на дом, прихлопнув все звуки. Спустя какое-то время госпожа Вероломна сказала, отвернувшись от Тиффани:

— А ну кыкс вы, угрязки фиглёвские! Живо драпс отсюда! Я учую, если хто остатнется! Тута дело не вашее, оно карговское!

По всех комнате раздались быстрые «ших» и «шух», и дверь кухни захлопнулась.

— Так-так… — протянула старая ведьма. — Выходит, ты знаешь про боффо?

— Да, — призналась Тиффани, тяжело дыша. — Знаю.

— Очень хорошо. А ты кому-нибудь рассказывала… — Госпожа Вероломна вдруг замолчала и прижала палец к губам. Потом громко стукнула тростью об пол: — Вон, я грю, чувырлы пронырные! В лесы шныряйте, быр-быро! Позырьте, правда ль он ушлындрил! А если хто ослухнется,

я вину сквозь глазья его узырю!

Послышался грохот осыпавшейся горы картошки в подвале — это Фигли кинулись прочь через отдушину.

— Вот теперь они ушли, — сказала госпожа Вероломна. — И не вернутся без спросу. Боффо об этом позаботится.

Прошло всего несколько мгновений, но ей их хватило, чтобы измениться. В ней вдруг стало больше человеческого и меньше жуткого. Ну, немного меньше.

— Как ты узнала? — спросила ведьма. — Ты вынюхивала тут, совала всюду нос? Рылась в моих вещах?

— Нет! Я не такая! Это произошло случайно, однажды, когда вы решили вздремнуть днём! — Тиффани потёрла ладонь.

— Очень болит? — спросила госпожа Вероломна, подавшись вперёд.

Пусть она и была слепой, но, как и любая старшая ведьма, хоть чего-то стоящая в своём деле, она замечала всё.

— Нет, уже не очень. Но болело сильно. Я только хочу сказать…

— Сперва научись слушать! Думаешь, Зимовей убрался восвояси?

— Он как бы растворился в воздухе… В смысле, ещё больше растворился. Наверное, он просто хотел отдать мне ожерелье.

— И, по-твоему, это нормально для духа зимы, повелителя вьюг и морозов? Думаешь, так он обычно себя и ведёт?

— Откуда мне знать! Я с духами зимы раньше не встречалась!

— Ты танцевала с ним!

— Я не знала, что так получится!

— Тем не менее.

Тиффани некоторое время ждала продолжения, потом спросила:

— Что тем не менее?

— Вообще тем не менее. Эта лошадка привела его к тебе. Но сейчас его поблизости нет, тут ты права. Я бы знала, будь он рядом.

Тиффани подошла к двери, поколебалась мгновение, распахнула её и вышла наружу. Тут и там ещё лежал снег, но было ясно, что день вот-вот станет обычным пасмурным зимним днём.

Я бы тоже знала, будь он рядом, подумала Тиффани. Сейчас его тут нет. А её Задний Ум тут же поинтересовался: «Да? И откуда бы ты об этом узнала?»

— Мы оба касались лошадки, — прошептала

она.

Поигрывая серебряной цепочкой, Тиффани оглядела голые ветви спящих деревьев. Лес устраивался на зимовку, сворачиваясь клубком, чтобы согреться.

Зимовей не исчез совсем, но сейчас он был где-то далеко. Должно быть, у него много дел, творить зиму — это не шутка…

— Спасибо! — сказала она просто по привычке (мама всегда говорила Тиффани, что вежливость ничего не стоит, а возвращается сторицей) и вернулась в дом.

Внутри было жарко натоплено, но поленница госпожи Вероломны всегда была высока. И всё благодаря Тайне Боффо. Местные лесорубы постоянно подкладывали в поленницу дров. Замёрзшая ведьма может здорово испортить жизнь.

— Я бы не отказалась от чашечки крепкого чаю, — сказала старуха, когда Тиффани с задумчивым видом вернулась в комнату.

Подождав, когда она закончит мыть чашку, ведьма спросила:

— Ты слышала, какие слухи ходят обо мне, деточка?

Она произнесла это добрым, тихим голосом.

Наставница и её ученица могли кричать друг на дружку, могли наговорить лишнего, могли бушевать и пререкаться. Но они жили в доме одни, и больше идти было некуда. Примирительный тон предлагал забыть о ссоре, и Тиффани обрадовалась.

— А, что у вас демон в подвале живёт? — отозвалась она, всё ещё ломая голову над неразрешимыми вопросами. — И что вы питаетесь пауками? И что к вам захаживают короли и принцы? И что любой цветок, если посадить его в вашем саду, расцветёт чёрным?

— Правда? — просияла госпожа Вероломна. — А вот этого, про цветы, я не знала. Как мило! А слышала ты, что зимой, когда ночи длинны, а дни коротки, я брожу по окрестностям и подбрасываю тем, кто хорошо себя вёл, мешочки серебра? А тем, кто вёл себя плохо, я взрезаю брюхо ногтем на большом пальце — вот так!

Тиффани испуганно отпрыгнула, когда морщинистая рука резко развернула её и жёлтый ведьмин ноготь чиркнул воздух возле её живота. В эту минуту смотреть на старуху было по-настоящему страшно.

— Нет! Нет, ничего такого я не слышала! — пискнула Тиффани, вжавшись спиной в раковину.

— Надо же! А ведь какая чудная была история, притом основанная на реальных событиях! — покачала головой госпожа Вероломна, и её оскал постепенно превратился в обычную улыбку. — А что у меня коровий хвост?

— Коровий хвост? Нет!

— Неужели? Какая досада! — Старуха опустила руку с жутким когтем. — Так хорошие рассказчики в наших краях того гляди переведутся. Надо бы как-то их поддержать.

— Это ведь тоже боффо, да? — спросила Тиффани.

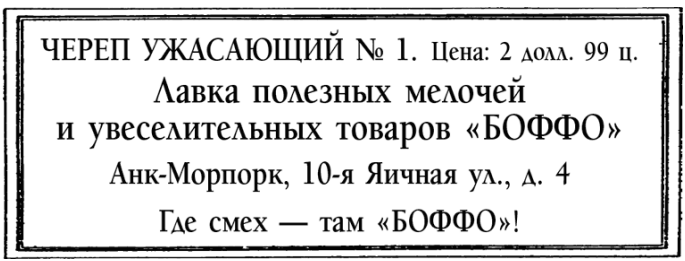
В глубине души она немного сомневалась. Палец госпожи Вероломны сильно её напугал. Теперь она понимала, почему предыдущие ученицы долго не продержались.

— Ага, ты всё-таки соображаешь, когда захочешь! Конечно, да. Боффо, да, так я это называю. Боффо оно и есть. Искусство завораживать публику. Дай людям то, что они хотят видеть, покажи им то, чего они ждут. И вообще, должна же я поддерживать свою репутацию!

Боффо, подумала Тиффани. Боффо, боффо, боффо…

Она подошла к черепам, перевернула один из них и прочитала надпись на ярлыке снизу, ту

самую, которую впервые увидела месяц назад:



— Ну прямо как живые, правда? — усмехнулась госпожа Вероломна, подковыляв обратно к своему креслу. — Если, конечно, так можно сказать о черепах. В этой лавке продаётся удивительная машинка, чтобы ткать паутину. Заливаешь в неё такую особую липкую пакость и, немного поднаторев, можешь делать очень недурственные паутинки. Я, видишь ли, на дух не выношу всяких мохнатых-многоногих тварей, но без паутины в моём деле не обойтись. Ты разглядела, что в ней за дохлые мухи болтаются?

— Да, — сказала Тиффани, взглянув на пото-

лок. — На самом деле это изюминки. Я думала, у вас живут пауки-вегетарианцы.

— Молодец. По крайней мере, зрение у тебя отличное. Моя шляпа тоже из той лавки. Если не ошибаюсь, она называлась «Старая Злая Ведьма Номер Три, Самое То Для Вечеринок Со Страшилками». Если тебе интересно, у меня и каталог сохранился.

— А что, все ведьмы делают покупки у «Боффо»? — полюбопытствовала Тиффани.

— Только я, по крайней мере, в наших краях. Ах да, ещё бабуля Упаси из Дваждышмяка покупала там бородавки.

— Но… зачем? — спросила Тиффани.

— Никак не могла вырастить их, бедняжка. Как она ни старалась, не росли они на ней, хоть тресни. Чего она только не пробовала, а лицо так и оставалось гладким, как попка младенца, до самой гробовой доски.

— Нет, я имела в виду, зачем вам нужно выглядеть так… — Тиффани помедлила, подбирая слово, — ужасающе?

— У меня на то свои причины, — ответила госпожа Вероломна.

— Но ведь все эти жуткие истории о вас неправда? Вы ничего такого не делаете? И короли с

принцами не приходят к вам за советом?

— Нет, хотя могли бы и прийти, — с гордостью отвечала госпожа Вероломна. — Если бы сбились с дороги, например. О, об этих историях я знаю всё. Я же сама их и сочинила.

— Вы сами сочинили все эти истории про себя?

— О да. Разумеется. Почему бы и нет? Нельзя доверять такое важное дело непрофессионалам.

— Но люди верят, что вы способны посмотреть в глаза человеку и увидеть его душу!

Старая ведьма коротко хохотнула:

— Да. Как раз это не я придумала. Хотя, скажу тебе, чтобы разглядеть души некоторых моих подопечных, потребовалось бы увеличительное стекло! Я вижу, что они видят, я слушаю их ушами. Я знавала их отцов, дедов и прадедов. Я знаю все слухи, все секреты, все россказни и всю правду. Для них я — Правосудие. Сама справедливость. Посмотри на меня. Попробуй увидеть меня.

Тиффани посмотрела — сквозь чёрный плащ и черепа, сквозь резиновую паутину и чёрные цветы, сквозь повязку на глазах и жуткие истории — и увидела маленькую глухую и слепую старушку.

Всё дело было в боффо. Не в самих по себе дурацких розыгрышах для вечеринок, а в боф-

фо-мышлении, в слухах и сказках. Госпожа Вероломна была могущественной ведьмой, потому что все считали её такой. Примерно так же работала обычная ведьмовская шляпа, но госпожа Вероломна достигла в искусстве боффо удивительных высот.

— Ведьма в приспособлениях не нуждается, госпожа Вероломна, — сказала Тиффани.

— Не умничай со мной, деточка. Разве юная Ветровоск не объясняла тебе? Конечно, нам не нужны ни волшебные палочки, ни путанки, ни даже остроконечные шляпы, чтобы быть ведьмами. Но всё это помогает устроить представление! Люди этого ждут. Тогда они готовы поверить в тебя. Я не достигла бы в этой жизни того, чего я достигла, если бы расхаживала в смешной шапочке с помпоном и клетчатом переднике! Я выгляжу соответственно своему положению. Я…

Снаружи, со стороны молочни, донёсся грохот, как будто там что-то грузно упало.

— Наши маленькие синие друзья безобразничают? — приподняла брови госпожа Вероломна.

— Нет, им строго-настрого запрещено входить в любую молочню, где я делаю сыр, — сказала Тиффани уже на ходу, спеша к двери. — О боги, надеюсь, это не Гораций…

— А я ведь тебе говорила, что от него будут одни неприятности, помнишь? — крикнула ей вслед старая ведьма.

Это оказался-таки Гораций. Он опять выщемился из клетки. Когда ему было нужно, он умел пустить слезу.

На полу лежали осколки маслёнки. Прежде она была полна масла, но теперь масла нигде не было. Только жирное пятно.

А из тёмного угла под раковиной доносилось торопливое утробное: «Мнямм-мнямм-мнямм-мнямм…»

— Я смотрю, теперь ты перешёл на масло, да, Гораций? — строго спросила Тиффани, схватив метлу, которой прибирала в молочне. — Это ведь почти что каннибализм с твоей стороны, знаешь ли.

И всё-таки лучше масло, чем мыши, подумала она. Было довольно неприятно натыкаться в молочне на кучки мышиных костей. Даже госпожа Вероломна ничего не могла поделать. Мышка, глазами которой она смотрела, как-то раз решила отведать сыру, а потом вдруг пала темнота.

А всё потому, что этим сыром был Гораций.

Тиффани и раньше знала, что ланкрский синежильный — сыр с характером. Но она достигла

немалого мастерства в сыроварении (хотя ей этого никто и не говорил), а Гораций определённо был её творческой удачей. Синие прожилки, придававшие этому виду сыра неповторимый оттенок, вышли очень миленькие, хотя Тиффани и сомневалась, что они должны были светиться в темноте.

Она потыкала темноту под раковиной ручкой метлы. Послышался хруст, Тиффани вытащила метлу и обнаружила, что ручка укоротилась на пару дюймов. Потом раздалось звонкое «Тьфу!» — и обломок рикошетом отскочил от дальней стены.

— Ах так? Тогда молока больше не получишь! — прикрикнула Тиффани и выпрямилась, а сама тем временем подумала: «Зимовей пришёл вернуть мне лошадку. Не поленился, времени не пожалел».

Хм…

Если подумать, это выглядит довольно-таки… лестно.

Ну, то есть, у него ведь дел по горло: надо спускать лавины и гонять бури, изобретать новые формы снежинок и всё такое прочее, и он всё же нашёл минутку, чтобы прийти и вернуть мне ожерелье. Хм…

И он просто стоял передо мной.

А потом просто растворился в воздухе… В смысле, ещё больше растворился.

Хм…

Оставив Горация недовольно ворчать под раковиной, Тиффани вернулась в дом, заварила чай и отнесла его госпоже Вероломне в комнату с ткацким станком. Потом тихо поднялась к себе в спальню.

Дневник Тиффани был уже три дюйма толщиной. Аннаграмма, которая тоже училась на ведьму в здешних краях и считалась подругой (ну, более или менее подругой) Тиффани, утверждала, что дневник должен зваться Книгой Теней и страницы его должны быть пергаментные, а писать в нём следует особыми чернилами, купленными в «Магазине магических принадлежностей Закзака Рукисилы» по привлекательной цене (по крайней мере, привлекательной для Закзака).

Тиффани не могла позволить себе такой дневник. Единственной платой за услуги ведьмы может быть только ответная услуга. Правда, госпожа Вероломна позволяла ученице торговать сыром, однако бумага в горах стоила дорого и странствующие торговцы приносили её лишь небольшими пачками. Зато у них можно было

купить унцию-другую[13] железного купороса, и если смешать его с чернильными орешками, которые растут на некоторых видах дубов, или с зелёной кожурой лесного ореха, получались вполне приличные чернила.

Тиффани постоянно подклеивала страницы, и дневник сделался толстым, как кирпич. Она подсчитала, что, если писать помельче, его хватит ещё по меньшей мере на пару лет.

На кожаной обложке она горячей шпилькой вывела предупреждение: «Фиглям не открывать!» Толку от него не было никакого. Фигли любые запреты считали приглашениями. С некоторых пор Тиффани стала писать отдельные страницы шифром. Грамота вообще трудно давалась народцу Меловых холмов, а шифр им и подавно было не разгадать.

Но на всякий случай Тиффани всё равно тщательно огляделась, прежде чем отпереть большой висячий замок, скреплявший цепочку, которой был опутан дневник. Потом открыла чистую страницу, обмакнула перо в чернильницу и написала:

---

[13] Примечания: 13
Одна унция равна приблизительно 28 граммам. (*Примеч. ред.*)

Встр с *

Да, снежинка будет самым подходящим секретным обозначением Зимовея.

Он просто стоял, подумала Тиффани.

И убежал, когда я закричала.

Наверное, это хорошо, что он убежал.

Хмм…

Вот только…

Теперь я жалею, что закричала.

Она посмотрела на ладонь. Отпечаток лошадки был белый как мел, но совсем не болел.

Тиффани слегка передёрнулась и попыталась взять себя в руки. Что особенного произошло? Она повстречалась с духом зимы. Она ведьма. С ведьмами такое иногда случается. Он вежливо вернул то, что ей принадлежит, и был таков. И совершенно нечего тут сантименты разводить. Дел полно.

Она написала:

Псм от Р.

Тиффани очень осторожно открыла конверт. Это было нетрудно, потому что клей из улиточьей слизи получается неважный. Если повезёт, конверт даже удастся использовать ещё раз.

Нагнувшись так, чтобы никто не мог заглянуть ей через плечо, Тиффани развернула письмо. В заключение она крикнула:

— Госпожа Вероломна, не могли бы вы перестать использовать мои глаза? Они нужны мне для личных целей. Пожалуйста!

Сначала ничего не изменилось, потом снизу донеслось тихое ворчание, и щекотка в глазах прошла.

От писем Роланда Тиффани всегда делалось… хорошо. Да, он часто писал об овцах и других столь же обыденных сторонах жизни холмов и иногда вкладывал в конверт засушенный цветок — колокольчик или примулу. Матушка Болен этого не одобрила бы. Она всегда говорила: если бы холмы хотели, чтобы люди рвали цветы, они бы позаботились, чтобы цветов на них было больше.

Письма навевали тоску по дому.

Как-то раз госпожа Вероломна спросила: «А что это за молодой человек тебе всё время пишет? Твой кавалер, да?» Тиффани удалось перевести разговор на другую тему, а потом, когда она улучила минутку и заглянула в словарь, ей почти удалось не покраснеть.

Роланд… Он… В смысле, главное, что он… То

есть самое главное… в общем… главное, что он просто есть.

Да, когда они познакомились, он был бестолковым увальнем, от которого помощи ждать не приходилось. Но что удивительного? Он ведь, кроме всего прочего, около года прожил в плену у Королевы эльфов, разжирел, как свинья, и едва не сошёл с ума от сладкого и безысходности. А до и после этого его воспитанием занимались две надменные тётки, потому что его отец, барон, больше интересовался собаками и лошадьми.

С тех пор Роланд довольно-таки сильно изменился: думать стал больше, шуметь меньше, набрался серьёзности и подрастерял глупость. И ещё ему приходилось носить очки — первые очки на Меловых холмах.

И у него была библиотека! Больше сотни книг! То есть на самом деле, конечно, библиотека являлась семейным достоянием, но никто другой в замке ею всё равно не интересовался.

Некоторые книги были огромные и старинные, в деревянных переплётах, на их страницах красовались большие чёрные рукописные буквы и цветные рисунки, изображающие диковинных зверей и далёкие страны. На полках стояли «Повесть удивительных лет» Осохлябстера, «По-

чему всё так, а не иначе» Клюкфинга и «Большая недетская энциклопедия», в которой не хватало одного тома. Умение Тиффани читать и понимать иностранные слова произвело на Роланда огромное впечатление, и она не стала говорить ему, что обязана этим эху, оставшемуся от доктора Хлопстела.

Короче говоря… Суть в том, что… Да с кем ещё им было дружить? Роланд не мог, никак не мог завести друзей среди деревенских мальчишек, он ведь был баронский сын и всё такое. А Тиффани теперь носила остроконечную шляпу, а это что-нибудь да значит. В холмах не особенно жаловали ведьм, но она же внучка матушки Болен, так? Кто знает, чему девочка успела научиться от бабки там, в пастушьей кибитке на высоком пастбище. И, говорят, она показала этим горным ведьмам, как надо ведьмовать по-настоящему, а? А помните, как в прошлом году, во время окота дело было? Да наша Тиффани одним взглядом возвращала мертворождённых ягнят с того свету! И она Болен, а у Боленов холмы в самых костях. Она правильная девочка. И она — наша девочка, ясно?

И всё бы ничего, но одна беда: у Тиффани не осталось друзей в родных краях. Те, с кем она

дружила в раннем детстве, теперь держались… почтительно. И всё из-за шляпы. Между Тиффани и её старыми друзьями встала стена, как будто она, Тиффани, выросла, а они так и остались детьми. О чём им было говорить? Она успела побывать в таких местах, которые им и вообразить не под силу. Да большинство из них не видели даже местечка под названием Дверубахи, до которого всего полдня езды. И ничуть не переживали из-за этого. Они собирались всю жизнь заниматься тем же ремеслом, что и их отцы, или растить детей, как их матери. И в этом нет ничего плохого, поспешно добавила Тиффани про себя. Но они не решали, какой будет их жизнь. Жизнь сделала выбор за них, а они даже и не заметили.

И в горах дела обстояли ничуть не лучше. Тиффани могла нормально поговорить только с такими же, как она, начинающими ведьмами — Аннаграммой и другими девочками. Не стоило и пытаться завязать беседу с кем-то из деревенских, особенно с мальчишками. Они сразу тушевались, прятали глаза и шаркали ногами, точь-в-точь как жители холмов, когда им приходилось обращаться к барону.

Да и Роланд тушевался не меньше, он прямо заливался краской, когда ловил взгляд Тиффани.

Всякий раз, когда она навещала его в замке или они вместе гуляли по холмам, воздух между ними искрился от многозначительных пауз… Совсем как с Зимовеем.

Тиффани внимательно прочитала письмо, стараясь не отвлекаться на неряшливые пятна, оставшиеся от лап Фиглей. Роланд даже вложил в конверт несколько чистых листов, за что она была ему очень благодарна.

Она разгладила один из этих листов на столе и задумчиво уставилась в стену. Потом стала писать.

Внизу, в кладовой[14], из-за старого помойного ведра осторожно выкатился Гораций. Прямо перед ним была задняя дверь дома. Если сыр может выглядеть задумчивым, то именно так он и выглядел.

А тем временем в деревне Дверубахи возница почтового дилижанса не знал, что ему делать. Жители окрестных деревень и ферм часто оставляли свои письма в местной сувенирной лавке, служившей по совместительству почтовым отде-

[14] Примечания: 14

Кладовая — помещение, где хранятся старые или просто ненужные в настоящее время вещи. Что бы там ни утверждали слухи, госпожа Вероломна не использовала кладовую для кладов. Хотя было бы забавно, если бы они там обнаружились. (*Примеч. автора*)

лением, чтобы он отвёз их дальше.

Обычно возница просто забирал в лавке мешок с корреспонденцией, но сегодня у него возникли непредвиденные осложнения. Он отчаянно листал «Устав Работников Почтамта» в поисках выхода.

Мисс Тик легонько притопывала ногой. Это нервировало возницу.

— Вот-вот-вот! — воскликнул он, обнаружив наконец подходящее правило. — Тут сказано: «Запрещено доставлять каких бы то ни было животных, птиц, драконов или рыбу!»

— И к какой из этих категорий ты относишь меня? — ледяным тоном поинтересовалась мисс Тик.

— Э-э, ну, человек, он же вроде как тоже животное, разве нет? В смысле, взгляни хоть на обезьяну…

— У меня нет ни малейшего желания смотреть на обезьян, — отрезала мисс Тик. — Я видела, что они вытворяют.

Сообразив, что зашёл в тупик, возница снова принялся рыться в своде правил. Обнаружив новый путь к спасению, он широко улыбнулся:

— Вот-вот-вот! Сколько ты весишь, госпожа?

— Две унции, — ответила мисс Тик. — И так уж

вышло, что мой вес как раз равен наибольшему весу письма, которое можно отправить в Ланкр и Окрестные Земли за десять центов. — Она указала на свой лацкан, куда были приклеены две марки. — Доставку я уже оплатила.

— Но ты не можешь весить две унции! — воскликнул возница. — В тебе никак не меньше ста двадцати фунтов!

Мисс Тик вздохнула. Она не хотела прибегать к последнему средству, но Дверубахи — это всё-таки не Кривопёс. Эта деревушка стоит на обочине большой дороги и успела повидать мир, хоть мельком. Мисс Тик подняла руку и потянула за неприметную верёвочку на шляпе.

— Ну что, хочешь, я забуду, что ты только что сказал?

— С чего бы? — не понял возница.

Мисс Тик без выражения уставилась на него, потом закатила глаза:

— Прошу прощения. Такое иногда случается. Это всё утренние заплывы, знаешь ли. Пружина ржавеет.

Она хлопнула по тулье сбоку, и над её макушкой рывками воздвигся конус. Бумажные цветы с полей посыпались во все стороны.

Возница проследил взглядом рост шляпы.

— О, — только и сказал он.

Остроконечная шляпа означает, что тот, кого вы видите под ней, либо волшебник, либо ведьма. Ну, или сорвиголова, которому такая шляпа вообще-то не положена и который продержится ровно до тех пор, пока ему не встретится полноправный обладатель или обладательница шляпы. Ведьмы и волшебники не любят самозванцев. А ещё они не любят ждать.

— Ну и сколько же я вешу теперь, любезный? — поинтересовалась мисс Тик.

— Две унции, — поспешно отрапортовал возница.

Ведьма улыбнулась:

— Да, и ни скрупулом больше. Как известно, скрупул — это единица веса, равная одной двадцать четвертой части унции или же двадцати гранам. Так что можно сказать, что я… нескрупулёзная!

Она подождала, пока смысл этой истинно учительской шутки дойдёт до собеседника, не дождалась, но расстраиваться не стала. Мисс Тик нравилось быть умнее всех.

Она села в дилижанс.

Пока они ехали в горы, пошёл снег. Мисс Тик знала, что среди снежинок не встретишь двух

одинаковых, и не стала к ним приглядываться. А вот если бы пригляделась, то почувствовала бы себя не такой уж и умной.

Тиффани спала. В камине её спальни теплился огонь. Внизу стучал станок госпожи Вероломны, ткал дорожку сквозь ночь.

Маленькие синие человечки крадучись подобрались по полу к маленькому столику, который Тиффани использовала для письма, вскарабкались друг другу на плечи, и вот уже верхний Фигль в пирамиде оказался на высоте столешницы.

Тиффани перевернулась на другой бок и тихонько фыркнула во сне. Фигли замерли, и спустя мгновение дверь спальни неслышно закрылась за ними.

Едва различимая взглядом сине-рыжая комета, взметнув пыль, пронеслась вниз по лестнице, прошмыгнула в кладовку и через странную дыру в форме сырной головы, проделанную внизу задней двери, вылетела наружу. Её дальнейший путь можно было проследить по потревоженной палой листве до маленького костерка в глубине леса. Свет от огня играл на лицах многочисленной орды пикстов, хотя если бы он мог выбирать, то предпочёл бы поиграть в другом месте.

Комета остановилась и распалась на шестерых Фиглей, двое из которых тащили дневник.

Добычу бережно положили на землю.

— Уфф, еле копытсы унесли с этого дому, — перевёл дух Громазд Йан. — Зырили те черепушки верзунские? Этой карге путю лучше не перебегать!

— Ах, опять она замочину навесила, — заметил Явор Заядло, пустившись в обход дневника.

— Явор, а мож, всё ж таки не надо его читать? Нехорошо оно, — вмешался Билли Мордаст. — Это ж лишное!

— Она — нашая карга. Её лишное — нашее лишное, — отмахнулся Явор Заядло, запустив руку по локоть внутрь замка. — И ваще, она ж хочет, чтоб хтой-то это прочитил, а то чего б она шкрябила? Нет толку шкрябить, ежли читить некому. Только карандахи зря тратить.

— Мож, она сама его и читает, — неуверенно предположил Билли.

— Нды? И на кой оно ей? — презрительно фыркнул Явор. — Она всё там и так бум-бум, сама ж нашкрябила. Да и Джинни велела прознать, что нашая карга про баронского парю себе кумекает.

Раздался щелчок, и замок открылся. Вся фиг-

лёвская братия приготовилась почтительно наблюдать.

Явор Заядло полистал шуршащие страницы и широко ухмыльнулся:

— Ах, она тута шкрябит: «Фигли опять объявились. Как мне их не хватало!»

— Видать, она по нам оченно соскучилась, — сказал Билли Мордаст. — Дай-ка позырить, пжалста…

«Фигли опять объявились. Только их мне не хватало!» — прочёл гоннагл.

— А-а, — протянул Билли.

Он был родом из клана Долгого озера и пришёл в клан Мелового холма вместе с Джинни. Фигли Долгого озера, в отличие от клана Холма, были на «ты» с грамотой, а Билли, как гоннаглу, пришлось особенно хорошо овладеть чтением и письмом.

Фигли же Мелового холма были больше на «ты» с выпивкой, грабежом и мордобоем, и Явор Заядло славился владением всеми тремя этими искусствами, но ему пришлось научиться читать и писать, потому что этого хотела Джинни. Билли давно заметил, что в обращении с буквами Большому Человеку клана свойственна не столько точность, сколько надежда на лучшее. Напоровшись на предложение подлиннее, Явор Заядло

норовил разобрать несколько слов, а потом с наскоку домыслить остальное.

— Искушство читания ведь в том, чтобы скумексать, что слова *хотят* тебе сказануть, верно? — сказал Явор.

— Мож, оно и так, — вмешался Громазд Йан. — Токо есть ли среди тех словей что-нить разлюбезное про того мешковастого верзунчика из замка?

— Экий ты романтышный, — усмехнулся Явор Заядло. — Нае, нету тута такого. Они таперь свои письмы мал-мал шифрить стали. Экая-какая помеха читанию: буковы и так-то разбечься норовят, а тут их ещё перемешкали почёмздря.

— Ах, эт' для нас всех добром не обвернётся, ежли мал-мал громазда карга мечтовывает о парях заместо того, чтоб карговству учиться, — сказал Громазд Йан.

— Ах-ха, но, мож, паря-то в мужи идти не захотит, — сказал Чуть-не-в-уме Ангус.

— Когда-нить, мож, и захотит, — возразил Билли Мордаст. Его хобби было наблюдение за людьми. — Почти все верзунские мущщины в мужи идут.

— Взаправду? — не поверил Фигль.

— Ах-ха.

— Что, по добровой воле?

— Ах-ха, многие хотят жениться, — сказал Билли.

— Чтоб прощевай тыркс, пойло жракс и морда дракс?

— Эй, я ж по-прежневому тыркс, пойло жракс и морда дракс! — крикнул Явор.

— Ах-ха, Явор, токо мы видели, как опосля тебе почёмздря Объясняваться приходится, — возразил Туп Вулли.

Фигли дружно закивали. Искусство Объясняться они считали чем-то вроде чёрной магии. Уж слишком сложно бывает Объяснить…

— Ну, вот мы возвертаемся с тырксов, жраксов и драксов, а Джинни на тебя эдак зыркс — и губы поджамкивает, — продолжал Вулли.

Остальные Фигли в ужасе взвыли:

— О-о-о-о, токо не поджамканье губей, токо не оно!

— А потом ишшо и руксы на груди скрещает, — не унимался Вулли, увлечённо дрожа со страху от собственных слов.

— О-о-о-о-о, ой-ёи-ёи, руксы на груди! — Фигли принялись рвать на себе волосы.

— И я уж не грю, как она носком ноги притопсывает…

— А-аргх! Нет! Притопсы! — Некоторые стали

биться головой о деревья.

— Так-то оно так, — вмешался Явор Заядло, — но вы ни бум-бум, что у нас, мужьёв, на всё это свои таинствия имеются.

Фигли озадаченно переглянулись. В наступившей тишине раздался треск — это повалилось на землю небольшое деревце.

— Мы про такенное в жисть не слыхали, — выразил общее недоумение Громазд Йан.

— Ишшо б вы слыхали! Хто б вам сказанул-то? Вы неженатиксы! Вы ни бум-бум, как оно всё по-е-тиш-но у-рав-но-ве-шен-но. Ну-кось, ступайте сюдыть, я вам на ухи шепну.

Тщательно оглядевшись по сторонам — не слышит ли его кто-нибудь, кроме пятисот Фиглей, — Явор Заядло продолжал:

— Ну дыкс от… Попервой ты тыркс, пойло жракс и морда дракс, ах-ха? А опосля возвертаешься, знатца, в курганс, и там тебя ждут притопсы…

— О-о-о-о-о!

— И руксы на груди…

— А-а-а-аргх!

— И, ясно дело, поджамканье губей. И от тогдыть… А ну кыкс, позатыкните свои вопиллы, чучудры нервические, пока я ваши балды одну об другу не настучал!

Все Фигли утихли, но один продолжал рыдать:

— О-ой-ёи-ёи-ёи! О-хо-хо-хо! Поджамканье гу… — Он наконец умолк и смущённо огляделся.

— Туп Вулли, — произнёс Явор с ледяным спокойствием и безграничным терпением.

— Ась, Явор?

— Помнишь, я грил тебе, чтоб ты вдругорядь меня слухал?

— Ась, Явор?

— Дыкс эт' был тот-сам рядь.

Туп Вулли виновато понурился:

— Звиняй, Явор.

— Ну лады. Тыкс, о чем я грил? А, знатца, губы жамк, руксы вскресть, ноги топс… И от тогдыть…

— Тогдыть пора Объясняваться! — подхватил Туп Вулли.

— Верно! — резко оборвал его Явор Заядло. — А хто-нить из вас, угрязков, готовски в таку себе минуту выдавать Объясненья?

Он пристально оглядел своих воинов. Воины в ужасе попятились.

— Когды кельда жамкает, крещит и притопсывает, — замогильным голосом продолжал Большой Человек, — когды её ясны глазья грят: «Ну-ну, позырим, как ты таперь Объяснишься…» Ну кыкс? Готовски вы?

Но Фигли рыдали и в ужасе жевали свои килты.

— Нае, Явор, — пролепетали они.

— Ах-ха! — воскликнул Явор Заядло. — Вы не готовски! Эт' потому, что вы ни бум-бум в мужненстве!

— Я слыхал, как Джинни грила, что таких Объяснений, как ты, ни один Фигль не понавыдумает! — с восхищением проговорил Туп Вулли.

— Ах-ха, оченно мож быть, что оно так и есть. — Явор Заядло гордо выпятил грудь. — У нас, у Фиглей, вековые традисии громаздущих Объясненьев имеются.

— Джинни грит, твои Объясненья бывают такие длиннявые и загогулистые, что к концу она уж и не упомнит, с чего они начинались, — добавил Туп Вулли.

— Ну, эт' у меня к ним просто природновый дар, неча тут хвастить, — скромно отмахнулся Большой Человек.

— Но верзуны-то навряд ли с Объясненьями управляются, — вмешался Громазд Йан. — Они ж тупитлы.

— И всё-таки они женятся, — сказал Билли Мордаст.

— Ах-ха, и тот паря в замке уж больно на на-

шую малу громазду каргу пырится, — гнул своё Громазд Йан. — А папка-то его уже дряхлявый и квёлый, того гляди копытсы склеит. И тогда мальцу достатнутся такие бумазейки, где сказано, что холмья таперь его.

— Джинни боится, что, если у него будут эти бумажки, что холмы теперь его, — подхватил Билли, — он решит, что они ему принадлежат. А мы все знаем, чем это мож кончиться, верно?

— Ах-ха, — сказал Громазд Йан. — Вспашкой.

Один звук этого слова пугал пикстов. Старый барон как-то раз задумал распахать несколько участков земли, которые поровнее. Зерно, рассуждал он, нынче в цене, а на овцах сильно не разбогатеешь. Но тогда ещё была жива матушка Болен, и она передумала за него.

Однако некоторые пастбища в окрестностях холмов уже распахали. За зерно и правда можно было выручить хорошие деньги. И Фигли не сомневались, что и Роланд захочет пустить плуг на холмы. В конце концов, его ведь воспитали мерзкие самовлюблённые и коварные тётки.

— Не верю я ему, — сказал Чуть-не-в-уме Ангус. — Он книги читит и всяко-тако. О земле не морочится.

— Ах-ха, — кивнул Туп Вулли. — Но ежели он

обженится на мал-мал громаздой карге, он о вспашке и помыслить струснёт, потому что тогда она ему устроит руки жамк…

— Эт’ губы она жамк! — резко поправил его Явор Заядло.

Фигли в испуге огляделись по сторонам.

— О-о-о-о-о, токо не губы жа…

— А ну цыть! — рявкнул Явор Заядло. — Стыд-позор на вас! Эт’ мала громазда карга должна решать, кому на ней обжениться. Верно я грю, гоннагл?

— Ммм? — неопределённо промычал Билли, глядя куда-то вверх, и поймал ещё одну снежинку на палец.

— Я грю, эт’ мала громазда карга должна решать, кому на ней обжениться, так? — повторил Явор Заядло.

Билли во все глаза разглядывал снежинку.

— Билли? — окликнул Явор.

— Ась? — спохватился гоннагл, словно очнувшись. — Ах, да… Думаешь, она хочет, чтобы Зимовей на ней обженился?

— Зимовей? — удивился Явор Заядло. — Нае, он ни на ком обжениться не могёт, он же ж духс бесплотский. Не светит ему.

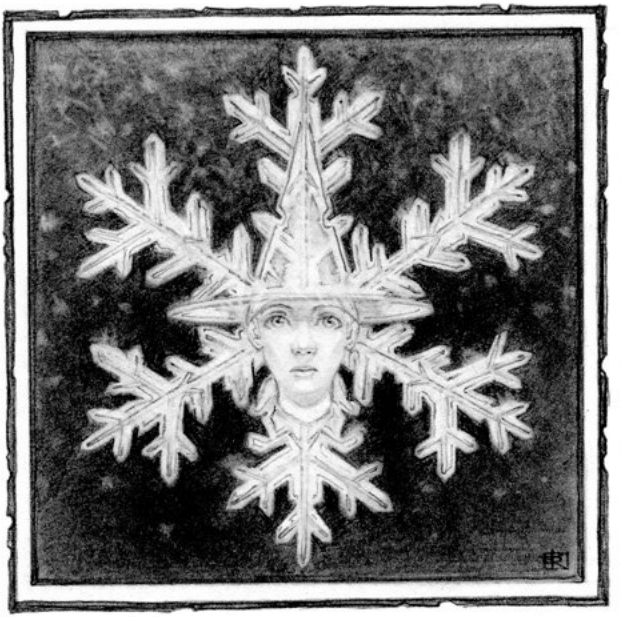
— Она с ним плясовала. Мы видали её. — Билли

снова поймал снежинку и пригляделся к ней.

— Да мало ли чего девчура, увлёкшись, наплящет! И ваще, с чего ты взял, что она об Зимовее морочится?

— У меня есть основания считать, — с расстановкой проговорил гоннагл, глядя, как падают снежинки, — что Зимовей немало морочится о нашей карге.

Глава 4. Снежинки



Говорят, среди снежинок нет и двух одинаковых, — но когда кто-нибудь пытался проверить это на практике?

Снег мягко падал в ночи. Белой шубой ложился на крыши домов, нежно укутывал деревья, с мягким шипением устилал землю в лесу. От него исходил резкий жестяной запах.

Матушка Ветровоск всегда выходила проверить снег. Встав на пороге в лужице света, льющегося из дома, она выставила за дверь лопату обратной стороной кверху и поймала несколько снежинок.

Маленькая белая кошечка внимательно смотрела, как падают снежинки. Смотрела — и только. Она не пыталась поймать их или поиграть с ними. Просто выбирала снежинку и следила, как та, кружась, падает на землю. Потом некоторое время смотрела на упавшую снежинку и, убедившись, что представление окончено, выбирала вверху новую.

Кошечку звали Эй, потому что обращались к ней: «Эй! Прекрати!» или: «Эй! Брысь отсюда!». Матушка Ветровоск недолго раздумывала над именем.

Матушка внимательно изучила снежинки и улыбнулась на свой лад, не то чтобы очень добродушно.

— Эй, домой! — окликнула она кошку и закрыла дверь.

Мисс Тик пыталась отогреться у огня. Очаг горел не слишком жарко, он давал ровно столько тепла, сколько необходимо. Но из маленького котелка на углях пахло гороховой кашей с грудинкой, а рядом стоял ещё один котелок, побольше, и из него разливался аромат курятины. Мисс Тик нечасто доводилось отведать курятины, и надежда согревала ей сердце.

Надо сказать, что матушка Ветровоск и мисс Тик не слишком ладили. Старшие ведьмы вообще часто не ладят. Внешне это проявлялось в том, как исключительно вежливо держались друг с другом матушка и её гостья.

— В этом году снег выпал рано, не правда ли, госпожа Ветровоск? — заметила мисс Тик.

— Твоя правда, мисс Тик, — согласилась матушка. — И он такой… интересный. Ты хорошо его рассмотрела?

— Я достаточно насмотрелась на снег, госпожа Ветровоск, — сказала мисс Тик. — Он шёл всю дорогу, пока я сюда ехала. Мне пришлось помогать вознице толкать почтовую карету! Снега я навидалась сполна! Но что мы будем делать с Тиффани Болен?

— Ничего, мисс Тик. Ещё чаю?

— Мы в ответе за неё.

— Нет. Она сама за себя отвечает, с начала и до конца. Она ведьма. Она плясала Зимний танец. Я сама видела.

— Уверена, она этого не хотела, — сказала мисс Тик.

— Как можно танцевать, если ты не хочешь?

— Она ещё молода. Должно быть, ноги сами понесли её в пляс. Она не понимала, что происходит.

— А должна была понимать, — сказала матушка Ветровоск. — Слушать надо было, что говорят.

— Уверена, вы в её возрасте всегда слушались старших, госпожа Ветровоск, — проговорила мисс Тик, подпустив в голос лишь капельку сарказма.

Прежде чем ответить, матушка некоторое время смотрела в стену.

— Нет, — сказала она. — Мне доводилось и ошибаться. Но я не искала оправданий.

— Я думала, вы хотите помочь девочке.

— Я устрою так, чтобы она сама себе помогла. Я так делаю. Танец завёл Тиффани в самую древнюю из сказок нашего мира, и теперь, чтобы выбраться из неё, девочке придётся танцевать до самого конца этой сказки. Другого выхода оттуда нет, мисс Тик.

Мисс Тик вздохнула. Сказки, подумала она. Гос-

пожа Ветровоск верит, что мир состоит из сказок и историй. Ну что ж, у всех свои причуды. Кроме меня, разумеется.

— Конечно, просто удивительно, она ведь такая… обыкновенная девочка, — произнесла мисс Тик вслух. — В свете того, что она натворила, я имею в виду. И очень много думает. И вдруг Зимовей обратил на неё внимание…

— Он очарован ею, — сказала матушка Ветровоск.

— И это грозит бедой.

— Которой ей придётся противостоять.

— А если она не справится?

— Тогда она — не Тиффани Болен, — твёрдо сказала матушка Ветровоск. — Пусть она и попала в сказку, но сама она этой сказки не знает! Посмотри на снег, мисс Тик. Говорят, все снежинки разные и двух похожих среди них нет. Но откуда люди это взяли? И почему они так уверены? Всегда хотела доказать, что это чепуха. И вот пожалуйста! Выйди наружу, мисс Тик, и посмотри на снег. Посмотри на снег! Все снежинки — как одна.

Услышав стук, Тиффани подошла к крохотному оконцу в спальне и не без труда открыла его. Подоконник снаружи был завален снегом, мягким

и пушистым.

— Звиняй, что разбуднули, — сказал Явор Заядло, — но Билли Мордаст грит, ты должна это позырить.

Тиффани зевнула:

— На что мне смотреть?

— Слови пару снежинков, — ответил Явор. — Нае, не на лапу, а то быро протают.

Тиффани потянулась к столу, чтобы взять дневник. Дневника на месте не оказалось. Она пошарила вокруг — может, упал на пол? Вспыхнула спичка, и Явор Заядло зажёг свечу. Тиффани огляделась — вот же он, дневник, лежит на месте, будто и не исчезал никуда, только подозрительно холодный на ощупь. Явор смотрел на неё с самым невинным видом — верный признак, что провинился.

Решив, что вопросы можно задать и потом, Тиффани взяла дневник и высунула его в окно. На обложку опустились несколько снежинок, и она поднесла дневник к глазам, чтобы рассмотреть их.

— Снежинки как сне… — Она осеклась. — Ой, нет! Должно быть, это какая-то шутка!

— Нды? Ну, мож и так сказануть. Токо это как есть его шутковина.

В свете свечи Тиффани уставилась на снежинки, падающие за окном.

Каждая снежинка была Тиффани Болен. Маленькая, ледяная, искрящаяся Тиффани Болен.

Внизу от души расхохоталась госпожа Вероломна.

Ручку на двери спальни, расположенной на самом верху башни, зло дёргали и трясли. Роланд де Чуваукли (произносится «Чуффли»; он не выбирал себе фамилию) старательно не обращал на это никакого внимания.

— Чем ты там занят, мальчик мой? — раздался сварливый голос, приглушённый толстой дверью.

— Ничем, тётя Данута, — ответил Роланд, сидя за письменным столом и не поворачивая головы.

Чем хороша жизнь в замке — в его комнатах нетрудно запереться изнутри. На двери Роланда были три железных замка и два засова в руку толщиной.

— Послушай, твой отец кричит, чтобы тебя привели! — вмешался другой голос, ещё более сварливый.

— Скорее уж шепчет, тётя Араминта, — спокойно отозвался Роланд, надписывая конверт. — Он

кричит, только когда вы натравливаете на него лекарей.

— Это для его же пользы!

— Да, но он криком кричит, — упрямо сказал Роланд и облизал клапан конверта.

Тётя Араминта снова потрясла ручку двери:

— Неблагодарный мальчишка! Ты помрёшь тут с голоду! Мы пришлём стражу — пусть взломают дверь!

Роланд вздохнул. Людям, которые строили этот замок, не нравилось, когда их двери взламывают. Чтобы снести дверь, надо было сперва затащить на самый верх башни по узкой винтовой лестнице тяжёлый таран, а потом придумать, как с его помощью одолеть четыре слоя дубовых досок, сделавшихся от времени крепкими, как железо. При том, что на верхней площадке нет места, чтобы как следует размахнуться тараном. Даже один человек мог с лёгкостью оборонять эту комнату много месяцев, при условии, что у него будет достаточно провизии. За дверью поворчали ещё немного, потом шаги удалились вниз по лестнице. Чуть позже Роланд услышал, как тётки уже не в первый раз орут на стражников.

А что толку на них орать? Сержант Робертс и его

армия[15] терпеть не могли, когда ими командовали тётки. Конечно, все знали, что, если старый барон помрёт, прежде чем его сыну исполнится двадцать один год, тётки будут на законных основаниях распоряжаться в замке до самого совершеннолетия Роланда. Однако пока барон болен, он не мёртв. В такие дни, конечно, опасно быть строптивым стражником, но сержант и его ребята умели, когда нужно, становиться глухими, тупыми, забывчивыми, рассеянными, нездоровыми или, в случае Кевина, иноязычными стражниками.

Грабительские вылазки на кухню Роланд обычно совершал в самые глухие ночные часы, когда все в замке спали. Заодно он заходил навестить отца. Лекари пичкали барона какими-то одурманивающими снадобьями, но Роланд всё равно брал его за руку и какое-то время сидел у постели. От этого на душе становилось немного легче. Обнаружив в комнате больного банки с осами или пиявками, он выбрасывал их в замковый ров.

Он задумчиво посмотрел на конверт. Возможно, стоит рассказать Тиффани о том, что здесь творится, но эта мысль ему не нравилась. Тиф-

---

[15] Примечания: 15
Кевин, Невилл и Тревор. (*Примеч. автора*)

фани расстроится и может попытаться снова его спасти, а это будет неправильно. Он должен справиться сам. Кроме того, это не *он* заперт в башне. Это *они* заперты снаружи. Пока он удерживает башню, в замке есть хотя бы одно место, куда его тётки не смогут ворваться, где они не будут рыться и грабить. Роланд прятал под кроватью оставшиеся серебряные подсвечники, нерастащенное старинное столовое серебро («Мы отправили его на оценку», — сказали ему) и шкатулку с маминым драгоценностями. Шкатулку он забрал слишком поздно: обручальное кольцо и серебряное ожерелье с гранатами, доставшееся маме по наследству от его бабушки, уже исчезли.

Но завтра ему придётся встать пораньше, чтобы сесть на коня и отвезти письмо в Дверубахи. Ему нравилось писать Тиффани. Когда он писал, мир становился лучше, потому что упоминать о плохом совсем не обязательно.

Роланд вздохнул. Как бы он хотел поведать Тиффани, что отыскал в библиотеке книгу легендарного генерала Тактикуса (что интересно, это именно он изобрёл тактику) под названием «Осада и как её выдержать». Кто бы мог подумать, что такая старая книга может так пригодиться! Генерал напирал на важность провизии, поэтому

Роланд основательно запасся лёгким пивом, увесистыми палками колбасы и тяжёлым гномьим хлебом, который очень удобно сбрасывать врагам на головы.

Он оглядел свою комнату. На стене висел портрет матери — Роланд принёс его из подвала, куда его убрали тётки («Пока его не отчистят», — объясняли они). Рядом, если знать, куда смотреть, можно было разглядеть прямоугольник размером с небольшую дверь, камни там были чуть-чуть светлее, чем везде. А канделябр поблизости висел немного криво.

Жизнь в замке имеет множество преимуществ.

Снаружи пошёл снег.

Угнездившись в соломенной кровле домика госпожи Вероломны, Фигли вглядывались в падающие снежинки. В тусклом свете, умудрившемся просочиться сквозь закопчённые окна, было видно, как порхают в воздухе крохотные Тиффани.

— Типа, пусть снежинки грят за тебя, — сказал Громазд Йан. — Ха!

Туп Вулли поймал одну на ладонь:

— Ну, чепунец колом у него точь-в-точь как у ней вышел. Должно быть, нашая мала громазда карга ему оченно по сердцу…

— Разбредовина сплошная! — вспылил Явор

Заядло. — Он же ж зима! Он же ж сплошь снеги, лёды, морозы и вьюги. А она просто мала громазда девчура! Ну кака-така он ей пара? Так иль нет, Билли? Билли?

Гоннагл с рассеянным видом смотрел на падающий снег, покусывая мундштук своей визжали. Мысли его явно были где-то далеко, однако Явору Заядло всё же удалось, как видно, до них докричаться, потому что Билли ответил:

— Да что он вообще знает о людях? Жизни в Зимовее меньше, чем в малой козявице, но он могуч, как море. И вдруг он начинает сохнуть по нашей карге. Почему? Что она для него значит? Чего ещё от него ждать? Одно я тебе скажу, Явор: снежинки — только начало. Зырить надо в оба. Эт' всё может большой бедой обернуться.

Высоко в горах 990 393 072 007 Тиффани Болен мягко опустились на старый слежавшийся снег на перевале и скатились с него лавиной, которая снесла больше сотни деревьев и охотничий домик. Но в этом не было вины Тиффани.

Не было её вины и в том, что люди поскальзывались на ней, или не могли открыть двери и выйти из дома, потому что снаружи их завалило ею, или что слепленные из неё комки прилетали в кого-то, брошенные руками шаловливых детей.

На следующий день почти вся она растаяла ещё до завтрака, и никто так и не заметил ничего необычного. Разве что ведьмы, которые никогда не верят на слово, и дети, которых никто не слушает.

Однако Тиффани всё равно проснулась со смутным ощущением неловкости.

И госпожа Вероломна ничуть не помогла ей от него избавиться.

— По крайней мере, ты ему нравишься, — сказала старая ведьма, когда яростно заводила свои часы.

— Я бы предпочла об этом не знать, госпожа Вероломна, — отозвалась Тиффани. Ей совсем не хотелось продолжать разговор.

Она мыла тарелки, стоя у раковины, и радовалась, что старуха не видит её лица в эту минуту. И, если уж на то пошло, что сама Тиффани не видит лица госпожи Вероломны.

— Интересно, что скажет на это твой молодой человек?

— Какой молодой человек, госпожа Вероломна? — поинтересовалась Тиффани, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно холоднее.

— Тот, что пишет тебе, девочка!

И чьи письма, подозреваю, вы читаете моими

глазами, добавила про себя Тиффани.

— Роланд? Он просто мой друг… Вроде как.

— Вроде как друг?

Я не поведусь на это, твёрдо пообещала себе Тиффани. Готова поспорить, старуха сейчас ухмыляется. И вообще, это совершенно не её дело!

— Да, — сказала она вслух. — Именно так, госпожа Вероломна. Вроде как друг.

Разговор надолго прервался, и Тиффани воспользовалась паузой, чтобы отскрести дно чугунной сковородки.

— Друзья — дело хорошее, — нарушила молчание госпожа Вероломна. Голос её звучал уже не так напористо, как прежде, словно она признала победу Тиффани. — Когда закончишь, милочка, передай мне, пожалуйста, мою сумку для путанок.

Тиффани выполнила её просьбу и поспешила в молочню. Она любила приходить сюда. В молочне она чувствовала себя почти как дома и думалось ей лучше. Она…

В двери зияла дыра, напоминающая по форме голову сыра, а Гораций спал в своей сломанной клетке, тихо похрапывая по-сырьи: «Мнмнмнмнмнмн…» Тиффани не стала его будить и занялась молоком, надоенным утром.

Хорошо хоть, снег перестал. При этой мысли она почувствовала, что краснеет, и постаралась выкинуть снежинки из головы.

А ведь вечером будет шабаш… Интересно, остальные уже знают? Ха! Конечно, знают. Ведьмы замечают всё, особенно то, что ставит другую ведьму в неловкое положение.

— Тиффани? Я хочу поговорить с тобой, — донёсся голос госпожи Вероломны.

Раньше она почти никогда не обращалась так к Тиффани. Услышать своё имя из уст старой ведьмы было странно. Ох, не к добру это…

Госпожа Вероломна держала в руках путанку. Её зрительная мышка покачивалась среди лент и косточек.

— Это так неудобно, — посетовала старуха. И вдруг крикнула куда громче: — Эй вы, угрязки! А ну вылазьте! Меня не окрутнёшь! Я зырю, как вы на меня пыритесь!

Из-за почти всего, что было в комнате, показались Фигли.

— Вот и ладно. А ты, Тиффани Болен, садись.

Тиффани торопливо послушалась.

— И ведь надо же было, чтобы именно теперь… — продолжала ведьма, откладывая в сторону путанку. — Так неудобно… Но я уверена,

ошибки быть не может. — Он помолчала. — Я умру послезавтра. В пятницу, почти в полседьмого утра.

Это сногсшибательное и серьёзное известие, конечно, не заслуживало того ответа, который за ним последовал.

— Экая жаль, выходные у тя, знатца, пролетают, — сказал Явор Заядло. — А кудой ты намылилась? Место-то хоть приятственное?

— Но… но… но вы не можете так просто взять и умереть! — выпалила Тиффани. — Госпожа Вероломна, вам же сто тринадцать лет!

— В том-то и дело, девочка, — спокойно сказала старая ведьма. — Разве тебе не говорили, что ведьмы способны предвидеть свою смерть? Да и к тому же я люблю бывать на поминках, если они устроены как следует.

— Ах-ха, с хорошей трызной ничё не сравняется! — поддержал её Явор Заядло. — Тут те и пойло, и плясы, и поздравленья, и веселенья, и пированье, и пойло.

— Возможно, немного сладкого хереса, — сказала госпожа Вероломна. — Что же до еды, то я всегда говорила, что рулетики из ветчины испортить невозможно.

— Но вы не можете… — Тиффани осеклась,

потому что старуха резко повернулась к ней, по-куриному дёрнув головой.

— …Вот так вот взять и бросить тебя? Это ты собиралась сказать? — спросила она.

— Ммм, нет, — солгала Тиффани.

— Разумеется, тебе придётся продолжить обучение у другой ведьмы, — сказала госпожа Вероломна. — Чтобы унаследовать мой домик, лет тебе пока маловато, девочки постарше давно своей очереди дожидаются.

— Госпожа Вероломна, вы же знаете, я всё равно не собираюсь оставаться в горах на всю жизнь, — поспешно сказала Тиффани.

— Ах да, мисс Тик мне что-то такое говорила. Ты хочешь вернуться в свои маленькие Меловые холмы…

— Они не маленькие! — выпалила Тиффани. Получилось несколько громче, чем она ожидала.

— Да, нам предстоит немало хлопот, — совершенно невозмутимо продолжала старая ведьма. — Я напишу несколько писем, ты отнеси их в деревню, а после обеда можешь заниматься своими делами. Поминки устроим завтра во второй половине дня.

— Простите? То есть ещё до вашей смерти? — не поверила своим ушам Тиффани.

— Ну разумеется! Совершенно не вижу, почему бы мне не повеселиться напоследок.

— Верно кумексаешь, хозяйка! — одобрил Явор Заядло. — А то человеки обыкновенно про таку важну мелочишку прозабывают!

— Мы зовём это прощальной вечеринкой, — сказала госпожа Вероломна. — Будут только ведьмы, конечно. Обычные люди на таких праздниках чувствуют себя скованно, ума не приложу почему. Но есть и хорошие стороны. Например, на прошлой неделе господин Руковязнер принёс нам отличную грудинку, когда они с соседом пришли выяснять, кому принадлежит каштановое дерево. Мне просто не терпится её попробовать.

Часом позже Тиффани отправилась в путь с полными карманами записок, адресованных мясникам, пекарям и фермерам в окрестных деревнях.

Люди встретили новость не совсем так, как она ожидала. Похоже, они думали, что это шутка.

— Госпожа Вероломна ни в жизнь не умрёт, — заявил мясник, взвешивая сосиски. — Я слышал, Смерть уже приходил за ней, но она захлопнула дверь прямо у него перед носом.

— Тринадцать дюжин сосисок, пожалуйста, — сказала Тиффани. — Готовых, с доставкой.

Убеждённости в своей правоте на лице мясника поубавилось.

— Так ты уверена, что она скоро умрёт?

— Нет. Но сама она уверена.

А пекарь сказал:

— Разве ты не знаешь про её часы? Госпожа Вероломна сделала их себе, когда её сердце остановилось. Эти часы у неё навроде механического сердца.

— Правда? — спросила Тиффани. — Но если её сердце остановилось, почему она не умерла и как оставалась в живых, пока делала себе новое, механическое?

— Волшебным образом, конечно, — не смутился пекарь.

— Но дело сердца — качать кровь, а часы-то не в груди госпожи Вероломны, они снаружи, — возразила Тиффани. — И никаких… трубочек от них к ней не идёт.

— Они качают кровь волшебным образом, — медленно, как маленькой, объяснил пекарь и недоверчиво посмотрел на Тиффани. — Какая же ты ведьма, если таких простых вещей не знаешь?

Та же история повторилась и в других местах. Похоже, мысль о том, что госпожи Вероломны

больше не будет, просто не умещалась у людей в головах. «Старой ведьме сто тринадцать лет, — возражали они, — слыханное ли дело, чтобы человек помирал в таком возрасте?» «Она решила над нами подшутить», — говорили они. Или: «У неё есть свиток, подписанный кровью, и там сказано, что она будет жить вечно. Или: «Она помрёт, только когда у неё украдут часы». Или: «Всякий раз, когда за госпожой Вероломной приходит Мрачный Жнец, она говорит ему, что её зовут как-нибудь не так, и отправляет его к кому-то другому». Или: «Может, она просто не очень хорошо себя чувствует?..»

К тому времени, когда Тиффани обошла всех, кого было велено, она уже и сама сомневалась, правда ли старая ведьма скоро умрёт. Но госпожа Вероломна говорила об этом с такой уверенностью… А когда человеку сто тринадцать лет, удивляться следует не тому, что он умрёт послезавтра, а тому, что он жив сегодня.

Поглощённая мрачными мыслями, она отправилась на шабаш.

Раз или два Тиффани ловила себя на ощущении, что за ней наблюдают Фигли. Она не могла сказать, каким образом чувствует их присутствие. Этому просто учишься со временем. А

заодно учишься мириться с этим, насколько это возможно.

Когда она пришла, остальные ведьмочки были уже на месте и даже успели разжечь костёр.

Некоторые думают, что «шабаш» означает «сборище ведьм». И верно, в словаре именно так и написано. Но более правильным словом для сборища ведьм было бы «препирательство».

Как бы там ни было, большинство ведьм, которых знала Тиффани, словом «шабаш» не пользовались. Зато им пользовалась госпожа Увёртка, причём постоянно. Это была высокая, тощая и довольно-таки колючая ведьма. Она носила очки в серебряной оправе на тонкой цепочке и любила словечки вроде «аватар» и «знамение». А Аннаграмма, заправлявшая шабашом, потому что сама его когда-то придумала и потому что у неё была самая высокая шляпа и самый пронзительный голос, была лучшей (и единственной) ученицей госпожи Увёртки.

Матушка Ветровоск всегда утверждала, что по части магии Летиция Увёртка — просто волшебник в юбке. И в самом деле, Аннаграмма вечно приносила с собой на шабаш целую охапку книг и волшебных палочек. Девочки обычно выполняли несколько ритуалов, чтобы отделаться от

неё, а на шабаш ходили, потому что это был повод повидать подруг. Пусть даже подругами они были лишь постольку, поскольку во всей округе им больше не с кем было открыто поговорить и некому пожаловаться на свои беды.

На шабаш собирались в лесу, даже когда выпадал снег. В лесу было нетрудно набрать дров для костра, а одевались ведьмы всегда тепло. Даже летом полёты на мало-мальски серьёзной высоте заставляют поддевать куда больше тёплого белья, чем отваживается нарисовать воображение, а порой и привязывать пару грелок.

Когда Тиффани подошла, вокруг костра летали три небольших огненных шара. Их наколдовала Аннаграмма. С их помощью можно уничтожить врагов, сказала она. Остальные девочки чувствовали себя неуютно. Это была магия волшебников, явная и опасная. Ведьмы предпочитают уничтожать врагов взглядом. Что толку убивать врага? Как же тогда он, а точнее, она узнает, что ты победила?

Поплина Бубен принесла целый противень изнаночных кексов — самое то, чтобы согреться промозглым днём.

Тиффани сказала:

— Госпожа Вероломна говорит, что умрёт в пят-

ницу утром. Говорит, ей откуда-то это известно.

— Как жаль, — отозвалась Аннаграмма без особого сожаления. — Хотя ей ведь было очень много лет.

— Ей и сейчас много лет, — сказала Тиффани.

— Эмм, это называется «Зов», — пояснила Петулия Хрящик. — Старые ведьмы чувствуют, когда приходит их срок. Никто не знает, как и почему. Просто чувствуют.

— А у неё по-прежнему стоят в комнате черепа? — спросила Люси Уорбек. Сегодня она собрала волосы в узел, использовав вместо шпилек нож и вилку. — Я их просто видеть не могла. Казалось, они всё время как бы таращатся на меня!

— А я сбежала, потому что она использовала меня вместо зеркала, — поёжилась Лулу Зайка. — С тобой она тоже так делает?

Тиффани вздохнула:

— Да.

— Я наотрез отказалась идти к ней, — сказала Гертрудда Утихни, вороша костёр. — Если без позволения покинуть наставницу, тебя никто больше в ученицы не возьмёт. А вы знаете, что, если сбежишь от госпожи Вероломны, даже пробыв в её доме всего одну ночь, тебе и слова не скажут, просто подберут новое место?

— Госпожа Увёртка говорит, черепа, вороны и прочее — это переходит все границы, — заявила Аннаграмма. — Окрестные жители буквально опасаются за свою жизнь!

— Эмм, а что будет с тобой? — спросила Петулия у Тиффани.

— Не знаю. Наверное, меня отправят к кому-нибудь ещё.

— Бедняжка, — сказала Аннаграмма. — Кстати, госпожа Вероломна, случайно, не говорила, кому достанется её дом? — спросила она с невинным видом, словно этот вопрос только что пришёл ей в голову.

В наступившей тишине было слышно, как шесть пар ушей чуть не скрипят от напряжения, приготовившись ловить каждое слово. Учениц в округе, конечно, было немного, но ведьмы живут долго, и каждая начинающая ведьма мечтает перебраться в свой собственный домик. Пока у тебя нет домика — не видать тебе уважения как своих ушей.

— Нет, — сказала Тиффани.

— Даже не намекала?

— Нет.

— Она ведь не говорила, что он станет твоим, нет? — резко спросила Аннаграмма.

Иногда её голос начинал по-настоящему действовать на нервы. Даже простое «привет!», произнесённое таким голосом, прозвучало бы как обвинение.

— Нет!

— Ты всё равно ещё не доросла до собственного дома.

— На самом деле возраст как бы и не важен, — вмешалась Люси Уорбек. — По крайней мере, нигде ничего такого не написано.

— Тебе-то откуда знать? — огрызнулась Аннаграмма.

— Я спрашивала у бабуси Хлюпсед, — ответила Люси.

Аннаграмма недобро прищурилась:

— Спрашивала, значит? А зачем?

Люси закатила глаза:

— Затем, что мне было интересно, только и всего. Слушай, все знают, что ты самая старшая и… как бы больше всех знаешь. Разумеется, дом достанется тебе.

— Да, — сказала Аннаграмма, с подозрением наблюдая за Тиффани. — Разумеется.

— Ну вот, всё, эмм, и улажено, — неестественно громко произнесла Петулия. — А скажите, у вас вчера много снегу выпало? Бабка Чёрношляп

говорит, это очень необычно.

О боги, подумала Тиффани. Сейчас начнётся.

— Да нет, тут у нас в горах снег часто выпадает так рано, — пожала плечами Люси.

— Мне показалось, он был какой-то особенно пушистый, — сказала Петулия. — И довольно красивый — конечно, для тех, кто любит снег.

— Это просто снег, — перебила Аннаграмма. — А вы слышали про новую ученицу старухи Шумгамс? Всего час пробыла в доме и сбежала со страшными воплями! — Она улыбнулась, но без особого сочувствия.

— Эмм, что, лягушку увидала?

— Нет. Лягушки-то она не испугалась. Это был Бедняга Чарли[16].

— Ну, он может напугать, — признала Люси.

Вот и всё, поняла Тиффани, когда девочки продолжили сплетничать дальше. Кто-то, могуществом почти равный богам, создал миллиарды снежинок в виде Тиффани Болен, а подруги ничего не заметили.

Что, на самом-то деле, и к лучшему…

Конечно, к лучшему! Ещё не хватало, чтобы

---

[16] Примечания: 16

Беднягой Чарли зовут старое пугало, на котором ведьмы на Испытаниях соревнуются в наговорах и проклятьях. Он упоминается в повести «Море и рыбки». (*Примеч. перев.*)

они принялись дразнить и насмехаться. Ну, то есть, конечно…

…Вот только… как бы… Было бы здорово, если бы они узнали, если бы сказали: «Ну ничего себе!», если бы стали завидовать, или испугались бы, или поразились. А сама Тиффани не могла об этом рассказать, по крайней мере, не могла рассказать при Аннаграмме, потому что Аннаграмма непременно сделает из новости повод для насмешек и хотя прямо об этом и не скажет, но вывернет разговор так, будто Тиффани всё выдумала.

Зимовей явился к Тиффани, и… она произвела на него впечатление. Будет очень обидно, если об этом так никто и не узнает, кроме госпожи Вероломны и нескольких сотен Фиглей. Особенно учитывая, что уже с пятницы (Тиффани содрогнулась при этой мысли) знать будут только Фигли.

Можно сказать и по-другому: если она не поделится этим с кем-нибудь, кто одного с ней роста и не собирается на тот свет, она лопнет.

Поэтому она рассказала обо всём Петулии, когда они возвращались с шабаша. Им было по пути, и обе пока что летали так плохо, что ночью проще было идти пешком — так хотя бы меньше на деревья натыкаешься.

Петулия была толстушкой и хорошим другом и уже успела стать лучшей ведьмой-свинаркой в Овцепиках, а это очень много значит в краях, где все держат свиней. И госпожа Вероломна говорила, что очень скоро у Петулии от женихов отбоя не будет: девушка, которая знает толк в свиньях, нипочём не останется без мужа.

Одна беда: Петулия всегда соглашалась, что ей ни скажи, и всегда говорила в ответ то, что, по её мнению, от неё хотели услышать. Но Тиффани коварно не дала ей развернуться: рассказала только, как всё было, ничего не прибавив от себя. Подруга немного поахала, и это было приятно.

Помолчав, она сказала:

— Наверное, это было очень, эмм, интересно.

И в этом ответе была вся Петулия.

— Что мне делать? — спросила Тиффани.

— Эмм… А тебе надо что-то делать?

— Ну, рано или поздно люди заметят, что все снежинки похожи на меня!

— Эмм, так ты боишься, что никто не заметит? — спросила Петулия с таким невинным видом, что Тиффани рассмеялась.

— Но у меня такое ощущение, что снежинками дело не ограничится. В смысле, зимой он может что угодно!

— И он убежал, когда ты закричала, — проговорила Петулия задумчиво.

— Верно.

— А потом сделал… ну, вроде как глупость.

— Какую?

— Снежинки, — напомнила Петулия.

— Ну, я бы так не сказала. — Тиффани почувствовала себя немного уязвлённой. — Снежинки — не то чтобы прямо глупость…

— Тогда всё ясно, — сказала Петулия. — Он — мальчишка.

— Что?!

— Мальчишка. Ты ведь их знаешь: они вечно краснеют, бубнят, бурчат, лепечут что-то. Все они одинаковы, — пояснила Петулия.

— Но ему миллионы лет, а он ведёт себя так, словно впервые в жизни встретил девушку!

— Эмм, ну, не знаю… А он раньше встречал девушек?

— А как же иначе? Летнюю Владычицу, например, — сказала Тиффани. — Она ведь девушка. Ну, то есть женщина. По крайней мере, если верить одной книге.

— Мне кажется, тебе остаётся только подождать и посмотреть, что он будет делать дальше. Извини, со мной такого не случалось, чтобы кто-то

лепил снежинки в мою честь… Эмм, вот мы и пришли…

Они вышли на поляну, где стоял домик госпожи Вероломны, и вид у Петулии сделался немного встревоженный.

— Эмм… Про неё такое рассказывают… — Она испуганно разглядывала дом. — Тебе там точно хорошо живётся?

— Ты про всякие истории, например о том, что она может сделать ногтем большого пальца? — спросила Тиффани.

— Да!

— Госпожа Вероломна сама это сочинила. Только никому не говори.

— Но зачем человеку распускать о себе такие слухи?

Тиффани помедлила с ответом. На свиней боффо не действует, так что вряд ли Петулия с ним сталкивалась. И она была на редкость честной девочкой, а для ведьмы это, как уже успела понять Тиффани, скорее недостаток. Ведьмы не то чтобы лгут, но тщательно выбирают, какую именно правду сказать.

— Не знаю, — наконец соврала она. — Но чтобы из живота что-нибудь вывалилось, надо довольно глубоко его процарапать. А кожа сама по себе до-

статочно крепкая. Не думаю, что это возможно.

Петулия посмотрела на неё с ужасом:

— Ты что, пробовала?

— Сегодня утром на большом куске ветчины, если ты об этом, — сказала Тиффани.

Ведь никому нельзя верить на слово, добавила она про себя. Люди пересказывают друг другу слухи, что у госпожи Вероломны волчьи клыки, хотя своими глазами видели, что у неё самые обыкновенные зубы.

— Эмм… я приду завтра помочь, конечно, — проговорила Петулия, опасливо поглядывая на руки Тиффани — вероятно, на случай, если та захочет провести ещё какой-нибудь опыт с ногтем. — Прощальные вечеринки бывают очень даже весёлыми, правда. Но, эмм, на твоём месте я бы сказала господину Зимовею, чтобы оставил тебя в покое. Лично я так сказала Дэвиду Уваленну, когда он, эмм, стал слишком уж романтичным. И ещё я ему сказала, что, эмм, встречаюсь с Макки Ткачом… Только остальным ни слова!

— Это не тот, который только о свиньях и говорит?

— Свиньи — очень интересная тема, — укоризненно сказала Петулия. — А у его отца, эмм, самая большая свиноферма в горах.

— Тогда он, наверное, и правда интересный кавалер, — признала Тиффани. — Ой!

— Что случилось?

— Ничего. Просто рука вдруг заболела, но сразу прошла. — Она потёрла ладонь. — Наверное, это она так заживает. Ну, до завтра!

Тиффани зашла в дом. Петулия отправилась дальше через лес.

Из-под крыши донеслись голоса:

— Слыхал, чё толстуха сказанула?

— Ах-ха, токо я ни бум-бум, чё тако интересновое в хрюньях.

— Нае, тута ты не правый. Хрюньи, они оченно интересновые. В них можно жратс всё, окромя визгу.

— Дык визг-то тоже жрётся!

— Что за разбредовина!

— А я те щас разъясню. Берёшь, делаешь корку пироговую, так? Внутрю пихаешь поболе грудины, так? Потом ловишь визги, шмяк их поверх, и, пока не убёгли, в печь суёшь, так?

— В жисть о таком пироге не слыхал!

— Не слыхал? А он есть!

— А от и нет!

— А от и есть! Его ещё кышем зовут, потому что как разрезнёшь — визг наружу, и все орут: кыш,

кыш! — будто хрюнья в дом забралась. И ежли…

— Ежли вы, чувырлы пустобрёхие, не станете меня слухать на раз-два, я вас самих в пирог зажарю! — рявкнул Явор Заядло.

Фигли, немного поворчав, затихли.

А на опушке за деревьями стоял Зимовей и смотрел на дом серо-лиловыми глазами. Он видел, как в окне наверху затеплилась свечка, видел, как она погасла.

И тогда, неуверенно покачиваясь на новообретённых ногах, он побрёл к заснеженному палисаднику, где летом цвели розы.

В «Магазине магических принадлежностей Закзака Рукисилы» продаётся множество хрустальных шаров самого разного размера. Стоят они примерно одинаково: Целую Кучу Денег. А поскольку у ведьм, особенно тех, которые что-то смыслят в своём ремесле, обычно бывает Не Слишком Много Денег, они обходятся тем, что под рукой, — например, старым стеклянным поплавком от рыбацкой сети или блюдцем с чернилами.

По столу матушки Ветровоск расплылась чернильная лужица. Сначала-то чернила были в блюдце, но выплеснулись, когда матушка и мисс Тик стукнулись лбами, пытаясь одновременно

заглянуть в блюдце.

— Нет, ты слышала? Петулия Хрящик задала очень правильный вопрос, а она его мимо ушей пропустила!

— Боюсь, я тоже не обратила внимания, — призналась мисс Тик.

Белая кошка Эй прыгнула на стол, прицельно прошла по луже чернил и приземлилась мисс Тик на колени.

— Эй, прекрати! — не слишком сердито прикрикнула матушка Ветровоск.

Мисс Тик уставилась на своё платье.

— Пятен почти и не заметно, — проговорила она, хотя на самом деле четыре отпечатка кошачьих лап можно было разглядеть без труда.

Платья ведьм изначально, как правило, чёрные, но довольно скоро линяют до всевозможных оттенков серого из-за частых стирок или, как у мисс Тик, регулярных купаний в омутах, прудах и реках. Кроме того, ткань вытирается, а подолы рвутся, так что платья приобретают потрёпанный вид. Большинство ведьм не имеют ничего против, ведь это показывает, что обладательница платья — работящая ведьма, а не какая-то выскочка, умеющая лишь пускать пыль в глаза. Но с четырьмя кошачьими следами на платье

могла расхаживать только последняя недотёпа. Мисс Тик опустила кошку на пол, та подбежала к матушке, потёрлась об её ногу и попыталась вымяучить себе ещё курятины.

— Так что это был за важный вопрос? — спросила мисс Тик.

— Скажи мне, как ведьма ведьме, мисс Тик, — начала матушка Ветровоск. — Зимовей когда-нибудь встречался с девушкой?

— Ну, — неуверенно протянула младшая ведьма, — классическое воплощение Лета, пожалуй, можно считать…

— А они когда-нибудь встречались? — перебила матушка.

— Разве что в танце… На мгновение…

— И в это мгновение, в это самое мгновение, в танец ворвалась Тиффани Болен, — сказала матушка Ветровоск. — Ведьма, которая никогда не носит чёрное. Нет, ей больше по душе голубой и зелёный, как небо и трава. Она постоянно призывает силу своих холмов. А они зовут её саму! Эти холмы когда-то были живыми, мисс Тик! Они чувствуют ритм танца, вот и Тиффани через них чувствует его, хоть сама об этом не подозревает. Её земля определяет всю её жизнь, даже здесь. Тиффани не могла не притопывать ногой, когда

услышала музыку. Это сама земля притопывала в такт моррису, знаменующему поворот на зиму!

— Но она… — заикнулась было мисс Тик, потому что ни один учитель не может вытерпеть, когда кто-то другой говорит слишком долго.

Однако матушку Ветровоск было не остановить.

— Что произошло в это мгновение? Лето, Зима и Тиффани. Один головокружительный миг — и они снова порознь. Но кто знает, что успело за этот миг перепутаться? Зимовей вдруг начал делать глупости, словно стал немного… человечным.

— Вот что ввязалась Тиффани? — спросила мисс Тик.

— В танец, мисс Тик. В танец, который длится вечно. И она не может изменить его рисунок, пока ещё нет. До поры до времени ей придётся танцевать под дудку Зимовея.

— Ей грозит множество опасностей, — сказала мисс Тик.

— С ней сила её холмов.

— Но это мягкие холмы. Их так просто сровнять с землёй.

— Сердце мела — кремень, — напомнила матушка Ветровоск. — А он острее любого ножа.

— Снег может засыпать холмы.

— Но не навсегда.

— Однажды он засыпал их навсегда. — Мисс Тик решила положить конец этой игре. — По крайней мере, на тысячи лет. Гигантские животные, жившие в мире тогда, барахтались в снегу и чихали.

Глаза матушки сверкнули.

— Может, и так. Я-то этого, конечно, не застала. А пока наше дело — присмотреть за девочкой.

Мисс Тик отпила чаю. Иметь дело с матушкой Ветровоск всегда было своего рода испытанием. Вчерашний горшок с остатками курицы, как выяснилось, предназначался вовсе не гостье. Эй, вот для кого была курятина. Для кошки. Ведьмы поужинали густой и наваристой гороховой кашей и супом с грудинкой, только без грудинки, что немаловажно. Когда суп сварился, матушка Ветровоск потянула за шпагат, вытащила из котелка хороший жирный кусок копчёного мяса, аккуратно промокнула его и отложила до следующего раза. Невзирая на голод, мисс Тик оценила уловку по достоинству. Матушка Ветровоск могла бы сварить кашу даже не из топора, а из пары лишних минут.

— Говорят, госпожа Вероломна слышала Зов, —

сказала мисс Тик.

— Да. Поминки завтра, — кивнула матушка.

— Очень сложный удел[17] она после себя оставит, — заметила мисс Тик. — Госпожа Вероломна жила и работала там много, много лет, люди привыкли к ней. Другой ведьме будет непросто её заменить.

— И правда, трудно придётся той, кто попытается заменить её в этой… роли.

— Роли?

— В этой жизни, конечно. Я оговорилась, — сказала матушка Ветровоск.

— Да, даже не знаю, кто из юных ведьм мог бы пробовать, так сказать, надеть её шляпу. Кого бы вы предложили? — спросила мисс Тик.

Она любила узнавать новости первой. И при каждом мало-мальски удобном случае норовила ввернуть слова «надеть» и «одеть», чтобы показать, что уж она-то их не путает.

— Это не мне решать, мисс Тик, — резко сказала матушка. — Все ведьмы равны, главных у нас нет, ты же знаешь.

— Да, верно, — согласилась мисс Тик, хотя она

---

[17] Примечания: 17

Удел — область мира, за которую ведьма считает себя ответственной, предмет её повседневных забот. Размером удел может быть от деревни до целого мира. (*Примеч. автора*)

знала также и то, что главной ведьмой, которой нет, была и остаётся матушка Ветровоск. — Но я слышала, госпожа Увёртка хочет продвинуть юную Аннаграмму, свою ученицу, а госпожу Увёртку сейчас многие поддерживают. Должно быть, это из-за её книг. Она пишет о нашем ремесле так, что сердце замирает от восторга.

— Ты ведь знаешь, я не люблю, когда ведьмы пытаются навязать другим свою волю, — проворчала матушка Ветровоск.

— Конечно, — кивнула мисс Тик, изо всех сил стараясь не засмеяться.

— Я подброшу пару идей, а все пусть решают.

Да уж, эти идеи наверняка упадут с громким лязгом, подумала мисс Тик, а вслух сказала:

— Петулия Хрящик быстро учится и уже далеко продвинулась. Хорошая, разносторонне одарённая ведьма. И к людям она прислушивается.

— По-моему, куда больше она прислушивается к свиньям, — сказала матушка Ветровоск. — А я вот думала про Тиффани Болен.

— Что? — подскочила мисс Тик. — Вам не кажется, что бедной девочке и без того сейчас нелегко?

Матушка Ветровоск улыбнулась, но улыбка её сразу погасла:

— Ты же знаешь, как говорят, мисс Тик: хочешь, чтобы что-то было сделано, — поручи это тому, у кого дел по горло. А у Тиффани Болен скоро дел будет именно что по горло, — добавила она.

— Почему вы так думаете? — спросила мисс Тик.

— Хмм. Я пока не уверена, но мне очень интересно, как будут вести себя её ноги…

Перед поминками Тиффани почти не спала. Ткацкий станок госпожи Вероломны стучал всю ночь напролёт — старая ведьма хотела успеть закончить простыни, которые ей заказали.

Перед самым рассветом Тиффани наконец сдалась и встала, именно в таком порядке. Зато она хотя бы успеет выгрести навоз и подоить коз, прежде чем навалятся другие дела. Шёл снег, и колючий ветер нёс его над землёй.

Тиффани катила в серых сумерках полную тачку исходящего паром навоза к компостной куче, когда услышала тихий перезвон. Примерно так звенели музыкальные подвески у дома госпожи Жилетт, только у неё они были настроены, чтобы отпугивать демонов.

Звон доносился оттуда, где летом цвели розы. Розы были старые, ухоженные, и бутоны их были такого густого, насыщенного оттенка багрового,

что казались, как и следовало ожидать, почти чёрными.

А теперь розы снова цвели. Но они…

— *Они тебе нравятся, маленькая пастушка?*

Голос не раздавался у неё в голове, ни один из её умов-разумов был тут ни при чём, а доктор Хлопстел никогда не просыпался раньше десяти часов. Это губы Тиффани произнесли слова её собственным голосом. Но она ничего такого не думала и говорить не собиралась.

Она поняла, что со всех ног бежит обратно к дому. Этого она тоже делать не собиралась, однако ноги решили за неё. Не то чтобы она испугалась. Не совсем. Просто ей вдруг очень захотелось очутиться где угодно, лишь бы не в предрассветном саду, где в воздухе носятся крохотные острые ледяные кристаллы снега и всё тонет в снежной дымке, будто в тумане.

Вбежав в дом через заднюю дверь, Тиффани налетела в темноте на что-то невысокое и мягкое.

— Эмм, прости, — сказало оно.

Ага, значит, это Петулия. Она была как раз из тех людей, кто извиняется, когда им наступают на ногу. Учитывая обстоятельства, Тиффани обрадовалась ей, как никому другому в целом свете.

— Извини, меня позвали помочь с коровой, и,

эмм, возвращаться домой уже не имело смысла, — объяснила Петулия. Потом спросила: — У тебя всё нормально? Что-то по тебе не похоже…

— У меня голос во рту! — выпалила Тиффани.

Петулия с опаской посмотрела на неё и немного попятилась.

— Ты хочешь сказать, в голове? — спросила она.

— Нет! С голосами в голове я как раз могу справиться! Мой рот взял и заговорил сам по себе! И ты только посмотри в сад, на розы! Ты не поверишь!

Розы. Бутоны были изо льда, такого тонкого, что, если подышать на него, цветок таял без следа и оставался только мёртвый стебель. Десятки ледяных роз покачивались на ветру.

— Они тают даже от прикосновения, — сказала Петулия. — Думаешь, это твой Зимовей устроил?

— Никакой он не мой! И я не знаю, откуда ещё они могли взяться!

— И ты считаешь, он, эмм, говорил с тобой?

Петулия сорвала ещё один бутон. Стоило ей шевельнуться, с полей её шляпы соскальзывали десятки крохотных ледяных кристаллов.

— Нет! Это я говорила! В смысле, мой голос! И он звучал совсем не так, как… как он… как

его… В общем, не так, как я себе представляю его голос! Он говорил слегка с издёвкой, — знаешь, как Аннаграмма, когда на неё находит. Но голос был мой!

— А как ты себе представляла голос Зимовея? — спросила Петулия.

Резкий порыв ветра пронёсся по поляне, сосны дрогнули и загудели:

— *Тиффани… будь моей…*

Чуть погодя Петулия робко кашлянула и спросила:

— Эмм… Мне показалось, или это прозвучало как…

— Показалось не только тебе, — прошептала Тиффани.

Она стояла совершенно неподвижно, боясь шелохнуться.

— А-а, — отозвалась Петулия голоском звонким и ломким, как ледяная роза. — Тогда, наверное, нам лучше вернуться в дом, да? Эмм, и растопить везде камины, и заварить чай, да? А потом возьмёмся за работу, потому что уже скоро *здесь будет куча народу, слышишь?*

Через минуту они уже хлопотали в доме: закрыли все двери на засовы и зажгли все свечи — фитильки с шипением вспыхнули, и стало

светло.

Они не говорили ни о розах, ни о ветре. Что толку? Да и работы было полно. Работа всегда выручает. Вместо того чтобы кудахтать, как перепуганная курица, делай своё дело и тем временем думай, а потом можно будет и поговорить. Они даже умудрились оттереть с оконных стёкол ещё немного копоти.

Всё утро жители окрестных деревень стучались в дверь, чтобы отдать то, что накануне заказала госпожа Вероломна. На полянке стало многолюдно, солнце полностью взошло, хотя и осталось бледным, как яйцо, сваренное без скорлупы. Мир сделался… нормальным. Тиффани даже задумалась: а правда ли всё это было? Правда ли в саду цвели ледяные розы? Уже ни одной не осталось: бутоны растаяли даже в холодных лучах рассвета. Правда ли ветер заговорил с ней? Тут Тиффани встретилась взглядом с Петулией. Да, всё правда, но сейчас надо думать о том, как накормить гостей на поминках.

Ветчинные рулетики с тремя сортами горчицы были уже почти готовы, но, хоть их и невозможно испортить, если подать семидесяти-восьмидесяти голодным ведьмам одни только рулетики, можно не просто Испортить, но совершенно Угро-

бить Вечеринку. Поэтому к дому везли караваи хлеба, куски жареного мяса и банки с солёными и маринованными огурцами, такими большими, что они смахивали на утонувших китов. Ведьмы, как правило, обожают соленья и маринады, но самое любимое их блюдо — это то, за которое не нужно платить. Да, если хотите угодить ведьме, поставьте на стол побольше дармового угощения, причём так много, чтобы гостья могла набить им карманы и полакомиться ещё и дома.

Как оказалось, госпоже Вероломне тоже не пришлось платить за угощение. Люди отказывались брать деньги. А ещё они отказывались уходить сразу и болтались у задней двери, пока не улучали минутку перемолвиться с Тиффани парой слов. Когда она, оторвавшись ненадолго от нарезки и раскладки, выходила к ним, разговор всякий раз складывался примерно одинаково:

— Так она что, правда скоро умрёт?

— Да. Завтра утром, примерно в полседьмого.

— Но она же очень старая!

— Да. Наверное, в этом-то всё и дело.

— Но как же мы будем без неё?

— Не знаю. А как вы обходились до её появления?

— Она была всегда! Она всё знала. Кто теперь

будет говорить нам, что делать?

А потом они спрашивали:

— Это ведь не ты займёшь её место, нет? — И бросали на Тиффани взгляды, в которых ясно читалось: «Только не ты. Ты даже чёрное не носишь».

В конце концов Тиффани всё это надоело хуже горькой редьки, и она резко спросила у хозяйки, которая привезла шесть жареных кур:

— А как же то, что про неё рассказывают? Что она может ногтем большого пальца вспороть брюхо нехорошему человеку?

— Ну да, так говорят, но ни с кем из наших знакомых ни разу такого не случалось, — ответила женщина тоном оскорблённой добродетели.

— А демон в подвале?

— Да, я слышала о нём… Правда, сама никогда не видела. — Женщина с подозрением посмотрела на Тиффани. — У неё ведь и правда в подвале демон?

Она расстроилась бы, узнав, что его там нет, подумала Тиффани. Ей в самом деле нужно, чтобы в подвале этого дома жило чудовище!

Однако, насколько Тиффани знала, этим утром там можно было найти лишь орду спящих после попойки Фиглей. Даже если бросить Фиглей

посреди пустыни, не пройдёт и четверти часа, как они отыщут какое-нибудь жуткое пойло и напьются.

— Поверьте, госпожа, не стоит будить то, что скрывается в этом подвале, — натянуто улыбнулась Тиффани.

Хозяйку это, похоже, успокоило, но потом она встревожилась снова:

— А пауки? Это правда, что она ест пауков?

— Я знаю только, что в доме полно паутины, но ни одного паука днём с огнём не сыщешь! — сказала Тиффани.

— О, вот и хорошо. — Женщина выглядела очень довольной, словно её посвятили в страшную тайну. — Кто бы что ни говорил, госпожа Вероломна всегда была настоящей ведьмой! У неё и черепа есть! Она небось заставляет тебя их полировать, да? Ха! Она может просто посмотреть на человека, и у него глаза выпадут!

— Хотя она ни разу так не делала, — вмешался мясник, который привёз огромный поднос с сосисками. — По крайней мере, ни с кем из нашей округи.

— Это верно, — неохотно согласилась хозяйка. — Госпожа Вероломна к нам очень добра.

— Да уж, госпожа Вероломна ведьма что на-

до, словно из древних времён, — продолжал мясник. — Словом может приложить так, что взрослые мужчины штаны намочат. А этот её ткацкий станок! Знаете, зачем он ей? Пока человек говорит, она вплетает в ткань его имя, и если он говорит неправду, нить обрывается и лжец умирает на месте.

— Да, такое нередко случается, — подтвердила Тиффани, а сама подумала: «Потрясающе! Боффо живёт собственной жизнью!»

— Да, сейчас таких ведьм уже и не сыщешь, — вступил в разговор фермер, доставивший четыре дюжины яиц. — Нынешние только и умеют, что фокусы показывать да плясать без ничего.

Тут все вопросительно посмотрели на Тиффани.

— Зима на дворе, — холодно сказала она. — И у меня ещё куча работы. Ведьмы скоро начнут собираться. Спасибо большое, всего вам доброго.

Она пересказала этот разговор Петулии, пока они ставили яйца вариться. Петулия не особенно удивилась.

— Эмм, они гордятся ею, — сказала она. — Я слышала на свиной ярмарке в Ланкре, как они хвастались, какая у них страшная ведьма.

— Хвастались?!

— И ещё как. «Думаете, ваша матушка Ветровоск страшная? Ха! У нашей ведьмы в доме черепа! И демон! И она будет жить вечно, потому что вместо сердца у неё часы и она их постоянно заводит! И она ест пауков, вот! Как вам такие отравленные яблочки, а?»

«Достаточно выпустить в мир боффо, и оно будет работать само по себе, — подумала Тиффани. — Наш барон сильнее, чем ваш барон, наша ведьма ведьмастее, чем ваша ведьма…»

Глава 5. Звёздный час госпожи Вероломны

К четырём стали собираться ведьмы, и Тиффани отправилась регулировать воздушное движение. Аннаграмма прилетела одна. Она

выглядела очень бледной и щеголяла таким количеством оккультных украшений, что и вообразить невозможно. А матушка Ветровоск и госпожа Увёртка прибыли почти одновременно, и возникла заминка: они долго нарезали в воздухе круги и каждая с подчёркнутой вежливостью отказывалась садиться первой. В конце концов Тиффани отправила их на посадку подальше друг от друга и поспешила прочь.

Зимовея не было ни видно, ни слышно, и она не сомневалась, что почувствует, если он объявится поблизости. Тиффани надеялась, что он сейчас где-то далеко, организует вьюгу или руководит штормом. Воспоминание о жутком голосе, раздавшемся из её собственного рта, занозой застряло в голове и не давало покоя. Как моллюск обволакивает попавшую между створками песчинку перламутром, Тиффани пыталась избавиться от этих мыслей, завалив их общением с людьми и тяжёлой работой.

Погода наладилась. День как день, сухой и тусклый, обычный для начала зимы. Кроме угощения, больше ничего устраивать не было нужды. Ведьмы сами отлично устраиваются. Госпожа Вероломна восседала в своём кресле, приветствуя

как старых друзей, так и старых врагов[18]. В доме для всех гостий было слишком тесно, поэтому они разбрелись по саду, обмениваясь слухами и напоминая старых ворон или, скажем, кур. У Тиффани не было времени с кем-нибудь толком поговорить, она была слишком занята, таская из кухни подносы с закусками.

Но она понимала: что-то происходит. Когда она, пошатываясь под тяжестью подноса, проходила мимо, ведьмы умолкали и поворачивались взглянуть на неё, а потом снова возвращались к беседе, и приглушённый разговор становился чуть более оживлённым. Небольшие группки распадались и собирались снова. Тиффани уже видела такое. Это означало, что ведьмы принимают Решение.

Когда Тиффани несла огромный поднос с чаем, к ней незаметно подошла Люси Уорбек и шепнула, словно сообщила страшную тайну:

— Матушка Ветровоск предложила отдать дом тебе, Тифф!

— Нет!

— Честно! Все только об этом и говорят. А Анаграмма того и гляди лопнет со злости.

— Ты уверена?

---

[18] Примечания: 18

О ведьмах многое говорит тот факт, что старый друг и старый враг ведьмы — это зачастую один и тот же человек. (*Прим. автора*)

— Ещё как! Правда! Удачи тебе!

— Но я не хочу… — Тиффани, не договорив, сунула поднос в руки Люси: — Послушай, ты не могла бы разнести за меня чай? Просто ходи среди гостей, они сами хватают чашки. А мне надо… Я должна… Мне нужно кое-что сделать.

Она поспешно спустилась в подвал (Фиглей в нём не обнаружилось, что весьма подозрительно) и прислонилась к холодной стене.

Должно быть, матушка Ветровоск таки ударилась в хихиканье поперёк всех правил! Однако Задний Ум коварно шепнул: «Но ты ведь отлично справишься. Может, матушка и права? Аннаграмма только всех бесит. Она говорит с людьми, будто они дети малые. Ей нравится магия (прошу прощения, магийа, через «й»), но людей она не выносит. Ты же знаешь, она тут страшных дров наломает. Ей просто повезло, что она такая высокая, вся по уши в оккультных украшениях и здорово смотрится в остроконечной шляпе…»

«Почему матушка предложила выбрать меня?» — думала Тиффани. Нет, она не сомневалась, что справится. Но все ведь знали, она не хочет оставаться в горах на всю жизнь, верно? Выбрать должны Аннаграмму, разве нет? Ведьмы обычно принимают решения с большой оглядкой, в том

числе на традиции, а Аннаграмма старше всех на шабаше. Конечно, многие ведьмы недолюбливают госпожу Увёртку, но и у матушки Ветровоск не так чтоб очень много подруг…

Тиффани вернулась наверх, пока её не хватились, и, стараясь не привлекать к себе внимания, ввинтилась в толпу.

Посреди одного кружка она увидела госпожу Увёртку, Аннаграмма стояла рядом и явно нервничала. Заметив Тиффани, она тут же поспешила к ней. Лицо её пылало.

— Ты что-нибудь слышала? — резко спросила Аннаграмма.

— Что? Нет! — ответила Тиффани, начиная собирать в стопку грязные тарелки.

— Задумала увести дом у меня из-под носа, да? — Аннаграмма чуть не плакала.

— Не мели чепухи! Я? Мне вообще не нужен этот дом!

— Ты просто так говоришь. А кое-кто утверждает, что домик надо отдать тебе! Тётушка Вровень и госпожа Жилетт стоят за тебя!

— Что? Но я никак не могу заменить госпожу Вероломну!

Это немного успокоило Аннаграмму.

— Разумеется, и госпожа Увёртка именно так

всем и говорит. Что ты для этого совершенно не подходишь.

Я провела Роителя сквозь Тёмную Дверь, подумала Тиффани, сердито стряхивая крошки с тарелок птицам. Белая Лошадь покинула свой холм и явилась мне на помощь. Я спасла своего брата и Роланда от Королевы эльфов. И я танцевала с Зимовеем, а он превратил в меня миллионы сверкающих снежинок. Нет, я не хочу жить в этом доме посреди болот и лесов. Не хочу прислуживать людям, которые не могут сами о себе позаботиться. Не хочу носить платья цвета полуночи и всех пугать. Я понятия не имею, как назвать то, чем я хочу заниматься. Но раньше, когда я делала всё это, почему-то никто не говорил, что мне мало лет и что я совершенно не подхожу…

А вслух она сказала:

— Понятия не имею, с чего вообще весь этот шум!

В этот момент Тиффани почувствовала на себе чей-то взгляд и поняла, что если обернётся, то встретится глазами с матушкой Ветровоск.

Дальний Умысел, который всегда посматривал по сторонам уголком её глаза и прислушивался краем уха, шепнул: «Что-то происходит. Лучшее,

что ты можешь сделать, — это просто оставаться собой. Не оборачивайся».

— Так тебе что, правда не нужен этот дом? — недоверчиво спросила Аннаграмма.

— Я приехала сюда, чтобы учиться, — сухо ответила Тиффани. — А потом я вернусь в родные края. Но… ты уверена, что он нужен тебе?

— Мне? Конечно! Каждая ведьма хочет иметь собственный домик!

— Но для окрестных жителей много-много лет единственной ведьмой была госпожа Вероломна, — напомнила Тиффани.

— Ничего, как-нибудь привыкнут и ко мне, — беспечно отозвалась Аннаграмма. — Они только обрадуются, увидев, что со всеми этими черепами и паутиной покончено. Я слышала, старая ведьма вконец их запугала.

— А-а, — протянула Тиффани.

— Я буду новой метлой, — продолжала Аннаграмма. — Да и вообще, Тиффани, поверь мне, после этой жуткой старухи люди запросто полюбят кого угодно.

— Э-э… да, — буркнула Тиффани. — Скажи, Аннаграмма, ты с кем-нибудь ещё из ведьм раньше работала?

— Нет. Только с госпожой Увёрткой. Я ведь её

первая ученица, знаешь ли, — с гордостью заявила Аннаграмма. — К ней очень трудно попасть.

— И она никогда не ходит по домам в деревнях, верно? — спросила Тиффани.

— Нет. Не хочет отвлекаться от занятий Высшей Магией. — Аннаграмма не отличалась особой наблюдательностью, зато отличалась редкостной самонадеянностью даже по ведьмовским меркам. Но, должно быть, в этот миг какие-то сомнения у неё возникли, потому что часть её уверенности будто испарилась. — Ну, кто-то ведь должен этим заниматься. Нельзя же, чтобы мы все шатались по хижинам и перевязывали порезанные пальцы, — добавила она. — А что такого?

— Ммм… да нет, ничего, — сказала Тиффани. — Э… послушай, я тут все деревни знаю, если что, обращайся, я помогу.

— О, не сомневаюсь, я всё здесь быстро устрою по своему вкусу, — заявила Аннаграмма, поскольку её безграничная самоуверенность всегда быстро восстанавливалась после удара. — Ладно, я, пожалуй, пойду. Кстати, закуски заканчиваются. — И она упорхнула.

Гигантские миски на столике у самой двери и правда уже заметно оскудели. Тиффани увидела, как одна ведьма украдкой прячет в карман четы-

ре яйца вкрутую.

— Добрый день, мисс Тик.

— А, Тиффани! — сказала ведьма, оборачиваясь к ней без тени смущения. — Госпожа Вероломна как раз рассказывала нам о твоих успехах.

— Рада это слышать, мисс Тик.

— Она говорит, ты подмечаешь даже то, что скрыто.

Например, ярлыки на черепах, подумала Тиффани.

— Мисс Тик, — сказала Тиффани, — вы слышали все эти разговоры о том, что я должна унаследовать дом?

— О, боюсь, всё уже решено, Тиффани, — ответила ведьма-учительница. — Да, некоторые из нас предлагали отдать домик тебе, раз уж ты здесь немного пожила и освоилась, но ты всё-таки слишком молода, а у Аннаграммы гораздо больше опыта. Мне жаль, но…

— Это нечестно, мисс Тик, — сказала Тиффани.

— Ну-ну, Тиффани, разве так пристало говорить ведьме…

— Я не про себя. Я имею в виду, это нечестно по отношению к Аннаграмме. Она ведь всё испортит, верно?

На какую-то крошечную долю мгновения вид

у мисс Тик сделался виноватый. Это и правда был очень короткий промежуток времени, но Тиффани успела заметить.

— Госпожа Увёртка уверена, Аннаграмма замечательно справится, — сказала мисс Тик.

— А вы?

— Не забывай, с кем разговариваешь!

— Я разговариваю с вами, мисс Тик! И то, что вы задумали… неправильно. — Тиффани сердито смотрела на ведьму.

Краем глаза она заметила движение. Полное блюдо сосисок самостоятельно и быстро передвигалось по скатерти.

— А это — воровство! — прорычала Тиффани и бросилась в погоню.

Блюдо, скользя в нескольких футах над землёй, обогнуло дом и скрылось за козьим сараем.

Там в укромном уголке на усыпанной палой листвой земле стояли несколько тарелок. На тарелках лежали щедро сдобренная маслом картошка, дюжина ветчинных рулетиков, горка варёных яиц и две жареные курицы. Всё, кроме сосисок на блюде, которое уже обрело стабильность, было понадкусано.

И никаких признаков Фиглей — верный признак, что они где-то рядом. Они всегда прятались

от Тиффани, почуяв, что она не в духе.

А она и правда была очень зла. Не столько на Фиглей, хотя их дурацкие игры в прятки и раздражали, сколько на мисс Тик, и матушку Ветровоск, и Аннаграмму, и госпожу Вероломну (за то, что она решила умереть), и даже на самого Зимовея (за очень многое, просто у неё пока не было времени подумать и облечь это «многое» в слова).

Тиффани отступила на шаг и замерла.

Вскоре пришло знакомое ощущение, но если обычно она медленно и безмятежно скользила куда-то, то на этот раз словно погружалась во мрак.

Когда Тиффани открыла глаза, мир был отдельно от неё, как если бы она заглядывала в огромный зал через окно. Звуки стали приглушёнными, словно доносились издалека, и кожа между глаз слегка чесалась.

Из-под сухих листьев и веток, даже из-под тарелок показались Фигли. Их голоса раздавались будто под водой.

— Раскудрыть! Она сотварнула с нами какое-то страшное колдунство!

— Раньше она тако не делала!

«Ха! Вы прятались от меня, а теперь я спряталась от вас, — подумала Тиффани. — Для

разнообразия. Хмм, интересно, а что будет, если пошевелиться?» Она шагнула в сторону. Фигли, похоже, ничего не заметили.

— А вдруг она ща как напрыгнет! Ой-ёи…

Ха! Вот бы подобраться так к матушке Ветровоск, то-то бы она удивилась…

Зуд на переносице становился всё сильнее, и ещё у неё появилось ощущение, очень похожее на то, которое возникает, когда срочно надо в туалет, хотя, к счастью, ей пока было туда не надо. Это чувство говорило: скоро что-то произойдёт и неплохо бы к этому подготовиться.

Голоса сделались чётче, перед глазами поплыли лиловые и синие пятна…

А потом это случилось. Если бы оно сопровождалось звуком, то звук был бы: «Чпок!» Примерно такое чпоканье раздаётся в ушах после полёта на особенно большой высоте. Тиффани возникла из пустоты посреди толпы Фиглей, отчего те немедленно ударились в панику.

— Прекратите таскать еду с поминок, вы, чуни позорные! — гаркнула Тиффани.

Фигли замерли и вытаращились на неё. Потом Явор Заядло сказал:

— Шерстявые боты?

Это была одна из тех ситуаций (имея дело с

Фиглями, в них оказываешься постоянно), когда кажется, будто весь мир превратился в одну сплошную путаницу и пока всё не распутаешь, дальше не продвинешься.

— О чём ты? — спросила Тиффани.

— Чуни, — пояснил Явор Заядло. — Лапоти такие теплущие, их зимой в дому носят.

— А, ты имеешь в виду войлочные тапочки?

— Ах-ха, мож, тапсами их лучше звать, они ж для дому, — согласился Явор Заядло. — А то, что ты хотела сказануть, эт' было, как я кумексаю, «чучундры воровастые», тойсь…

— …мы, — услужливо подсказал Туп Вулли.

— О. Да. Ясно, спасибо, — тихо сказала Тиффани. Потом сложила руки на груди и рявкнула: — Так вот, чучундры воровастые, не смейте таскать еду с поминок госпожи Вероломны!

— Ой-ёи-ёи, она руки кресть, ру-у-у-ки кре-е-есть! — завопил Туп Вулли, упал ничком и попытался зарыться в листья.

Другие Фигли тоже принялись стонать и прятаться, а Громазд Йан стал биться головой о стену молочни.

— А ну кык, кончевай панику! — заорал Явор Заядло, отчаянно размахивая руками.

— Губы жамк! — взвыл какой-то Фигль, указы-

вая трясущимся пальцем на лицо Тиффани. — Она жамканьем губей владеет! Кирдыкса нам всем идёт!

Фигли попытались сбежать, но с перепугу кинулись куда попало, налетели друг на друга и попадали.

— Я жду объяснений, — сказала Тиффани.

Фигли замерли, как по команде, и все лица обратились к Явору Заядло.

— Объясненьев? — переспросил он, переступая с ноги на ногу. — Ох. Ах-ха. Объясненьев, знатца. Нае проблемо. Дыкс от, Объясненье… А тебе которое?

— Что значит «которое»? Я хочу услышать правду!

— Нды? Ох… Правду. А тебе точно она надыть? — осторожно спросил Явор. — Я и чего получшей её могу. Я тебе такое Объясненье могу выдасть…

— Хватит! — крикнула Тиффани, притопнув ногой.

— О-о-о-о, ноготопсы пошли! — простонал Туп Вулли. — Ну всё, щаз как пропилит насквозняк…

Тут Тиффани не выдержала… и расхохоталась. Невозможно смотреть на толпу перепуганных Фиглей без смеха. Они редко пугались, так что опыта в этом деле у них, считай, не было. Одно

резкое слово, и они становились словно дрожащие щеночки в корзинке, только воняло от Фиглей куда сильнее.

Явор Заядло неуверенно ухмыльнулся.

— Дыкс ыть все громазды карги тырят почемздря! А одна мала толстукса пятнадцать рулей улямзила! — добавил он с восхищением.

— Это, наверное, нянюшка Ягг, — сказала Тиффани. — У неё в панталоны вделана верёвочная сумка.

— Да что это ваще за трызна! — фыркнул Явор Заядло. — Ни тебе песней, ни тебе пойла, ни тебе ногодрыжества, сплошь шу-шу да шу-шу.

— Ну, слухи и сплетни — это тоже часть ведьмовства, — сказала Тиффани. — Ведьмы должны убедиться, что никто из сестёр пока не спятил. А что за «ногодрыжество»?

— Да плясы всякие, рилы там, джиги. Настоящшие поминки — эт' когды руки махают, пятки мельтешают, ногсы дрыгают и килты реют.

Тиффани никогда не видела, как Фигли танцуют, только слышала. На слух фиглевские танцы сильно напоминали всеобщее побоище, которым, возможно, и заканчивались. Однако упоминание реющих килтов её слегка смутило. Тиффани давно тревожил один вопрос, но прежде она никак

не могла решиться его задать…

— Скажи, — спросила она, — а под килтом у вас что-нибудь надето?

По гробовому молчанию Фиглей стало ясно, что это не тот вопрос, на который они любят отвечать.

Явор Заядло прищурился. Фигли затаили дыхание.

— Не обязательно, — отчеканил он.

Наконец поминки подошли к концу, возможно, потому, что закончилась еда и напитки. Многие ведьмы унесли с собой небольшие свёртки. Это тоже была традиция. Большинство вещей в доме принадлежали самому дому и должны были перейти к его будущей хозяйке, но кое-какие мелочи доставались подругам будущей покойницы. Поскольку сама она на момент делёжки была ещё жива, это позволяло избежать пререканий.

Тут надо кое-что сказать о том, как устроены ведьмы. Матушка Ветровоск говорила, что ведьмы «высоко глядят». Она не объясняла, как это понимать. Матушка вообще редко что-то объясняла. Вряд ли она имела в виду «смотрят на небо» — на небо время от времени смотрят все. Возможно, она хотела сказать, что ведьмы порой отвлекаются от повседневных забот и задаются

вопросами вроде: «Зачем всё это? Как это устроено? Что мне делать? В чём моё предназначение?» и, может быть, даже: «Надевают ли что-нибудь под килт?» Наверное, именно поэтому странности для ведьм — дело обычное…

…но они могут сцепиться, как кошки, из-за серебряной ложечки, которая даже не серебряная вовсе. На сей раз несколько ведьм терпеливо ждали у раковины, пока Тиффани помоет обещанные им госпожой Вероломной блюда из-под поминальной жареной картошки и сосисок в тесте.

Зато не надо было ломать голову, куда девать недоеденное. Нянюшка Ягг, изобретательница Супа Из Недоеденных Бутербродов, ждала Тиффани в кладовке, широко распахнув свою сетчатую сумку и улыбаясь ещё шире.

— То, что осталось от ветчины и картошки, мы съедим на ужин, — сказала Тиффани непреклонно. При этом на нянюшку она смотрела с живым любопытством.

Она уже встречалась с нянюшкой Ягг раньше, и старая пухленькая ведьма ей нравилась. Но госпожа Вероломна называла её «мерзкой старой кошёлкой», и Тиффани была заинтригована.

— Разумно, — усмехнулась нянюшка, когда Тиффани отодвинула от неё мясо. — Ты отлично

тут всё устроила, Тифф. Это все заметили.

И она ушла, прежде чем Тиффани успела опомниться. С ума сойти! Одна из ведьм почти что сказала ей спасибо!

Петулия помогла занести обратно в дом большой стол и закончить с уборкой. Прежде чем уйти, она неуверенно спросила:

— Эмм… ты не боишься здесь оставаться? Както оно всё… странно.

— Мы же ведьмы, для нас в странностях не должно быть ничего странного, — официальным тоном ответила Тиффани. — Да и вообще, тебе ведь доводилось сидеть с умирающими и мёртвыми, верно?

— Эмм, да. Хотя по большей части это были свиньи. Но и несколько человек тоже. Эмм… Если хочешь, я останусь на ночь, — добавила она тоном «отпустите меня отсюда как можно скорее».

— Спасибо, не стоит. Ну что такого страшного может случиться?

Петулия вытаращила глаза, помолчала, потом сказала:

— Дай-ка подумать… Например, тысяча демонов-кровососов с огром…

— Всё будет хорошо, — поспешно перебила Тиффани. — Не переживай. Спокойной ночи!

Она закрыла за подругой дверь, привалилась к ней спиной и зажала себе рот, дожидаясь, пока стукнет калитка. Потом досчитала до десяти, чтобы Петулия точно отошла достаточно далеко. И только тогда решилась опустить руку. К этому времени крик, который так долго ждал, чтобы вырваться наружу, съёжился до жалкого: «Ойй!»

Ночь обещала быть очень необычной.

Люди умирают. Печально, но никуда не денешься. Но что делать с ними потом? Все считают, ведьма, живущая поблизости, знает ответ. И ведьма обмывает тело и делает кое-какие тайные хлюпающие процедуры, и одевает покойника в лучшее, что у него найдётся, и ставит возле его ложа чашки с землёй и солью (никто, даже госпожа Вероломна, не знал, зачем это нужно, но все так делали), и кладёт по пенни ему на веки «для перевозчика», и сидит с ним всю ночь перед похоронами, потому что умерших нельзя оставлять одних.

Никто опять-таки не мог сказать, почему их нельзя оставлять, хотя все знали историю о старике, который оказался не так уж и мёртв, посреди ночи встал со своего смертного ложа и отправился в постель к жене.

Но подлинная причина куда серьёзнее. В лю-

бом деле самая большая опасность подстерегает в начале и в конце, и в жизни — особенно.

И госпожа Вероломна была старой злой ведьмой. Кто знает, что может случиться? Стоп, сказала себе Тиффани. Не поддавайся магии боффо. Она просто хитроумная старушка с каталогом «Товары почтой»!

Ткацкий станок в соседней комнате смолк. Такое часто бывало, но на сей раз его молчание звучало оглушительно.

Госпожа Вероломна крикнула:

— Что у нас осталось на доедалки?

Да, ночь определённо будет очень необычной, подумала Тиффани.

Госпожа Вероломна отправилась в постель рано. Впервые на памяти Тиффани она не заснула в кресле. А ещё старая ведьма надела белую ночную рубашку, и Тиффани впервые увидела её не в чёрном.

У Тиффани ещё оставалось много работы. По традиции дом должен сиять, когда в него войдёт новая хозяйка, и хотя добиться сияния от чёрных поверхностей нелегко, Тиффани сделала, что смогла. На самом деле в доме и так было очень чисто, но она тёрла, скоблила и драила, потому что это позволяло оттянуть момент, когда при-

дётся подняться к госпоже Вероломне. Она даже ободрала всю поддельную паутину и бросила её в камин, где паутина сгорела жутким синим пламенем. А вот что делать с черепами, она пока не придумала. И, наконец, Тиффани записала всё, что смогла вспомнить, о жителях округи: кто и когда ждёт ребенка, кто тяжело болен и чем, кто с кем враждует, а у кого трудный характер — все мельчайшие подробности деревенской жизни, какие только могли пригодиться Аннаграмме. Всё, что угодно, лишь бы оттянуть момент…

Но он всё-таки наступил, и Тиффани пришлось подняться по узкой лестнице и окликнуть:

— Госпожа Вероломна, вам ничего не нужно?

Старушка сидела в постели и писала. Вороны устроились на столбиках кровати.

— Решила вот черкануть несколько благодарственных писем, — пояснила она. — Некоторые сегодняшние гостьи прилетели издалека и наверняка замёрзли на обратной дороге.

— «Спасибо, что пришли на мои поминки»? — слабым голосом спросила Тиффани.

— Именно. Такое нечасто пишут, уж поверь мне. Ты знаешь, что после меня в этом доме поселится юная Аннаграмма Ястребей? Уверена, она бы хотела, чтобы ты осталась. По крайней мере,

на первое время.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — сказала Тиффани.

— И правда, — улыбнулась госпожа Вероломна. — Подозреваю, юная Ветровоск что-то задумала. Любопытно было бы посмотреть, как ведьма, обученная госпожой Увёрткой с её пониманием нашего ремесла, поладит с моими неразумными подопечными… Хотя, пожалуй, смотреть лучше будет из-за большого камня. Или, как я, из-под него.

Она отложила письма в сторону, и оба ворона повернули головы к Тиффани.

— Ты прожила со мной только три месяца.

— Да, госпожа Вероломна.

— Мы так ни разу и не поговорили толком о своём, о женском. И я должна была научить тебя большему.

— Я многому научилась, госпожа Вероломна.

И это была правда.

— У тебя есть друг, Тиффани. Он шлёт тебе письма и посылки. А ты каждую неделю наведываешься в Ланкр, чтобы послать ему письмо. Боюсь, ты улетела далеко от своей любви.

Тиффани ничего не ответила. Они уже это проходили. Похоже, госпожа Вероломна была

совершенно очарована Роландом.

— Я вот вечно была слишком занята, чтобы обращать внимание на юношей, — вздохнула старая ведьма. — Всё откладывала их на потом да на потом, а потом «потом» превратилось в «слишком поздно». Не забывай своего кавалера.

— Эмм… Я же говорила, он не мой… — начала Тиффани, чувствуя, что краснеет.

— Но и не становись такой потаскушкой, как нянюшка Ягг, — добавила госпожа Вероломна.

— Я не очень-то люблю таскать вещи, — неуверенно сказала Тиффани.

Госпожа Вероломна засмеялась:

— Думаю, у тебя есть словарь. Мало кто из девушек заглядывает в словари, а зря, в них много пользы.

— Да, госпожа Вероломна.

— На моей книжной полке ты найдёшь словарь побольше и пополнее, называется «Неурезанный словарь». Он не боится оскорбить чью-то благопристойность. Очень полезная книга для девушки. Можешь взять себе его и ещё одну книгу на твой выбор. Остальные останутся в доме. Кроме того, можешь взять мою метлу. Всё прочее принадлежит дому.

— Большое спасибо, госпожа Вероломна. Я бы

хотела взять ту книгу про мифы, если можно.

— А, Вьюркоу! Прекрасный выбор. Эта книга в своё время мне очень пригодилась, а тебе, подозреваю, будет особенно полезна. Ткацкий станок останется здесь, разумеется. Аннаграмма Ястребей найдёт ему применение.

Тиффани в этом сомневалась. Аннаграмма была не очень-то хорошей хозяйкой. Но, пожалуй, сейчас не самый подходящий момент, чтобы говорить об этом.

Госпожа Вероломна откинулась на подушках.

— Люди думают, вы вплетаете в ткань их имена, — сказала Тиффани.

— Да? А, это правда. В этом нет никакой магии, очень старый приём, каждая ткачиха им владеет. Только вытканное нельзя прочитать, если не знаешь, как оно было соткано. — Старая ведьма вздохнула. — Бедные, бедные мои неразумные люди. Для них всё непонятное — волшебство. Они думают, я могу видеть, что творится у них в сердце, но это ни одной ведьме не под силу. По крайней мере, без вскрытия. А их небогатые мысли можно прочитать безо всякой магии. Я ведь знаю всех окрестных жителей с самого младенчества. Я знавала их бабушек и дедушек, когда те ещё под стол пешком ходили! Они думают,

они выросли! А на самом деле всё те же детишки, цапающиеся в песочнице из-за куличиков. Я вижу насквозь их ложь, их оправдания, их страхи. Они так и не стали взрослыми, по-настоящему взрослыми. Живут, не поднимая глаз, вообще их толком не открывая. И всю жизнь остаются детьми.

— Уверена, им будет вас не хватать, — сказала Тиффани.

— Ха! Я старая злая ведьма, дитя. Они боялись меня и делали, как я скажу. Они боялись игрушечных черепов и глупых выдумок. И это мой выбор. Я ведь знала: если говорить людям правду, то любви от них не дождёшься. Поэтому я посеяла в их сердцах страх. Нет, они вздохнут с облегчением, узнав, что злая ведьма умерла. А теперь я хочу поведать тебе кое-что очень важное. Секрет моей долгой жизни.

Ага, подумала Тиффани и подалась вперёд, чтобы не упустить ни слова.

— Секрет в том, — сказала госпожа Вероломна, — чтобы не пускать ветры. Избегай грубых овощей и фруктов. А самое вредное в этом смысле — фасоль, можешь не сомневаться.

— Простите, я не совсем поняла… — начала Тиффани.

— Просто не перди.

— А сложно можно? — нервно хихикнула Тиффани, не в силах поверить, что этот разговор происходит на самом деле.

— Это не повод для шуточек, — сказала госпожа Вероломна. — Воздуха в человеческом теле ровно столько, сколько тебе отмерено. Главное — растянуть этот запас. Тарелка фасоли отнимает год жизни. Я всю свою жизнь старалась не есть ничего такого, от чего пучит. Я старая женщина, а значит, мои советы — мудрые. Ты поняла меня, деточка? — строго спросила она растерянную Тиффани.

Тиффани лихорадочно размышляла. Всё это — испытание!

— Нет! — сказала она. — Я не деточка, а ваш совет — никакой не мудрый, это просто чепуха!

Лицо старой ведьмы расплылось в улыбке.

— Верно, — сказала она. — Совершеннейшая чушь, от первого до последнего слова. Но, согласись, придумано-то отлично. Ты ведь поверила, пусть и всего на мгновение, да? Вот и жители деревни в прошлом году развесили уши. Ты бы видела, как они ходили целых несколько недель! Какие у них были натужные лица! Я тогда чуть со смеху не умерла. А как дела с Зимовеем? Пока

всё тихо, да?

Вопрос вонзился в разговор, как острый нож в кусок торта, и Тиффани ахнула от неожиданности.

— Я утром рано проснулась, и мне стало интересно, где ты, — сказала госпожа Вероломна.

Было так легко забыть, что она постоянно, даже не задумываясь, пользуется чужими глазами и ушами.

— Вы видели розы? — спросила Тиффани.

Утром в саду она вроде бы не чувствовала знакомой щекотки в глазах, однако тогда она была настолько сама не своя от беспокойства, что могла и не заметить.

— Да. Красивые. — Госпожа Вероломна вздохнула. — Хотела бы я помочь тебе, Тиффани, но, боюсь, в ближайшее время буду занята другим. Да я и не особенно опытна в любовных делах.

— В любовных делах? — ахнула Тиффани. Такого она никак не ожидала.

— Придётся юной Ветровоск и мисс Тик подсказывать тебе путь, — продолжала старая ведьма. — Хотя, боюсь, ни та, ни другая тоже не могут похвастаться длинным списком романтических приключений.

— Романтических приключений? — переспро-

сила Тиффани.

Чем дальше, тем хуже.

— В покер играешь? — спросила госпожа Вероломна.

— Простите?

— В покер. Такая карточная игра. Или в дуркер, или в «пятнашки»? Тебе же, наверное, уже доводилось коротать ночь с мёртвыми и умирающими?

— Да, но я никогда не играла с ними в карты! Я и играть-то не умею!

— Я тебя научу. В нижнем ящике комода лежит колода карт. Сходи-ка принеси её.

— А это разве не азартные игры? — спросила Тиффани. — Мой отец говорит, что азартные игры — зло.

Госпожа Вероломна кивнула:

— Правильно говорит, дорогуша. Но не волнуйся: я играю в покер так, что азарту места не остаётся…

Тиффани проснулась и вздрогнула, карты посыпались с её коленей на пол. Комнату заливал серый и холодный утренний свет.

Она внимательно посмотрела на безмятежно похрапывающую госпожу Вероломну.

Сколько времени? Должно быть, уже шесть, а

то и больше! Так, что ещё нужно срочно сделать?

Ничего. Больше делать было нечего.

Тиффани подобрала с пола туза жезлов и рассеянно уставилась на карту. Значит, вот как играют в покер… У неё стало неплохо получаться, когда она поняла, что главное тут — чтобы на твоём лице была написана неправда. Карты по большей части просто помогали занять чем-то руки.

Госпожа Вероломна всё ещё спала. Тиффани подумала, не приготовить ли завтрак, но это казалось таким…

— Цари Джелибейби, те, которые жили давным-давно и которых хоронили в пирамидах, — произнесла вдруг ведьма, — думали, что могут взять с собой на тот свет имущество. Золото, драгоценные камни, даже рабов. Так что приготовь-ка ты мне сандвич с ветчиной.

— Э-э… вы имеете в виду… — пролепетала Тиффани.

— После смерти меня ждёт долгий путь, — сказала госпожа Вероломна и села в постели. — Вдруг ещё проголодаюсь.

— Но ведь в путь отправится только душа!

— Что ж, может, и у сандвича с ветчиной есть душа, кто знает… — Госпожа Вероломна спустила худые ноги на пол. — Насчёт горчицы я, правда,

не уверена, но попробовать стоит. Ну-ка замри!

Последняя команда означала, что старуха схватила щётку для волос и собралась использовать ученицу в качестве зеркала. Пришлось Тиффани замереть и старательно уставиться на лицо в нескольких дюймах от своего носа. Учитывая, что утро и так выдалось непростое, это едва её не доконало.

— Спасибо, теперь можешь идти и заняться сандвичем, — разрешила госпожа Вероломна, отложив щётку. — А я пока оденусь.

Тиффани поспешно вышла и отправилась к себе в комнату, чтобы умыться. Она всегда умывалась после того, как госпожа Вероломна пользовалась её глазами, но у неё ни разу не хватило духу отказаться, а сегодня и подавно не стоило начинать.

Вытирая лицо, она услышала какой-то глухой звук снаружи и подошла к окну. На стекле красовались морозные…

О нет! Нет-нет-нет-нет! Опять он за своё!

Морозные узоры на стекле складывались в слово «Тиффани». По всему окну.

Тиффани схватила тряпку и попыталась стереть узор, но имя проявилось снова, ещё более отчётливо.

Она побежала вниз. Узоры были на всех окнах, а когда Тиффани стала стирать их, тряпка примёрзла к стеклу, и оторвать её удалось только с треском.

Её имя написано на окне. На всех окнах в доме. А может быть, на всех окнах в горах. Повсюду.

Он вернулся. Ей стало страшно.

Но и приятно тоже. Хотя, конечно, к его знакам внимания она относилась довольно… холодно.

Она не произнесла мысленно это слово, потому что оно означало не только равнодушие, но и мороз. Но всё равно подумала о том, как она его подумала. Мысль была маленькая и обжигающая.

— В моё время молодые люди вырезали инициалы девушек на деревьях, — сказала госпожа Вероломна, осторожно, шажок за шажком, спускаясь по лестнице.

Тиффани только теперь поняла, что уже какое-то время ощущает знакомую щекотку в глазах.

— Это не смешно, госпожа Вероломна! Что мне делать?

— Не знаю. По возможности, будь собой.

С трудом наклонившись, ведьма опустила пониже раскрытую ладонь. Зрительная мышка спрыгнула на пол и уставилась чёрными глазка-

ми-бусинками на старуху. Госпожа Вероломна ласково подтолкнула её пальцем:

— Иди, иди… Спасибо тебе.

Мышка бросилась прочь и юркнула в норку.

Тиффани помогла госпоже Вероломне выпрямиться, и та сказала:

— Что, уже принялась распускать нюни, да?

— Ну, это было немножко… — начала Тиффани.

Маленькая мышка выглядела такой покинутой и одинокой.

— Не плачь, — сказала ведьма. — Долгая жизнь не так хороша, как многие думают. Юности тебе достаётся столько же, сколько всем, зато ты куда дольше маешься старой глухой развалиной. А теперь высморкайся и помоги мне пристроить насест для воронов.

— Возможно, Зимовей всё ещё там, снаружи… — пробормотала Тиффани, опуская насест на хрупкие плечи старушки.

Она снова протёрла стекло от узоров и разглядела, что за окном движутся какие-то тени.

— Ой… Они собрались…

— Что? — спросила госпожа Вероломна и вдруг замерла. — Столько людей пришло!

— А… да, — сказала Тиффани.

— Ты что-нибудь об этом знаешь, девочка?

— Ну, понимаете, они все спрашивали, когда…

— Принеси мои черепа! Меня не должны увидеть без черепов! Как у меня волосы лежат? — Ведьма принялась лихорадочно заводить свои часы.

— У вас прекрасная причёска…

— Прекрасная? Да ты с ума сошла! Немедленно растрепли мне волосы! — велела старуха. — И принеси мой самый драный плащ! Этот слишком опрятный! Да побыстрее, деточка!

Через несколько минут госпожа Вероломна была готова, причём больше всего времени потребовалось, чтобы убедить её не выносить черепа на улицу среди бела дня — вдруг упадут и кто-нибудь увидит ярлыки. Наконец Тиффани открыла дверь.

Негромкие разговоры в толпе как отрезало.

Люди стояли перед дверью плотным полукольцом. Когда госпожа Вероломна перешагнула порог, толпа разделилась надвое, освобождая ей проход.

Тиффани с ужасом увидела разверстую могилу на дальнем краю поляны. Этого она никак не ожидала. Она сама не знала, чего ожидала, но только не разверстой могилы.

— Кто выкопал…

— Наши маленькие синие друзья, — сказала госпожа Вероломна. — Я их попросила.

И тут толпа разразилась приветственными криками. Женщины бросились вперёд с охапками тиса, падуба и омелы — единственной зелени, которую можно найти зимой. Люди смеялись. Люди плакали. Они сгрудились вокруг старой ведьмы, оттеснив Тиффани. Она шла с краю, молча, и слушала.

— Как же мы будем без вас, госпожа Вероломна…

— Новой ведьме наверняка будет до вас далеко…

— Мы и подумать не могли, что однажды вы нас покинете, госпожа Вероломна, вы помогли моему дедушке появиться на свет…

Торжественно сойти в могилу, думала Тиффани. Стильно, ничего не скажешь. Это… боффо высшей пробы. Люди будут помнить до конца дней своих.

— В таком случае следует оставить себе всех щенков, кроме одного. — Госпожа Вероломна остановилась, чтобы прекратить толчею. — А одного щенка обычай велит отдать хозяину кобеля. Вы же сами виноваты, что выпустили суку на

улицу и не позаботились о заборе. А ты что хотел спросить, господин Миггорн?

Тиффани напряглась. Они осмелились донимать её своими тяжбами! В такой день. Но… она не против. В их тяжбах была вся её жизнь.

— Госпожа Вероломна! — строгим голосом сказала Тиффани, протолкавшись к ней. — Не забывайте, у вас назначена встреча!

Может, это были и не самые подходящие слова, но всё лучше, чем: «Вы же знаете, вам осталось жить не больше пяти минут!»

Госпожа Вероломна обернулась, и на мгновение показалось, что она колеблется.

— Ах да, — сказала она. — И правда. Мы лучше пойдём.

И, на ходу обсуждая с господином Миггорном какой-то запутанный вопрос об упавшем дереве и чьём-то сарае, она позволила Тиффани медленно подвести её к могиле. Толпа шла за ними.

— Что ж, по крайней мере, у вашей жизни будет счастливый конец, — шепнула Тиффани.

Это, конечно, прозвучало глупо, и старая ведьма совершенно справедливо возразила ей:

— Деточка, это наше дело заботиться о том, чтобы всё заканчивалось счастливо, день за днём. Но, видишь ли, для ведьмы ничего не кончает-

ся хорошо. Оно просто кончается. Ну, вот мы и пришли…

Главное, не думай, велела себе Тиффани. Не думай о том, что ты спускаешься по самой настоящей приставной лестнице в самую настоящую могилу. Не думай о том, что помогаешь госпоже Вероломне слезть и устроиться на куче сухих листьев, которая с одного конца могилы выше и мягче. Не позволяй себе осознать, что ты тоже стоишь в могиле.

Здесь, между земляных стен, тиканье жутких часов казалось ещё громче: *тонк-тунк, тонк-тунк…*

— Да, думаю, мне тут будет очень удобно, — безмятежно проговорила госпожа Вероломна, немного потоптавшись на листьях. — Деточка, я ведь сказала тебе про книги, да? А ещё один свой подарок найдёшь у меня под креслом. Да, думаю, это то, что нужно. Ой, чуть не забыла…

Тонк-тунк, тонк-тунк — много громче обычного выстукивали часы в могиле.

Госпожа Вероломна привстала на цыпочки и крикнула наверх:

— Господин Легчей! Ты задолжал две месячные ренты вдове Лэнгли! Ты понял меня? Господин Полноу, свинья принадлежит госпоже Поленте,

и если ты не отдашь её, я восстану из могилы и приду выть под твоими окнами! Госпожа Многократ, семья Доггели имеет право прохода через Загогульное пастбище, сколько я себя помню, и ты должна… ты должна…

Тон… к.

На миг, на один долгий миг внезапное молчание часов накрыло поляну, будто раскат грома.

Госпожа Вероломна медленно осела на груду листьев. Лишь спустя несколько жутких мгновений к Тиффани вернулась способность мыслить, и она крикнула столпившимся наверху людям:

— Отойдите назад, все! Дайте ей воздуху!

Люди попятились, а Тиффани опустилась на колени.

В воздухе густо пахло влажной землёй. Хорошо ещё, госпожа Вероломна умерла с закрытыми глазами. Так бывает не всегда. Тиффани терпеть не могла, когда приходилось закрывать глаза мертвецам, ей казалось, будто этим она убивает их снова.

— Госпожа Вероломна? — прошептала она.

Это была первая проверка. Существует много способов понять, правда ли человек умер, и нужно испробовать их все: окликнуть, приподнять и отпустить руку, пощупать пульс, в том числе и на

шее, приложить к губам зеркальце — не затуманится ли… Тиффани всегда боялась ошибиться, а в самый первый раз — её тогда вызвали к человеку, который после жуткого несчастного случая на лесопилке выглядел мертвее мёртвого, — она проделала всё без исключения, хотя ей пришлось для этого долго искать его голову.

В доме госпожи Вероломны зеркал не водилось.

Значит, придётся…

…думать головой! Это же госпожа Вероломна! И она завела свои часы всего несколько минут назад!

Тиффани улыбнулась.

— Госпожа Вероломна! — тихонько сказала она над самым ухом старой ведьмы. — Я знаю, что вы здесь.

И вот тогда-то скорбное, ужасное, невыносимое до мурашек по спине утро вдруг превратилось… в одно сплошное боффо.

Госпожа Вероломна улыбнулась.

— Они ушли? — осведомилась она.

— Госпожа Вероломна! — с упрёком сказала Тиффани. — Ну нельзя же так!

— Я остановила часы ногтем большого пальца! — с гордостью призналась старая ведьма. —

Нельзя же было разочаровать людей, верно? Захватывающее представление, вот что им требовалось…

— Госпожа Вероломна, — строго спросила Тиффани, — это ведь вы придумали историю про свои часы?

— Конечно, я! Шикарно получилось, прямо шедевр устного народного творчества. Ведьма Вероломна и её железное сердце! Если повезёт, может, эта сказка даже станет мифом. Ведьму Вероломну будут помнить тысячи лет!

Она закрыла глаза.

— Я-то уж точно буду помнить вас, госпожа Вероломна, — сказала Тиффани. — Честное слово, ведь…

Мир сделался тусклым и серым и продолжал тускнеть. И госпожа Вероломна вдруг совсем затихла.

— Госпожа Вероломна! — окликнула Тиффани, легонько толкнув ведьму в бок. — Госпожа Вероломна!

— ГОСПОЖА ЭВМЕНИДА ВЕРОЛОМНА, НЕ ЗАМУЖЕМ, СТО ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ОТ РОДУ?

Голос раздался в голове Тиффани, и попал он туда, похоже, минуя уши. Она уже слышала его прежде, а это, надо сказать, доводилось немногим.

Обычно люди слышат Смерть только однажды.

Госпожа Вероломна встала, не скрипнув ни единым суставом. Она выглядела вполне материальной и улыбалась. То, что осталось лежать на подстилке из сухих листьев, в этом мире казалось лишь тенью.

Но рядом с ней стояла высокая фигура в чёрном. Смерть собственной персоной. Тиффани уже встречалась с ним, на его собственной территории по ту сторону Тёмной Двери, но даже если бы она видела его впервые, то не стала бы гадать, кто перед ней. Коса, длинный чёрный плащ с капюшоном и связка песочных часов у пояса достаточно прозрачно на это намекали.

— Деточка, где твои манеры? — упрекнула госпожа Вероломна.

— Доброе утро, — поздоровалась Тиффани.

— ДОБРОЕ УТРО, ТИФФАНИ БОЛЕН ТРИНАДЦАТИ ЛЕТ, — отозвался Смерть своим не-голосом. — ВИЖУ, ТЫ В ДОБРОМ ЗДРАВИИ.

— Небольшой реверанс тоже был бы к месту, — заметила госпожа Вероломна.

Реверанс перед Смертью? Матушка Болен такого бы не одобрила, подумала Тиффани. «Никогда не склоняйся перед тираном», — говорила бабушка.

— ЧТО Ж, ЭВМЕНИДА ВЕРОЛОМНА, НАКОНЕЦ-ТО НАСТАЛО ВРЕМЯ НАМ ПРОГУЛЯТЬСЯ. — Смерть мягко взял старушку под руку.

— Эй, погодите-ка! — крикнула Тиффани. — Но ведь госпоже Вероломне сто тринадцать лет, не сто одиннадцать!

— Э-э… я немного прибавила себе лет, из карьерных соображений, — призналась госпожа Вероломна. — Сто одиннадцать звучит так… ребячески. — И, словно в попытке скрыть своё потустороннее смущение, она сунула руку в карман и достала дух сандвича. — Ага, получилось! Я знала! Ой, а где же горчица?

— БОЮСЬ, С ГОРЧИЦЕЙ ВСЕГДА БЫВАЮТ ТРУДНОСТИ, — сказал Смерть.

Фигуры начали таять в воздухе.

— Так я осталась без горчицы? А как насчёт маринованного лука?

— МАРИНАДЫ И СОЛЕНЬЯ НЕ ПРОХОДЯТ. ПРОСТИ.

Позади них проступили очертания двери.

— В посмертии что, ничего остренького нет? Жуть какая! А чатни? — возмутилась, исчезая, госпожа Вероломна.

— ДЖЕМ. ДЖЕМ МОЖНО.

— Джем? Джем?! С ветчиной?

И они исчезли. Свет стал обычным. Вернулись звуки. Время снова пошло.

Теперь опять главное было — не задумываться слишком глубоко о том, что произошло, стараться мыслить легко и спокойно, и только о том, что нужно сделать.

Под взглядами собравшихся на поляне людей Тиффани выбралась из могилы, сходила в дом и вернулась с грудой одеял, тщательно завернув в них два боффо-черепа и машинку для изготовления паутины. Когда тайна госпожи Вероломны была надёжно спрятана, Тиффани взяла лопату. Двое мужчин бросились помочь ей, и они начали засыпать могилу, но тут из-под земли раздалось:

Тонк-тунк. Тонк.

Помощники Тиффани окаменели от ужаса. Она тоже, однако Дальний Умысел шепнул: «Не бойся. Она ведь остановила часы! Должно быть, на них упал камень или ещё что, и они пошли снова».

Тиффани расслабилась и с улыбкой сказала:

— Должно быть, это её последнее «прости».

Могила была засыпана удивительно быстро.

Теперь я тоже часть боффо, подумала Тиффани, когда люди поспешили по домам. Но госпожа Вероломна очень старалась ради них. Она заслужила стать мифом, если уж ей этого так хотелось.

Стать легендой, в которую будут верить. А тёмными ночами, готова поспорить, поспорить на что угодно, они будут слышать её…

Но сейчас только ветер шумел в лесу.

Тиффани стояла и смотрела на свежую могилу.

Кто-то должен сказать хоть несколько слов. И? Я же ведьма, в конце концов…

Жители холмов, как и люди в горах, были не особенно религиозны. Примерно раз в год приходили омнианские священники и созывали людей на свои службы. Порой объявлялись Поклонники Девятого Дня или служители Престола Малой Веры, или мог приехать на ослике жрец из храма Мелких Богов. Если священнослужитель умел красиво говорить или орать, надсаживаясь, так что аж лицом багровел, люди приходили послушать, а если им нравилась мелодия, то и гимнам могли подпеть. А потом расходились по домам.

«Мы — люди маленькие, — сказал как-то раз отец Тиффани. — Лучше не привлекать внимания богов от греха подальше».

Тиффани вспомнила слова, которые он произнёс над могилой матушки Болен. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь. Там, на тёплом лугу, под синим небом, где перекрикивались канюки, тех слов было довольно. Как будто ничего больше

и не стоило говорить.

И Тиффани повторила их над могилой госпожи Вероломны:

— Нет в мире земли более священной, чем эта. Нет в году дня более святого, чем нынешний.

На свежий холмик земли вскарабкался Билли Мордаст. Посмотрел на Тиффани торжественно, перехватил визжаль поудобнее и заиграл.

Звуки визжали, мышиной волынки, слишком высоки для человеческого уха, но мелодия отдавалась у Тиффани в голове. Гоннаглы умеют многое вложить в музыку, и сейчас в ней звучали закаты, осенние месяцы, туманы на холмах и запах роз, таких красных, что казались почти чёрными…

Закончив, гоннагл постоял мгновение в тишине, потом снова посмотрел на Тиффани и исчез.

Тиффани присела на пенёк поблизости и немного всплакнула, потому что ей нужно было поплакать. А после пошла и подоила коз, потому что и это тоже нужно было сделать.

Глава 6. Ноги и побеги

Полы в доме были вымыты до блеска, постели проветрены, и корзина для дров полна. На кухонном столе ждала посуда: ложки, кастрюли,

сковородки, блюда — всё было сосчитано и разложено по линеечке в тусклом свете зимнего дня. А вот пару головок сыра Тиффани завернула, чтобы взять с собой. В конце концов, ведь она сама сделала этот сыр.

Ткацкий станок замер в тишине, словно скелет огромного зверя. Но под креслом, как и сказала госпожа Вероломна, лежал свёрток. Развернув чёрную бумагу, Тиффани увидела толстый шерстяной плащ тёмно-тёмно-коричневого цвета, почти чёрный. И, похоже, очень тёплый.

Ну, вот. Пора уходить. Если лечь на пол и приложить ухо к мышиной норке, можно расслышать разноголосый храп, перекатывающийся в подвале. Фигли твёрдо верят, что после правильных похорон никто не должен стоять на ногах. Будить их, пожалуй, не стоит. Они отыщут Тиффани сами. Они всегда её находят.

Так, вроде бы всё… Ой, нет, ещё нет! Тиффани поднялась наверх и сняла с полки «Неурезанный словарь» и «Мифологию» Вьюркоу с «Танцем Времён Гада». Когда она спустилась вниз и стала складывать книги в свою котомку, под свёрток с сырами, на пол выпали какие-то бумаги, спрятанные между страниц. Часть из них оказалась старыми письмами, которые Тиффани вложила

обратно в книгу до лучших времён. И ещё там был каталог «Боффо». На обложке, рядом с ухмыляющейся клоунской физиономией, значилось:

Да уж, можно потратить годы на то, чтобы стать настоящей ведьмой, — или заплатить кучу денег господину Боффо и стать ею, как только

почтальон доставит заказ.

Из любопытства Тиффани открыла книжицу. Чего там только не было! И черепа («За дополнительную плату 8 долларов будут светиться в темноте!»), и накладные уши, и целые страницы фальшивых носов («При покупке носов на 5 долларов и более — Жуткая Свисающая Сопля в подарок!»), и маски, как сказал бы Боффо, в ассортименте!!!!! Например, маска № 19 называлась «Злая Ведьма Делюкс, с Жирными Космами, Гнилыми Зубами и Волосатыми Бородавками (поставляются отдельно, наклейте их сами, куда хотите!)». Очевидно, госпожа Вероломна воздержалась от этой покупки из-за того, что нос маски здорово смахивал на морковку, а может быть, из-за ярко-зелёной кожи. А если бы захотела, она могла бы также приобрести Ужасные Ведьмины Руки (8 долларов за пару, зелёные, с чёрными ногтями) или Вонючие Ведьмины Ноги (9 долларов).

Тиффани вложила каталог обратно в книгу. Нельзя оставлять его здесь — если Аннаграмма увидит, тайна боффо госпожи Вероломны станет известна всему миру.

Ну, вот и всё. Жизнь, одна штука, закончившаяся и аккуратно прибранная. Дом, одна штука, чистый и пустой. Девочка, одна штука, которая

гадает, что с ней будет дальше. Осталось только дождаться, когда её Устроят.

Тонк-тунк.

Тиффани не шелохнулась, не повернула головы. Я не дам боффо обмануть меня, сказала она себе. Всему есть объяснение, и госпожа Вероломна тут ни при чём. Дайте подумать… Я ведь вычистила камин, так? И поставила кочергу, прислонив её к стенке. Но если только не прислонить её строго определённым образом, она обязательно упадёт — в тот самый миг, когда ты меньше всего этого ожидаешь. Вот в чём дело. Сейчас я обернусь и увижу, что кочерга лежит на каминной решётке, и значит, лязг не имел никакого отношения к призрачным часам.

Она медленно обернулась. Кочерга лежала на каминной решётке.

А теперь, подумала Тиффани, пожалуй, неплохо было бы выйти на свежий воздух. Здесь как-то мрачно и тесно. Вот поэтому я хочу выйти наружу. А вовсе не потому, что испугалась каких-то там странных звуков. Я не суеверна. Я ведьма. Ведьмы не суеверны. Это про нас люди придумывают всякие суеверия. Но я больше не хочу здесь оставаться. В этом доме я чувствовала себя в безопасности, пока хозяйка была жива. Я словно

пряталась под кроной огромного дерева — но теперь, наверное, здесь уже не безопасно. А если Зимовей заставит деревья выпевать моё имя — что ж, заткну уши. У меня такое ощущение, будто жизнь покидает этот дом, так что пойду-ка я подышу воздухом.

Запирать дверь не было нужды. Местные жители боялись заходить сюда, даже когда госпожа Вероломна была жива, а уж теперь, когда она умерла, они и подавно ни за какие коврижки не переступят порог дома. По крайней мере, до тех пор, пока новая ведьма не обживёт его.

Сквозь облака в небе сочился студенистый, словно сырое яйцо, солнечный свет. Ветер унёс утренний мороз прочь. Но здесь, в горах, короткая осень быстро сменяется зимой. С этого дня в воздухе всегда будет стоять запах снега. А выше, у самых вершин, зима царит круглый год. Даже летом вода в реках ледяная от талых снегов.

Тиффани уселась на трухлявый пень, положила рядом свой старый чемодан и котомку и стала ждать Устройства. Аннаграмма вот-вот прилетит, тут и гадать нечего…

Издали дом уже казался заброшенным. Он выглядел…

«Сегодня же мой день рождения!» Мысль еле

прорвалась сквозь толпу других мыслей. Да, верно, это сегодня. Смерть не ошибся. Единственный праздничный день в году, который полностью принадлежал Тиффани, а она даже не вспомнила о нём за всеми тревогами и хлопотами, и вот теперь от него осталась только треть.

Интересно, она говорила Петулии и другим девочкам, когда у неё день рождения? Нет, не вспомнить…

Тринадцать лет. За последние несколько месяцев Тиффани привыкла думать, что ей «почти тринадцать». Но пройдёт совсем немного времени, и будет «почти четырнадцать».

Она как раз надумала немного потешиться жалостью к себе, как за спиной раздался тихий шорох. Кто-то крался, стараясь поменьше шуршать сухими листьями.

Тиффани обернулась так быстро, что сыр Гораций испуганно отпрыгнул назад.

— А, это ты… — сказала она. — Где тебя носило, ты, непослушный маль… сыр? Я вся извелась из-за тебя!

Гораций принял виноватый вид, хотя как ему это удалось, осталось загадкой.

— Хочешь со мной?

Гораций принялся сочиться горячим согла-

сием.

— Хорошо, но тебе придётся залезть в сумку, — сказала Тиффани и развязала свою котомку.

Гораций попятился.

— Что ж, если будешь продолжать вести себя как непослушный сы…

Тиффани осеклась. Ладонь покалывало. Она подняла глаза — и увидела Зимовея.

Это мог быть только Зимовей. Вначале он выглядел просто небольшим снежным вихрем, но, приближаясь к ней, словно собирался воедино. Чем ближе, тем больше он походил на человека, на юношу в развевающемся плаще. Его плечи и волосы укрывал снег. Он не казался прозрачным, на этот раз нет, но время от времени по нему пробегала рябь, как по отражению в воде, и Тиффани казалось, она различает сквозь него деревья.

Она встала и быстро отошла на несколько шагов, но Зимовей скользил по сухой траве быстро, словно на коньках. Тиффани могла бы повернуться и побежать, но это означало бы… ну, означало бы повернуться и побежать, а с чего бы ей убегать? Это же не она пишет глупости на чужих окнах!

Что же сказать ему? Что сказать?

— Послушай, я правда очень благодарна, что

ты вернул мне ожерелье, — начала Тиффани, попятившись ещё на несколько шагов. — И со снежинками ты… очень мило придумал. И с розами тоже. Но… думаю, мы не… Ну, ты ведь сделан из холода и мороза, а я нет… я человек, и я сделана… ну, из чего сделаны все люди…

— Ты та самая девушка, — сказал Зимовей. — Ты танцевала с нами. А теперь ты здесь и вокруг моя зима…

Голос у него был какой-то неправильный. Он звучал… фальшиво, как будто Зимовей где-то научился произносить слова, но что такое речь, так и не понял.

— Я девушка, — неуверенно сказала Тиффани, — только не знаю, та самая ли. Эмм… Послушай, мне правда жаль, что я вмешалась в танец, я не хотела, просто тогда показалось, что…

А глаза у него всё те же, серо-лиловые, подумала она. Серо-лиловые глаза на лице, будто выточенном из замёрзшего тумана. На красивом лице, надо сказать.

— Послушай, я не хотела, чтобы ты подумал…

— Хотела? — Зимовей явно растерялся. — Но мы не хотим. Мы существуем.

— Что ты… хочешь сказать?

— Раскудрыть!

— О нет! — прошептала Тиффани.

Из травы выскочили Фигли. Нак-мак-Фигли не знают слова «страх». Порой Тиффани хотелось дать им словарь. Они дрались как тигры, они дрались как черти, они дрались как великаны. Но никогда, ни при каких обстоятельствах они не дрались как те, у кого наберётся хоть чайная ложка мозгов.

Они накинулись на Зимовея, и каждый пытался проткнуть его мечом, пнуть ногой, ударить головой. И их ничуть не смущало, что ни один удар не достигал цели, что все они пролетали сквозь врага, словно он был призраком. Фигль, который, замахнувшись ногой на Зимовея, пинал самого себя в лоб, оставался вполне доволен результатом.

Зимовей не обратил на них никакого внимания. Так человек не замечает порхающих вокруг бабочек.

— Где твоя сила? Почему ты так одета? — спросил он. — Это неправильно!

Зимовей шагнул вперёд и схватил Тиффани за запястье гораздо крепче, чем можно ожидать от призрака.

— Так не должно быть! — крикнул он.

Высоко в небе быстро неслись облака.

Тиффани попыталась вырваться:

— Пусти меня!

— Ты — она! — завопил он и дёрнул её к себе.

Тиффани не знала, откуда взялся крик, но пощёчину нанесла её рука, по собственной воле. Ладонь ударила призрака по щеке так сильно, что лицо на миг расплылось, словно краска на картине размазалась.

— Не подходи ко мне! Не трогай меня! — завизжала Тиффани.

Позади Зимовея что-то двигалось. Она не могла как следует разглядеть это — мешала ледяная взвесь в воздухе и пелена гнева и ужаса перед глазами. Но что-то или кто-то, чей силуэт дробился и искажался, как во множестве кривых зеркал, мчался к ним с другого края поляны. На одно жуткое мгновение фигура тёмным пятном проступила за спиной Зимовея, — и вот она уже превратилась в матушку Ветровоск, стоящую на том же самом месте, где и Зимовей. Прямо в нём.

Зимовей коротко и пронзительно вскрикнул — и исчез, расплывшись облаком тумана. Матушка Ветровоск, моргая, тяжело шагнула вперёд:

— Брр! Не скоро мне теперь удастся избавиться от этого привкуса в голове… Закрой рот, девочка, а то ещё залетит что-нибудь.

Тиффани закрыла рот. А то ещё залетит что-нибудь.

— Что… что вы с ним сделали? Куда он подевался?

— Не он, а оно! — рявкнула матушка, потирая лоб. — Хотя оно думает, что оно — это он. А теперь дай-ка мне своё ожерелье!

— Что?! Но оно моё!

— По-твоему, я тут с тобой спорить собираюсь? — вспылила матушка. — Неужели у меня на лице написано, что я не против поспорить? Живо давай его сюда! И не смей упрямиться!

— Я просто не…

Матушка Ветровоск понизила голос, и её тихое шипение прозвучало куда более угрожающе, чем любые крики:

— Эта лошадка помогла ему найти тебя. Сейчас оно просто туман. Как думаешь, насколько плотным оно явится в следующий раз?

Тиффани вспомнила странное лицо, которое не двигалось так, как полагается настоящему лицу, странный голос, который складывал слова, словно кирпичи…

Она расстегнула серебряный замочек и протянула украшение матушке. Это всего лишь боффо, убеждала себя Тиффани. Любая щепка — волшеб-

ная палочка, любая лужа — хрустальный шар… Это просто… просто безделушка. Она не нужна мне, чтобы быть собой.

Нет, нужна.

— Ты должна отдать его мне, — сказала матушка мягко. — Сама я не могу забрать его у тебя.

Она протянула руку, и Тиффани уронила лошадку в её ладонь. Ей показалось, что пальцы матушки сомкнулись, будто хищные когти, но она прогнала эту мысль.

— Вот и хорошо, — сказала матушка. — А теперь нам пора.

— Вы следили за мной, — мрачно проговорила Тиффани.

— Всё утро. Ты заметила бы, если бы додумалась посмотреть. Но ты неплохо справилась на похоронах, должна тебе сказать.

— Неправда. Я хорошо справилась!

— Я так и сказала.

— Нет, — качнула головой Тиффани. — Не так.

— Лично я никогда не связывалась с черепами, — заявила матушка, пропустив её слова мимо ушей. — А с игрушечными и подавно. Но госпожа Вероломна…

Она вдруг замолчала и пристально уставилась куда-то в небо над лесом.

— Это снова он? — спросила Тиффани.

— Нет, — с лёгкой досадой ответила матушка. — Нет, это наша юная госпожа Ястребей. И Летиция Увёртка. Не стали откладывать, как я посмотрю. Госпожа Вероломна ещё и остыть не успела. — Она фыркнула. — У некоторых людей нет вообще никакого понятия о приличиях.

Две метлы опустились на дальнем конце поляны. Аннаграмма выглядела взволнованной. Госпожа Увёртка выглядела как всегда: высокая, бледная, очень хорошо одетая, увешанная оккультными украшениями и с таким выражением лица, будто все вокруг страшно её раздражают, но она любезно об этом промолчит. На Тиффани она всегда смотрела (в тех редких случаях, когда вообще давала себе труд посмотреть), как на диковинную зверушку, с которой не вполне понятно, как быть.

С матушкой госпожа Увёртка обычно держалась вежливо, официально и холодно. Матушку Ветровоск это страшно выводило из себя, но так уж заведено у ведьм: с тем, кого недолюбливают, они ведут себя церемонно, как герцогини.

Две новоприбывшие ведьмы подошли поздороваться, матушка низко поклонилась и сняла шляпу. Госпожа Увёртка сделала то же самое,

только её поклон был чуточку ниже.

Тиффани заметила, как матушка на миг подняла глаза и склонилась ещё на дюйм.

Госпожа Увёртка в ответ умудрилась перещеголять её на полдюйма.

Тиффани и Аннаграмма беспомощно переглянулись поверх двух напряжённых спин. Порой такое могло продолжаться часами.

Матушка Ветровоск хмыкнула и выпрямилась. Госпожа Увёртка последовала её примеру. Лицо у неё было всё красное.

— Да осияют звёзды нашу встречу! — невозмутимо провозгласила матушка Ветровоск.

Тиффани вздрогнула. Это было объявление войны. Когда ведьмы вопят и наскакивают друг на дружку, это всего лишь дружеский спор, но когда они говорят спокойно, взвешивая каждое слово, — это настоящее сражение.

— Как любезно с твоей стороны встретить нас, — отозвалась госпожа Увёртка.

— Надеюсь, вы обе в добром здравии?

— Вполне, матушка Ветровоск, вполне.

Аннаграмма зажмурилась. По ведьмовским меркам это был удар в живот.

— Госпожа Ветровоск, хоть господина Ветровоска никогда и не было, госпожа Увёртка, — по-

правила матушка. — Как тебе, я думаю, известно.

— Ах да, конечно же. Прошу прощения.

Когда обмен ударами завершился, матушка продолжала:

— Надеюсь, юной госпоже Ястребей тут понравится.

— Я уверена, что… — Госпожа Увёртка вопросительно уставилась на Тиффани.

— Тиффани, — подсказала она.

— Тиффани. Ну да. Какое прелестное имя. Я уверена, что Тиффани сделала всё, что было в её силах, — продолжала госпожа Увёртка. — Тем не менее нам придётся провести очищение и освятить этот дом во избежание… воздействий.

Я уже отскребла и оттёрла там все, что можно, подумала Тиффани.

— Воздействий? — переспросила матушка, и даже Зимовей не смог бы вложить больше льда в голос.

— Вибраций, которые способны нарушить сосредоточение, — пояснила госпожа Увёртка.

— А, знаю! — сказала Тиффани. — Это всё из-за одной половицы на кухне, она плохо закреплена, и если на неё наступить, весь буфет трясётся.

— Говорят, в доме обитает демон, — сказала госпожа Увёртка, демонстративно не обратив

на её слова внимания. — И ещё ходят слухи про черепа…

— Но… — начала было Тиффани, однако матушка Ветровоск стиснула её плечо, и она умолкла.

— Ну надо же! — Матушка покачала головой, не отпуская плеча Тиффани. — Черепа, говоришь?

— Многие рассказы о госпоже Вероломне внушают серьёзную тревогу, — сказала госпожа Увёртка, не сводя глаз с Тиффани. — Это истории самого мрачного толка, госпожа Ветровоск. Судя по всему, бедным жителям окрестных деревень приходилось нелегко. Тёмные силы были выпущены на свободу.

Тиффани хотелось завопить: «Нет! Это всё сказки! Это всё боффо! Госпожа Вероломна заботилась об этих людях! Она прекращала их глупые свары, она помнила все их законы, она отчитывала их, когда они делали глупости! Она не справилась бы, будь она просто маленькой хрупкой старушкой. Ей пришлось превратиться в миф!» Но Тиффани промолчала, потому что матушкина рука держала её крепко.

— Странные силы и впрямь не дремлют, — сказала матушка Ветровоск. — Ну, удачи вам обеим в ваших начинаниях. А теперь, если вы не возражаете, нам пора.

— Конечно, ма… госпожа Ветровоск. Да осияют ваш путь звёзды.

— И тебе пусть дорога пухом под ноги ляжет.

Матушка перестала стискивать плечо Тиффани, но всё же не отпустила, а почти волоком оттащила девочку за угол дома. Там стояла прислонённая к стене метла покойной госпожи Вероломны.

— Быстро привяжи к ней свои вещи! — велела матушка. — У нас времени считай нет.

— А что, он вернётся? — спросила Тиффани, пытаясь примотать к ручке возле прутьев свой чемодан и котомку.

— Сейчас нет. И ещё не скоро, думаю. Но он будет искать тебя. И он будет становиться сильнее. Опаснее для тебя и для тех, кто рядом! А тебе ещё многому нужно научиться! И многое сделать!

— Я поблагодарила его! Я старалась быть с ним вежливой! Почему же он никак не отвяжется от меня?

— Из-за танца, — сказала матушка.

— Мне жаль!

— Этого недостаточно. Что вьюга знает о сожалениях? Ты должна исправить то, что натворила. Неужели ты правда думала, что пустое место предназначено для тебя? Ох ты, как же всё запу-

тано… Как твои ноги? Стопы, я имею в виду.

Тиффани, сердитая и сбитая с толку, застыла, усевшись на метлу.

— Мои ноги? А что с ними может случиться?

— Чесаться не чешутся? А что бывает, когда ты снимаешь башмаки?

— Ничего! Просто остаюсь в носках! И при чём тут вообще мои ноги?

— Скоро узнаем, — пообещала матушка, чем здорово разозлила Тиффани. — А сейчас полетели.

Тиффани попыталась заставить метлу взлететь, но та едва оторвалась от земли. Она оглянулась — на прутьях гроздьями висели Нак-мак-Фигли.

— Не обращёвывай на нас вниманья, летай себе, — сказал Явор Заядло. — Мы накрепко держимся!

— Токо не трясай сильно, — попросил Туп Вулли. — А то у меня черепок того гляди раскокнется.

— Мы харчи не прозабыли? — спросил Громазд Йан. — Горлу промочить охота, аж невтерпь!

— Я не могу взять с собой вас всех! — в отчаянии сказала Тиффани. — Я даже не знаю, куда мы летим!

Матушка Ветровоск грозно посмотрела на

Фиглей:

— Своим ходом доберётесь. Мы летим в Ланкр. Адрес такой: городская площадь, Тир-Ньян-Ягг[19].

— Тир-Ньян-Ягг… — повторила Тиффани. — Это, случайно, не…

— Это значит «дом нянюшки Ягг», — подтвердила матушка её догадку, пока Фигли дождём сыпались с метлы. — Там ты будешь в безопасности. Ну, почти. Но по пути придётся ещё кое-куда завернуть. Надо сделать так, чтобы твоё ожерелье оказалось как можно дальше от тебя. И я знаю, как быть. О да!

Нак-мак-Фигли трусцой бежали по лесу. День клонился к вечеру. Обитатели местных лесов уже успели познакомиться с пикстами, так что все

---

[19] Примечания: 19

Дом нянюшки Ягг, *Тир-Ньян-Ягг*, в оригинале зовётся чуть иначе — *Тир-Нан-Огг (Tir Nani Ogg)*, что звучит почти так же, как Тир на Ног (ирл. *Tír na nóg*, «остров юных»), название острова вечной молодости в кельтской мифологии. Это волшебная страна, где нет смерти, старости и болезней, это земля изобилия, красоты и неизбывного счастья. Считается, что там обитают Туата де Данаан, Племена богини Дану, четвёртое из мифических племён, правивших дохристианской Ирландией. По легенде, на острове Тир на Ног у своей волшебной возлюбленной гостил сам Оссиан, великий бард III века. В так называемых имрамах, ирландских сказаниях о плавании героя по морю в волшебную страну, рассказывается о тех счастливцах, которым случалось добраться до Тир на Ног: такова, например, история Брана в сказании «Плавание Брана, сына Фебала». Гостья из волшебной страны так описывает остров, куда Брану предстоит плыть:

Есть далёкий-далёкий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей,
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырёх ногах стоит остров. ‹…›

Там неведома горесть и неведом обман
На земле родной, плодоносной
Нет ни капли горечи, ни капли зла,
Всё – сладкая музыка, нежащая слух.

Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости…

(Пер. А. Смирнова)

Тир-Ньян-Ягг действительно сродни волшебной стране вечной юности: несмотря на свой почтенный возраст, нянюшка Ягг по-прежнему молода душой и отличается удивительным жизнелюбием.

пушистые лесные создания, заслышав их, спешили юркнуть в норы или забраться на верхушки деревьев. Но спустя какое-то время Громазд Йан крикнул:

— Эй, по-за нами хтой-то хвостится!

— Не туплюй, — отмахнулся Явор Заядло. — В тутошних лесах нет таких приомороженных зверьев, чтоб на Фиглей надумали охотиться!

— Зубдамс, хвостится, — упрямо повторил Громазд Йан. — Нутром чую. Хтой-то по-за нами прям вот щаз на цырлах крадётся!

— Лады. Хто я таковый, чтоб с твоим нутром препиракать… — устало согласился Явор Заядло. — В круг, ребя!

Пиксты вытащили мечи и встали широким кругом, готовые встретить врага. Но несколько минут спустя среди них поднялся ропот. Всё было тихо — ни шороха, ни движения. Где-то вдалеке, на безопасном расстоянии, пели птицы. Повсюду вокруг царили тишина и покой, такие редкие в присутствии Фиглей.

— Звиняй, Громазд Йан, кажись, твоё нутро на сей рядь тебя подвело, — сказал Явор Заядло.

И тут ему на голову с дерева свалился сыр по имени Гораций.

Под Ланкрским мостом стремительно неслись

огромные массы воды, но отсюда, сверху, её было почти не видно — брызги водопада чуть ниже по течению висели в воздухе ледяной дымкой. Белый бурлящий поток мчался по глубокому ущелью, потом, словно лосось, прыгал с обрыва и обрушивался на равнину внизу, как буря. За водопадом река текла до самых Меловых холмов и дальше, но так вальяжно извивалась, что в те края быстрее было лететь напрямик.

Тиффани летала над рекой всего однажды, когда тётушка Вровень впервые везла её на своей метле в горы. С тех пор Тиффани всегда выбирала длинный путь домой, держась над самой дорогой, идущей неторопливым зигзагом. Лететь над бурным потоком, чтобы нырнуть в облако брызг, а потом направить метлу почти отвесно вниз и спикировать вместе с водопадом — всё это значилось в списке того, что Тиффани никогда-никогда не собиралась проделывать. Причём занимало в этом списке одну из самых верхних строчек.

Матушка Ветровоск стояла на мосту, держа в руке серебряную лошадку.

— Это единственный выход, — сказала она. — Её унесет в море, и она окажется где-то глубоко-глубоко на дне. Пусть-ка Зимовей поищет тебя там!

Тиффани кивнула. Она не плакала, но это не то

же самое, что, ну, не плакать. Люди часто живут себе, и не плачут, и не думают об этом. А она в эту минуту думала: я не плачу…

Это разумно. Конечно, разумно. Одно сплошное боффо! Любой прутик — волшебная палочка, любая лужа — хрустальный шар. Всякая вещь имеет лишь ту силу, которую ты в неё вложишь. Путанки, черепа, магические жезлы — всё равно что… лопаты, ножи или очки. Просто… рычаги. Рычаг помогает перевернуть огромный камень, но сам ничего не делает.

— Ты должна сама решиться, — сказала матушка Ветровоск. — Я не могу решать за тебя. Но это всего лишь безделушка, и пока она при тебе, она опасна.

— Знаете, я не думаю, что он хочет мне плохого, — проговорила Тиффани. — Мне показалось, он был просто расстроен.

— Да ну? Хочешь снова увидеть его в расстройстве?

Тиффани вспомнила лицо Зимовея. Странное лицо. В нём было что-то человеческое, но в целом оно выглядело так, словно Зимовей что-то слышал о том, как быть человеком, но толком пока не разобрался.

— Думаете, он может навредить другим лю-

дям? — спросила она.

— Он — зима, девочка. А зима — это ведь не только миленькие снежинки, верно?

Тиффани протянула руку:

— Дайте мне ожерелье, пожалуйста.

Матушка пожала плечами и отдала лошадку.

Украшение лежало на ладони Тиффани, как раз там, где остался причудливый белый шрам. До того как она получила лошадку в подарок, у неё не было ничего, созданного не пользы ради.

Я могу обойтись без него, думала Тиффани. Силой меня питают мои холмы. Но неужели так будет всю жизнь? Неужели мне можно иметь только то, без чего никак не обойтись?

— Надо привязать его к чему-то плавучему, — сказала она ровным голосом, будто ничего особенного не происходило. — Иначе оно сразу пойдёт на дно.

Пошарив в траве у моста, она отыскала палку и обмотала серебряную цепочку вокруг неё.

Был полдень, светило солнце. Тиффани когда-то придумала словосочетание «подсолнечный свет» — ей нравилось, как это звучит. Любая может быть ведьмой при луне, рассуждала она, но чтобы быть ею при подсолнечном свете, требуются настоящие сила и мастерство.

Быть ведьмой я хорошо умею, думала Тиффани, медленно возвращаясь на мост. А вот быть счастливой у меня получается не очень.

Она бросила серебряную лошадку в реку.

Тиффани не стала раздувать из этого событие. Было бы здорово, если бы лошадка, прежде чем кануть в воду, блеснула в солнечных лучах и на миг застыла в воздухе. Может, она и блеснула. Тиффани не стала смотреть.

— Хорошо, — сказала матушка Ветровоск.

— Теперь всё позади? — спросила Тиффани.

— Нет! Танец завёл тебя в сказку, девочка, сказку, которая сама рассказывает себя год за годом. В ней говорится про лёд и пламя, про зиму и лето. А из-за тебя всё перепуталось. Тебе придётся остаться в сказке до самого конца, чтобы она сложилась как надо. А лошадь просто помогла тебе выиграть время.

— Много времени?

— Не знаю. Раньше-то ничего такого не случалось. По крайней мере, подумать у тебя теперь время есть. Как твои ноги?

Зимовей тоже летел по миру, хотя в человеческом понимании он и не двигался вовсе. Везде, где была зима, был он.

Он пытался думать. Прежде ему не приходилось

этим заниматься, и думать оказалось больно. Раньше люди были для него всего лишь частицами мира, которые причудливо движутся с места на место и зажигают огни. Теперь он растил в себе разум, и всё становилось другим.

Человек… из чего сделаны люди… так она сказала.

Из чего сделаны люди… Ради возлюбленной ему придётся создать себя из того, из чего сделаны люди. И Зимовей реял над землей в потоках ветра, заглядывая в покойницкие, рассматривая то, что осталось на местах кораблекрушений. Он искал то, из чего сделаны люди. А из чего они сделаны? Из воды и грязи в основном. А если человек полежит подольше, то даже вода в нём высохнет, и останутся от него лишь несколько горстей праха, который развеет ветер.

Вода не может думать. Значит, это делает прах. Пыль, другими словами.

Зимовей следовал логике, потому что лёд устроен логично. Вода устроена логично. Ветер логичен. Есть правила. Выходит, весь секрет человеческого устройства… в пыли! Возьми правильную пыль — получишь человека.

А пока он ищет нужную пыль, Зимовей решил показать возлюбленной свою силу.

Тем же вечером Тиффани сидела на краешке кровати, и сонливость клубилась у неё в голове, словно грозовые облака. Тиффани зевнула и посмотрела на свои ноги.

Ноги были розовые, на каждой — по пять пальцев. Очень даже неплохие ноги, если уж на то пошло.

Обычно при встрече говорят что-то вроде: «Как дела?» Нянюшка Ягг сказала: «Заходи. Как твои ноги?»

Что-то все вдруг страшно заинтересовались ногами Тиффани. Ноги, конечно, важны, но что с ними может такого произойти, что все спрашивают?

Она покрутила ступнями в воздухе. Ноги не выкинули ничего необычного, и она легла спать.

Тиффани толком не спала последние две ночи. Она не задумывалась об этом, пока не добралась до Тир-Ньян-Ягга и не почувствовала, что голова по собственной воле идёт кругом. Они поговорили с нянюшкой, но она почти не помнила о чём. Голоса звучали глухо, как из бочки. И вот теперь наконец-то можно просто поспать.

Кровать ей отвели прекрасную, Тиффани никогда прежде не доводилось спать на такой хорошей кровати. И комната тоже оказалась

очень хороша, жаль, от усталости не было сил её как следует рассмотреть. Ведьмы не придают особого значения удобству, особенно когда приходится ночевать в гостях, но дома Тиффани спала на кровати, пружины в которой делали «дзыннь», стоило шевельнуться, и можно было даже сыграть на них мелодию, осторожно ёрзая в постели.

На этой кровати лежал не матрас, а перина, мягкая и податливая. Тиффани утонула в ней, словно в очень тёплом, очень мягком, очень медлительном зыбучем песке.

Но вот беда: можно закрыть глаза, однако нельзя отключить разум. И пока она лежала в темноте, перед её внутренним взором прокручивались картины: часы, по-прежнему звенящие своё *тунк-тонк,* снежинки в виде Тиффани, госпожа Вероломна, целеустремлённо шагающая в ночи по лесу, выставив жёлтый коготь, чтобы вспороть живот тем, кто плохо себя вёл…

Госпожа Вера… госпожа Миф…

Вязкая каша воспоминаний засосала её, и Тиффани погрузилась в бессодержательную белизну. Но белизна становилась ярче, ещё ярче, и вот в ней проступили какие-то детали, штрихи серого и чёрного. Они начали плавно двигаться

туда-сюда…

Тиффани открыла глаза, и предметы обрели ясность. Она стояла… в лодке. Нет, на большом корабле. На палубах его лежал снег, с мачт и канатов свисали сосульки. Корабль плыл в зыбких предрассветных сумерках. На море, молчаливом и сером, покачивались льдины, над водой носились клочья тумана. Мачты поскрипывали, ветер гудел в парусах. И никого вокруг.

— А-а. Видимо, это сон. Выпусти меня, пожалуйста, — произнёс знакомый голос.

— Кто ты? — спросила Тиффани.

— Ты. Пожалуйста, кашляни.

Тиффани подумала: «Ну, раз это сон…» — и кашлянула.

Из устилающего палубу снега вырос человеческий силуэт. Это была Тиффани, и она задумчиво смотрела по сторонам.

— Ты тоже я? — спросила Тиффани.

Здесь, на заснеженной палубе, в этом почему-то не чувствовалось ничего… ничего такого.

— Хмм… Да, ты, — проговорила другая Тиффани, не переставая пристально разглядывать всё вокруг. — Я твой Дальний Умысел. Помнишь меня? Я — те твои мысли, которые никогда не останавливаются. Я — та, кто подмечает все ме-

лочи. Хорошо, оказывается, выбраться на свежий воздух. Хмм…

— Что-то не так?

— Ну, по всему видно, что это сон. Если бы ты потрудилась посмотреть по сторонам, то заметила бы, что у штурвала стоит моряк в жёлтой штормовке и это не кто иной, как Весёлый Капитан с обёрток от любимого табака матушки Болен. Мы всегда вспоминаем его, когда думаем о море, да?

Тиффани обернулась, и бородач у штурвала весело помахал ей.

— Да, это точно он! — сказала она.

— Но мне кажется, это не наш сон. Точнее, не совсем наш, — продолжал Дальний Умысел. — Слишком уж он… реален.

Тиффани наклонилась и зачерпнула горсть снега.

— Как настоящий, — сказала она. — Руке холодно.

Она слепила снежок и бросила его в себя.

— Лучше бы я этого не делала, — сказала вторая Тиффани. — Но ты ведь поняла, что я имею в виду? Сны не бывают настолько… явными.

— Я знаю, о чём я, — ответила Тиффани. — Когда сны становятся такими реальными, значит,

вот-вот явится что-то жуткое.

— Точно. И у меня дурное предчувствие. Если это сон, жди беды.

Они посмотрели туда, куда двигался корабль. Горизонт скрывала унылая и грязноватая полоса тумана.

— В тумане что-то есть! — воскликнули обе Тиффани хором.

Они повернулись и кинулись вверх по трапу к моряку у штурвала.

— Берегись тумана! — кричали они. — Пожалуйста, не заходи в туман!

Весёлый Капитан вынул изо рта трубку и посмотрел на них непонимающим взглядом.

— Отличный табачок для любой погоды? — спросил он Тиффани.

— Что?

— Он других слов не знает! — объяснил Дальний Умысел, хватаясь за штурвал. — Это было написано на обёртке, помнишь?

Весёлый Капитан вежливо, но твёрдо перехватил штурвал.

— Отличный табачок для любой погоды, — сказал он примирительно. — Для любой погоды.

— Послушай, мы только хотим, чтобы… — начала было Тиффани, но её Дальний Умысел, ни

слова не говоря, повернул её голову и заставил посмотреть вперёд.

Из тумана выдвинулся силуэт…

Айсберг, огромный, раз в пять шире и выше корабля, и величественный, как лебедь. Он был такой большой, что создавал вокруг себя собственную погоду. Айсберг двигался с обманчивой медлительностью, а вокруг него бурлила пеной вода, падал снег, туманный шлейф тащился за ним…

У Весёлого Капитана отвисла челюсть, и трубка упала на палубу.

— Отличный табачок! — выругался он.

Айсберг был Тиффани. Тиффани, сделанной из сверкающего зеленоватого льда и в сотни футов высотой, но всё равно узнаваемой. На голове у неё сидели морские птицы.

— Но Зимовей не мог этого сделать! — воскликнула Тиффани. — Я же выбросила лошадку! — Она приложила ко рту сложенные рупором ладони и закричала: — Я ВЫБРОСИЛА ОЖЕРЕЛЬЕ!

Голос её отразился от ледяного изваяния и эхом вернулся к ней. Несколько птиц с пронзительным граем взлетели с гигантской мёрзлой головы. Штурвал за спиной Тиффани завертелся. Весёлый Капитан топнул ногой и показал на

белые паруса.

— Отличный табачок! — скомандовал он.

— Прости, не понимаю! — в отчаянии крикнула Тиффани.

Весёлый Капитан снова показал на паруса и изобразил, как тянет канаты.

— Отличный табачок!

— Мне очень жаль, но я всё равно не поняла!

Моряк фыркнул, бросился бегом к какому-то канату и повис на нём всем весом.

— А вот это и правда жутко, — негромко заметил Дальний Умысел.

— Да уж, огромный айсберг в форме меня, это…

— Нет, это просто странно. А вон то — жутко, — сказал Дальний Умысел. — У нас на борту пассажиры. Взгляни туда.

Внизу на главной палубе было несколько люков, забранных массивными решётками. До этой минуты Тиффани их не замечала.

Руки, сотни рук, бледных, как корни под корягой, высовывались между прутьями, хватались за воздух, махали…

— Пассажиры? — в ужасе прошептала Тиффани. — О нет…

И тут раздались крики. Ей было бы легче, хотя и ненамного, если бы это были вопли о помощи,

но это был бессловесный крик страдающих от боли, напуганных людей.

Нет!

— Вернись ко мне в голову, — мрачно сказала она. — Когда ты болтаешься вокруг, это слишком отвлекает. Быстро.

— Тогда я войду с затылка, — сказал Дальний Умысел. — Так будет менее…

Тиффани почувствовала укол боли, и тут же что-то у неё в голове изменилось. И она подумала: «Что ж, могло бы получиться и менее аккуратно».

Ладно. Давай подумаем. Давай-ка мы все подумаем.

Она посмотрела на руки, извивающиеся, как водоросли под водой, и принялась размышлять: я как бы во сне, но, похоже, это не мой сон. Я на корабле, и корабль вот-вот разобьётся об айсберг, изображающий меня.

Снежинки мне нравились больше.

Чей же это сон?

— К чему это всё, Зимовей? — спросила она вслух, а Дальний Умысел, сидя где-то в своём укромном логове в глубине её разума, заметил: «Нет, ты только подумай! Даже облачка пара от дыхания видно!»

— Это предостережение? — крикнула она. — Что тебе нужно?

– *Будь моей невестой,* — ответил Зимовей. Слова не прозвучали, они просто обнаружились в памяти.

Тиффани впала в отчаяние.

«Ты ведь знаешь, это всё происходит не на самом деле, — сказал Дальний Умысел. — Но может оказаться, что оно — тень того, что происходит на самом деле».

Не надо было позволять матушке отсылать Явора Заядло…

— Раскудрыть! — раздалось у неё за спиной. — А ну, кажи мне те такелажи!

И тут же поднялся обычный гвалт:

— Не такелажи, а такелаж, ты, тупитл!

— Нды? А по мне их тут до малакучи!

— Эй, Фигль за бортом! Туп Вулли бултыхнулся!

— Вот повалень! Грил я ему: токо одну намотку на глазь!

— А он всё йо-хо-хо, да хо-йо-йо…

Фигли высыпали из двери каюты за спиной Тиффани и волной хлынули на палубу. Явор Заядло остановился перед ней и отдал честь.

— Звиняй, припозднякнули мал-мала. Намотки

на глазья с ходу сыскнуть не могли, — отрапортовал он. — Стиль же ж надо блюдить.

Тиффани потеряла дар речи, но только на мгновение. Она показала на приближающуюся ледяную гору:

— Надо сделать так, чтобы корабль не врезался в этот айсберг!

— И всегой-то? Нае проблемо! — Явор Заядло посмотрел на высеченную изо льда великаншу и ухмыльнулся: — У ней твой носяра, ах-ха?

— Сделай же что-нибудь! Пожалуйста! — взмолилась Тиффани.

— Жратс, мэм! Звиняй, есть, мэм! Ребя, а ну кыкс!

И Фигли стали трудиться как пчёлки, хотя пчёлки не носят килты и не орут через слово: «Раскудрыть!» Может быть, именно потому, что они умели так много вложить в одно-единственное слово, они сразу поняли приказы Весёлого Капитана. Фигли затопили палубу, роясь, как… рой. Под дружные вопли «Отличный табачок!» и «Раскудрыть!» таинственные канаты наконец натянулись, паруса повернулись и наполнились ветром.

Ну вот, выходит, теперь Зимовей надумал на мне жениться, думала Тиффани тем временем.

Ох…

Она, конечно, порой гадала, выйдет ли когда-нибудь замуж, но сейчас явно было слишком рано для этого «когда-нибудь». Правда, её мама вышла замуж в четырнадцать лет, но тогда так было принято, а сейчас другие времена. И Тиффани была твёрдо уверена, что сначала ей предстоит многое совершить в жизни, а потом уж можно и о семье подумать.

Да и вообще, если поразмыслить… Тьфу ты! Он ведь даже не человек! Он…

«Вуммм!» — гудел ветер в парусах. Корабль скрипел и кренился на борт, и все орали на неё. Орали они в основном: «Штурвал! Штурвал хватс, а ну кыкс!», хотя в этом хоре слышалось и одно отчаянное: «Отличный табачок для любой погоды!»

Тиффани обернулась — штурвал вертелся так быстро, что сливался в размытый круг. Она попыталась ухватить его, но её только ударило по пальцам. К счастью, неподалёку лежала верёвка, и Тиффани удалось накинуть на рукоятки штурвала петлю и остановить его, причём её даже не слишком далеко протащило по палубе. Взявшись наконец за штурвал, она попробовала повернуть его в обратную сторону. Это оказалось всё равно

что толкать лошадь, однако колесо подавалось, сначала едва заметно, но Тиффани упёрлась в него спиной, и дело пошло веселее.

Корабль поворачивал. Его нос медленно отклонялся, он уже не был нацелен точно на айсберг. Отлично! Наконец-то всё налаживается… Тиффани провернула штурвал ещё немного, высоченная ледяная стена надвинулась — и прошла мимо, наполнив воздух туманом. Теперь всё будет хорошо, только…

Корабль налетел на айсберг.

Сначала раздался одиночный треск, когда какая-то рея ударилась о ледяной выступ. Но за ним последовали и другие звуки: корабль шёл слишком близко к айсбергу, мачты над головой скрежетали о лёд, ломались и рушились в бурлящую воду, поднимая гигантские фонтаны брызг, летели щепки. Вот верхушка мачты надломилась и упала, увлекая за собой паруса и канаты. Ледяная глыба разбилась о палубу в нескольких шагах от Тиффани, осыпав её дождём острых, как иглы, осколков.

— Всё должно быть совсем не так… — выдохнула она, налегая на штурвал.

– *Стань моей женой,* — сказал Зимовей.

Белая от пены вода с рёвом захлестнула накре-

нившуюся палубу. Тиффани продержалась ещё немного, а потом ледяной вал накрыл её… Вот только он оказался не ледяным, а тёплым. Но дыхание она всё равно задержала. Она отчаянно барахталась, пытаясь пробиться сквозь темноту к поверхности, и вдруг темнота резко отдёрнулась, в глаза ударил свет, и чей-то голос сказал:

— По мне, так эти перины чересчур уж мягкие, но нянюшка Ягг и слышать ничего не желает.

Тиффани заморгала. Она лежала в постели, а рядом стояла худая женщина с всклокоченными волосами и довольно-таки красным носом.

— Ты металась и вертелась как сумасшедшая, — сказала женщина и поставила на столик у кровати дымящуюся кружку. — Однажды в этой постели кто-нибудь насмерть задохнётся, помяни моё слово.

Тиффани снова моргнула. Наверное, подумала она, сейчас я должна вздохнуть с облегчением: «Ах, это был только сон!» Но это был не сон. Не мой сон.

— Сколько времени? — с трудом выговорила она.

— Около семи, — ответила женщина.

— Семь?! — Тиффани рывком отбросила одеяло. — Я проспала! Госпожа Ягг скоро проснётся,

надо приготовить ей завтрак!

— Не думаю. Я только что отнесла завтрак ей в постель, с тех пор и десяти минут не прошло. — Женщина наградила Тиффани выразительным Взглядом. — А теперь я пойду домой. — Она шмыгнула носом. — Пей свой чай, пока не остыл. — И она решительно зашагала к двери.

— Госпожа Ягг что, заболела? — спросила Тиффани, озираясь в поисках носков.

Она никогда не слышала, чтобы здоровый человек ел в постели.

— Заболела? Да она, по-моему, и дня в своей жизни не проболела! — фыркнула женщина таким тоном, что сразу стало ясно: по её мнению, это совершенно несправедливо. И вышла, закрыв за собой дверь.

Даже пол в спальне блестел — не оттого, что по нему долгие годы ходило множество ног, а оттого, что кто-то тщательно натёр его песком и отполировал. Босые ноги Тиффани слегка липли к нему. Нигде не было видно ни пыли, ни паутины. Комната сверкала и дышала свежестью, то есть вопиюще не соответствовала представлению о комнате ведьмы.

— Я хочу одеться, — произнесла Тиффани вслух. — Есть тут Фигли?

— Не-ка, — раздалось из-под кровати.

Послышалось отчаянное перешёптывание, потом голос уточнил:

— Ну, тойсь, считай, ни единого-одинёшенька Фигля.

— Тогда закройте глаза, — велела Тиффани.

Она стала одеваться, время от времени прихлёбывая чай. Надо же, ей принесли чай и поставили у кровати, хотя она и не лежала больной. Да так только с царственными особами обращаются!

И тут Тиффани заметила синяки на руках. Больно не было, но там, где её ударило штурвалом, темнели лиловые пятна.

— Фигли? — окликнула она.

— Раскудрыть, вторижды ты нас не словишь! — раздался голос из-под кровати.

— Выходи, чтобы я тебя видела, Туп Вулли! — прикрикнула Тиффани.

— Ну, ты могуча карга, хозяйка — завсегды бум-бум, чё эт' я.

Последовало ещё одно напряжённое совещание шёпотом, и Туп Вулли — а это и впрямь был он — вышел из-под кровати в сопровождении ещё двоих Фиглей и Горация.

Тиффани уставилась на сыр во все глаза. Конечно, синие прожилки роднили его цветом с

пикстами. И вёл он себя как Фигль, тут и говорить не о чем. Но с какой стати на нём красуется разлохмаченный кусок клетчатой ткани вроде той, которую Фигли используют для килтов?

— Он вродь кыкс сам нас сыскнул, — сказал Туп Вулли, приобняв столько Горация, на сколько хватило руки. — Мона, я его оставлю, пжалста? Он кажденно моё словесо понимает!

— Везёт ему — лично я понимаю далеко не каждое, — сказала Тиффани. — Скажи, мы этой ночью были на корабле, который разбился?

— Ах-ха. Кыкс бы.

— Как бы? Это было на самом деле или во сне?

— Ах-ха, — ответил Вулли, явно нервничая.

— Что «ах-ха»?

— То ах-ха, другенно ах-ха, кыкс бы всамделишно и невсамделишно тож, этаким невсамделишным всамделишным манером, — заёрзал Туп Вулли. — Я ж нуженных словей ни бум-бум.

— Все Фигли остались целы?

Туп Вулли расплылся в улыбке:

— Ах-ха, хозяйка. Нае проблемо. Эт' ж был сонный крабль на сонном море, чегой там…

— И айсберг был тоже «сонный»? — спросила Тиффани.

— Ах, нае. Айсберх был всамделишный, хо-

зяйка.

— Так я и знала! Ты уверен?

— Ах-ха! Мы, Фигли, таки штуки запросто чуем, — сказал Вулли. — Верно, ребя?

Двое его спутников, трепеща от того, что пришлось предстать перед малой громаздой каргой почти в одиночку, а не среди сотни братьев, молча кивнули и попытались спрятаться друг другу за спину.

— То есть самый настоящий айсберг в виде меня сейчас плавает где-то в море, на пути кораблей? — с ужасом спросила Тиффани.

— Ах-ха. Лехко могёт быть, — подтвердил Туп Вулли.

— Тогда у меня скоро будут жуткие неприятности, — сказала Тиффани и встала с кровати.

Раздался хлопок. Одна из половиц подпрыгнула и повисла над полом, покачиваясь вверх-вниз и поскрипывая, как кресло-качалка. Из неё остались торчать два длинных гвоздя.

— А теперь ещё и это, — слабым голосом сказала Тиффани.

Но Фиглей с Горацием и след простыл.

За спиной Тиффани послышался смешок, негромкий и глубокий, словно кто-то хохотнул себе под нос, причём, если вслушаться, можно

решить, что над непристойной шуткой.

— Эти дьяволята драпают так, что не уследишь, а? — сказала нянюшка Ягг, вразвалочку входя в комнату. — А теперь, Тифф, повернись-ка, только медленно, сядь на кровать и подними ноги, чтобы не касались пола. Справишься?

— Конечно, госпожа Ягг, — сказала Тиффани. — Простите, что так вышло…

— Да пустяки, половицей больше, половицей меньше! — махнула рукой нянюшка. — Меня куда больше волнует Эсме Ветровоск. Она ведь говорила, что так будет. И вот она оказалась права, а мисс Тик — нет. Теперь с Эсме никакого сладу не станет. Так задерёт нос, что того гляди по воздуху ходить начнёт!

Плиииимм! — ещё одна половица подскочила и застыла над полом.

— А вот тебе, барышня, научиться ходить по воздуху не помешало бы, — добавила матушка. — Подожди-ка тут, я сей момент вернусь!

Момент длился двадцать семь секунд, а потом нянюшка и правда вернулась. В руках у неё были пронзительно-розовые тапочки с пушистыми кроличьими мордочками.

— Мои любимые — ну, не считая самых любимых, конечно, — сказала она, а в это время у неё

за спиной ещё одна половица сделала «Шпыньк!» и выстрелила четырьмя длиннющими гвоздями в дальнюю стену.

Те половицы, что подскочили первыми, уже выпустили множество отростков, похожих на листья. Да, это определённо были листочки, пусть даже совсем тоненькие и слабые.

— Это из-за меня? — спросила Тиффани.

— Лучше уж Эсме тебе сама всё расскажет. — Нянюшка помогла ей обуться. — Это, сударыня, у тебя приключился тяжёлый случай пед фекундис[20].

Где-то на самом дне памяти Тиффани Обижулити Хлопстел, Д-р Маг. Фил., маг-р ОЧКВТР, Непревзойдённый Профессор Магических Наук, перевернулся на другой бок и, прежде чем снова уснуть, любезно подсказал перевод.

— Ноги, несущие плодородие? — сказала Тиффани.

— А ты умница! Правда, скажу я тебе, от полов своих я ничего такого не ожидала. Но если подумать, ничего удивительного, они ведь дере-

---

[20] Примечания: 20

…тяжёлый случай пед фекундис.

«Медицинский» термин, использованный нянюшкой Ягг, это на самом деле слегка искажённая латынь нашего мира: *Ped Fecundis*, правильнее было бы *Pedes Fecundi* «плодоносные ноги», от лат. *pes, pedis* «нога» и *fecundus* «плодородный».

вянные, вот и пытаются прорасти.

— Госпожа Ягг!

— Да?

— Простите, я не понимаю ни слова из того, о чём вы говорите! — взмолилась Тиффани. — Я всегда очень тщательно мою ноги! И мне кажется, я гигантский айсберг!

Нянюшка Ягг посмотрела на неё с участием. Тиффани уставилась в тёмные глаза, в которых плясали искорки. «Не пытайся обмануть её или что-то утаить, — посоветовал Дальний Умысел. — Все говорят, они с матушкой Ветровоск дружат ещё с юности. А значит, хоть лицо у неё и мягкое, с добрыми морщинками, но характер — стальной».

— Внизу уже согрелся чайник, — сказала нянюшка. — Давай спустимся, и ты мне всё расскажешь, хорошо?

Тиффани посмотрела слово «потаскуха» в «Неурезанном словаре» и прочла, что это означает «доступная женщина», а также «особа лёгкого поведения». Из всего этого она сделала вывод, что госпожа Гита Ягг, больше известная как нянюшка, очень уважаемая дама. Ведь вести себя со всеми легко и непринуждённо дано не каждому — чем выше происхождение, тем проще это

даётся. И если она при этом остаётся доступной, то есть не задирает нос и каждый может запросто к ней обратиться со своей бедой, это очень благородно с её стороны.

Тиффани подозревала, что госпожа Вероломна имела в виду что-то другое, но с логикой ведь не поспоришь.

Во всяком случае, слушать нянюшка умела, как никто другой. Она как будто вся превратилась в одно большое ухо, и Тиффани сама не заметила, как выложила ей всё. Вообще всё. Нянюшка сидела за столом напротив неё, попыхивая трубочкой с резьбой в виде ёжика. Время от времени она спрашивала что-нибудь вроде: «А почему так?» или «И что было потом?» — и Тиффани продолжала рассказ. Нянюшкина добродушная улыбочка могла вытянуть из человека такое, о чём он и не подозревал, что знает.

Пока они беседовали, Дальний Умысел Тиффани краем её глаза изучил комнату нянюшки.

Комната была очень яркая и чистая, и повсюду в ней красовались безделушки, дешёвые и жизнерадостные, с надписями вроде «Лучшей маме на свете». А на тех местах, которые не были заняты безделушками, стояли и висели портреты младенцев, детей и семейств.

Раньше Тиффани думала, что только богатые или родовитые люди живут в таких роскошных домах. Тут были масляные лампы! На крючке возле уборной висела самая настоящая ванна! А в доме, то есть вот прямо в доме, была водяная колонка! Но нянюшка ходила среди всех этих богатств вразвалочку в линялом и потрёпанном чёрном платье, ни капельки не роскошном.

В самом лучшем кресле комнаты с безделушками возлежал огромный серый котище, не сводя с Тиффани единственного глаза. В глазу тлело абсолютное зло. Нянюшка представила его словами: «Это Грибо, не обращай на него внимания, он просто старый жирный увалень», что Тиффани про себя перевела как: «Не подходи к нему, а не то располосует тебе ногу когтями».

Тиффани говорила и говорила. Ни с кем ещё ей не доводилось так поговорить. «Должно быть, это какая-то магия», — решил Дальний Умысел. Каждая ведьма быстро учится управлять другими с помощью голоса, но нянюшка Ягг предпочитала вслушиваться в людей.

— А этот самый Роланд, который тебе не парень, — сказала она, когда Тиффани умолкла ненадолго, чтобы перевести дыхание. — Ты как, не думала за него замуж выйти?

«Только не ври», — настойчиво посоветовал Дальний Умысел.

— Я… ну, такие вещи вроде как по собственной воле в голову приходят, стоит отвлечься, да? — сказала Тиффани. — То есть не то чтобы я нарочно об этом думала. И вообще, все остальные парни, когда видят меня, сразу начинают таращиться на свои дурацкие ноги! Петулия говорит, это из-за шляпы.

— Ну, снять шляпу, конечно, тоже помогает, — откликнулась нянюшка. — Но в мои молодые годы лучше помогали платья с глубоким вырезом, знаешь ли. Парни сразу перестают таращиться на свои дурацкие ноги, помяни моё слово.

Тиффани поймала взгляд маленьких чёрных глаз нянюшки Ягг и прыснула со смеху. Нянюшка ответила ей широкой улыбкой, которую следовало бы запереть под замок, чтобы она ненароком не оскорбила чью-нибудь нравственность, и у Тиффани почему-то отлегло от сердца. Как будто она прошла испытание.

— Хотя, боюсь, с Зимовеем этот номер не пройдёт, — сказала нянюшка, и в комнате снова сгустились тучи.

— Снежинки мне даже нравились, — вздохнула Тиффани. — Но айсберг — это, по-моему, уже

чересчур.

— Хвост перед девушкой распустил… — заметила нянюшка, попыхивая трубкой с изображением ёжика. — Все они одинаковы…

— Но ведь он может кого-нибудь убить!

— Он — зима. А зима убивает. Но по-моему, он малость растерялся, ему ж отродясь не случалось в людей влюбляться.

— Влюбляться?

— Ну, может статься, ему кажется, что он влюблён.

И маленькие чёрные глазки снова внимательно уставились на Тиффани.

— Он — стихийный дух, а они вообще-то устроены довольно просто, — продолжала нянюшка Ягг. — Но он пытается быть человеком, а это дело непростое. Мы битком набиты тем, чего он не понимает — да и не может понять, по правде говоря. Возьмём, к примеру, злость. Буря никогда не злится. Шторм ничего не имеет против людей, которых губит. Ветер не бывает жесток. Но чем больше Зимовей думает о тебе, тем больше упирается в подобные чувства, а объяснить ему, что тут к чему, некому. Он не очень-то умён. Ум ему до сих пор был без надобности. Но что любопытно, ты тоже меняешься…

В дверь постучали, нянюшка подошла и открыла её. За дверью стояла матушка Ветровоск, из-за её плеча выглядывала мисс Тик.

— Благословен будь этот дом, — буркнула матушка таким тоном, словно давала понять, что при необходимости может и отменить своё благословение.

— Ага, может, и благословен, — согласилась нянюшка.

— Ну что, пед фекундис, да? — Матушка кивком указала на Тиффани.

— Похоже, тяжёлый случай. Стоило ей босиком пройтись по полу, как половицы пустили побеги.

— Ха! Чем лечитесь? — спросила матушка.

— Я прописала ей пару тапочек.

— Я в самом деле не понимаю, как могла произойти инкарнация, речь ведь идёт о стихийных духах, а это совершенно бес… — затараторила мисс Тик.

— Не умничай, мисс Тик, — перебила её матушка Ветровоск. — Я давно заметила, что ты начинаешь умничать, когда дела плохи, а толку от твоих умничаний никакого.

— Я просто не хочу волновать девочку, вот и всё, — ответила мисс Тик. Она взяла Тиффани за

руку, ласково похлопала и сказала: — Не волнуйся, Тиффани, мы…

— Она — ведьма, — отрубила матушка. — Мы должны сказать ей правду.

— По-вашему, я становлюсь… богиней? — спросила Тиффани.

Надо было видеть их лица. Единственной, у кого не отвисла челюсть, была самодовольно ухмыляющаяся матушка Ветровоск. Она выглядела прямо как хозяин овчарки, которая только что выполнила какой-то сложный трюк.

— Как ты догадалась? — спросила матушка.

Доктор Хлопстел помог: «Инкарнация, или аватар, — земное воплощение божества». Но вам я этого не скажу, подумала Тиффани.

— А я догадалась правильно? — спросила она вслух.

— Да, — кивнула матушка. — Зимовей думает, что ты… О, у неё много имён. Летняя Владычица, или, например, Царица Цветов — очень миленькое имечко. Или Госпожа Лето. Она приносит на землю лето, в точности как Зимовей приносит зиму, его, кстати, тоже порой зовут Господин Зима. Он думает, что ты — это она.

— Ладно, — сказала Тиффани. — Но мы-то знаем, что он ошибается, верно?

— Э-э… если он и ошибается, то не так сильно, как нам бы хотелось, — проговорила мисс Тик.

Большинство Фиглей обосновались в сарае нянюшки Ягг, и в эти минуты там происходил военный совет, хотя и не совсем про войну.

— Дыкс вот, то, что приключнулось, — вещал Явор Заядло, — зовётся тяжёловый случай Полюбовных Ухаживаний.

— А чё эт' тако-сяко, Ухаживанья? — спросил какой-то Фигль.

— Ах-ха, эт' про то, как маляшек делают? — встрял Туп Вулли. — Ты нам в прошлом годе грил. Очень увлекательно, токо мал-мал надуманно, как по мне.

— Не совсем, — сказал Явор Заядло. — Эт', понимашь, такенная штукса, что не вдруг и разъяснишь. В общем, я так кумексаю, что Зимовей решил приухажнуть за малой громаздой каргой, а она ни бум-бум, как с ним быть.

— Так оно про маляшек иль нет? — спросил Туп Вулли.

— Нае, маляшек делать и животины умеют, а Ухаживанья, Любофь всякая — они токо человечески, — стал объяснять Явор. — Когда курлы-птахс видит курлы-птахсу, ему не надо грить: «Ах, моё сердце всё тыгдымит, когда я зырю

твою лицемордочку!» У птахсов и животин всё, что нужно, вродь как в балду наперёд закладено. У человеков куда запутаннее. Ухаживанья и Любофь — важные делы. Они всё больше про то, как бы парню эдак подкатить к красавке, чтоб она ему глазья не выцарапнула.

— Я ни бум-бум, кыкс мы могём научнуть её этим твойным Ухаживаньям, — сказал Мал-мал-не-в-уме Ангус.

— Мала громазда карга любит книжины, — ответил на это Явор Заядло. — Кыкс узырит книжину, тыкс прям не могёт удержаться, что не почитить. И у меня, — добавил он горделиво, — есть План.

Фигли расслабились. Они всегда радовались, когда оказывалось, что у Большого Человека есть План. Тем более что его Планы большей частью сводились к тому, чтобы всей толпой накинуться на кого-нибудь с дикими воплями.

— Рассказни, каковский у тебя План, Явор, — вежливо попросил Громазд Йан.

— Оченно хорошо, что ты спросил, — сказал Большой Человек. — План таковский: мы сыскнём нашеей карге книжину про Любофь.

— А как мы её сыскнём, Явор? — неуверенно спросил Билли Мордаст.

Как гоннагл, он был верен своему клану и Большому Человеку, но у него всегда хватало ума насторожиться, когда оказывалось, что у Явора Заядло есть План.

Глава клана беспечно махнул рукой:

— Да лехко, мы ж этот покус давно умеем. Токо и надыть, что громазд чепунец, да пальто, да распорка, да ручка от подметальника.

— Нды? — хмыкнул Громазд Йан. — Токо, чур, я в коленьи больше не полезу!

Ведьмы всегда всех и всё испытывают. Вот почему они решили испытать ноги Тиффани.

Наверняка я — единственный человек на свете, который делает такое, думала Тиффани, опуская ноги на поднос с землёй, которую спешно накопала для опытов нянюшка Ягг. Матушка Ветровоск и мисс Тик сидели на простых деревянных стульях, несмотря на то что Грибо в одиночку занял большое продавленное кресло. Никому не хочется тревожить Грибо, когда он надумал вздремнуть.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросила мисс Тик.

— Ногам немного холодно, вот и всё… ой, нет! Что-то происходит, — сказала Тиффани.

Зелёные росточки показались из земли вокруг

её ног и стали быстро расти. Потом в основании ростков появились белые выпуклости и принялись набухать, легонько отталкивая в сторону ноги Тиффани.

— Лук? — неодобрительно спросила матушка Ветровоск.

— Прости, Эсме, я в спешке ничего больше на посадку-то не нашла, — сказала нянюшка, тыча пальцем в гладкие белые луковицы. — Ого, большие какие. Молодец, Тифф.

Матушка Ветровоск содрогнулась:

— Ты ведь не собираешься есть это, а, Гита? — спросила она подозрительно. — Собираешься, да? Ты хочешь это съесть!

Нянюшка Ягг застыла с пучками лука в пухленьких ручках. Вид у неё сделался виноватый, но лишь на мгновение.

— А что такого? — невозмутимо сказала она. — Свежими овощами зимой не разбрасываются. А ножки у Тифф славные, чистенькие.

— Но так не подобает! — возмутилась мисс Тик.

— Ничего, — сказала Тиффани. — Мне не трудно. Я ведь просто поставила ноги на землю, а дальше всё произошло само собой.

— Вот видите, Тифф говорит, ей не трудно, —

подхватила нянюшка. — Так-так, кажется, у меня в одном из ящиков буфета морковные семена завалялись… — Она осеклась, заметив, какие сделались лица у остальных. — Ну ладно, ладно! Нечего так смотреть! Я просто пыталась найти хорошие стороны во всей этой истории…

— Кто-нибудь может объяснить, что со мной происходит? Пожалуйста! — взмолилась Тиффани.

— Мисс Тик растолкует тебе это длинными словами, — сказала матушка. — Но если коротко, то всё потому, что сказка идёт своим чередом. И она изменяет тебя, чтобы ты лучше ей подходила.

Тиффани постаралась сделать такое лицо, будто это вовсе не она не поняла ни единого слова из услышанного.

— Пожалуй, я бы не отказалась услышать об этом подробнее, — попросила она.

— Пойду-ка я чайку заварю, — сказала нянюшка.

Глава 7. Секреты танца

Зимний Кузнец и Летняя Владычица… кружатся в танце. Их танец длится вечно.

Зима не умирает. Смерть, как её понимают

люди, ей не грозит. Зима отступает, напоминает о себе весенними заморозками, запахом осени летними вечерами, а в самые жаркие дни скрывается в горах.

Лето не умирает. Оно уходит в землю. Посреди зимы почки защищают будущие побеги, а под слоем палой листвы медленно-медленно украдкой проклёвываются белые ростки. Кусочек лета живёт в жарких пустынях, где царит вечный зной. Для животных зима и лето — лишь времена года, холод и тепло, часть жизни.

Но явились люди и дали временам имена, точно так же, как они населили звёздное небо героями и чудовищами, превратив его в обитель сказок. Люди обожают сказки и истории: достаточно сделать что-нибудь сказкой, и оно в твоей власти — сказки можно переписывать. И вот это теперь и произошло.

Госпожа Лето и Господин Зима танцевали, меняясь местами весной и осенью, много тысяч лет, пока одна девочка как-то раз не послушалась своих ног и не вмешалась в танец в самый что ни на есть неподходящий момент.

Но сказка жила собственной жизнью. Она была словно пьеса длиною в год. И если в одной из ролей оказалась не актриса, а девочка, которую

сдуру занесло на сцену, что ж, пусть пеняет на себя. Ей придётся носить костюм, подавать нужные реплики и надеяться на счастливый конец. Измени сказку, пусть даже нечаянно, и сказка изменит тебя.

Так это запомнила Тиффани, хотя объяснение мисс Тик было куда длиннее и там попадались всякие хитрые слова вроде «антропоморфная персонификация».

— Значит, я не богиня? — спросила Тиффани.

— Если бы только у меня была доска! — вздохнула мисс Тик. — Но от бросания в омут они приходят в полную негодность, да и мелки намокают…

— Мы думаем, — напористо перебила её матушка, — что тогда, в танце, ты и Летняя Владычица… вроде как перепутались.

— Перепутались?

— Тебе достались от неё некоторые способности. Мифы утверждают, что везде, где проходит Летняя Владычица, расцветают цветы, — пояснила матушка.

— Где ступает, — строго поправила её мисс Тик.

— Что? — ощетинилась матушка, которая в задумчивости мерила шагами комнату.

— Везде, где ступает Летняя Владычица, — сказала мисс Тик. — Так… поэтичнее.

— Ха, — отозвалась матушка. — Поэзия!

«И чем мне это грозит?» — задалась вопросом Тиффани.

— Что думает сама Госпожа Лето? — спросила она. — Она зла на меня?

Матушка Ветровоск перестала мерить комнату шагами и посмотрела на мисс Тик. Та залепетала:

— Ну… да, мы рассматриваем все возможности…

— Она хочет сказать, что мы не знаем, — перебила матушка. — Это ведь боги, с ними никогда не поймёшь, что им нужно. Хотя, раз уж ты спросила, среди них попадаются и обидчивые.

— Но я не видела её, когда танцевала, — сказала Тиффани.

— А Зимовея ты видела?

— Э… нет, — признала Тиффани.

Как она могла описать то чудесное, сверкающее, летящее мгновение? В нём было гораздо больше, чем тело и разум. Но ей и правда послышалось, как два голоса хором спросили: «Кто ты?» Тиффани снова надела башмаки.

— А где она сейчас? — спросила она, туго завя-

зывая шнурки. Кто знает, вдруг придётся быстро убегать.

— Должно быть, ушла под землю до весны. Зимой Летняя Владычица не ходит по земле.

— Ну, то есть до сих пор не ходила, — вставила нянюшка. Она явно наслаждалась происходящим.

— Ах да, госпожа Ягг напомнила нам об очень важном вопросе, — вскинулась мисс Тик. — Дело в том, что Зимовей и Лето, они… ну, в смысле, они никогда… — Она умоляюще посмотрела на нянюшку.

— Они никогда не встречались, кроме как в танце, — выручила её нянюшка Ягг. — Но теперь появилась ты. И для него ты — Летняя Владычица, которая расхаживает по земле зимой, дерзкая и отважная. Так что, может статься… как бы это сказать…

— Он питает к тебе романтические чувства, — подсказала мисс Тик.

— Ну да, только я бы это немного иначе объяснила, — усмехнулась нянюшка.

— Ещё бы! — фыркнула матушка. — Ты бы объяснила такими Словами!

Тиффани отчётливо услышала, что «Слова» были произнесены с большой буквы. Должно быть,

это такие слова, каких в приличном обществе не говорят, поняла она.

Нянюшка встала и попыталась напустить на себя величественный и оскорблённый вид, но с лицом, смахивающим на улыбчивое печёное яблочко, это было не так-то просто.

— Я всего лишь хотела обратить внимание Тифф вот на что, — заявила она и сняла с ломившейся от безделушек каминной полки один из сувениров.

Это был маленький домик. Тиффани уже и сама приметила его на полке. В нём были две дверки, и в эту минуту перед одной из них стоял деревянный человечек в цилиндре.

— Это называется «погодный домик», — сказала нянюшка, протягивая вещицу Тиффани. — Не знаю, как он устроен — там внутри, кажется, такая специальная верёвочка натянута или что-то в этом роде. В общем, когда дождь, из одной дверки выходит вот этот деревянный человечек, а когда солнечно, из другой показывается маленькая женщина. Но они прикреплены к такой вращающейся штучке, видишь? И никогда не появляются одновременно, видишь? Просто не могут. И я всё думаю: вот интересно, когда погода меняется, успевает ли человечек увидеть свою

маленькую подружку, и…

— Так речь о сексе? — спросила Тиффани.

Мисс Тик уставилась в полоток. Матушка Ветровоск поперхнулась. Нянюшка зашлась таким смехом, который мог был вогнать в краску даже деревянного человечка.

— Секс? Зимы и Лета? Вот это мысль!

— Не. Смей. Её. Думать, — отчеканила матушка Ветровоск и повернулась к Тиффани: — Зимовей увлёкся тобой, вот и всё. И мы не знаем, как много силы Летней Владычицы тебе досталось. Может быть, сейчас она очень слаба. Тебе придётся быть летом всю зиму, — добавила она без выражения. — Ты это заслужила. Теперь не отвертишься. Таков твой выбор. Ты сама так решила.

— А может, я пойду разыщу её, извинюсь, и… — начала Тиффани.

— Нет, — отрезала матушка, снова принимаясь мерить шагами комнату. — Древние боги извинений не принимают. Они-то знают, что слова — это только слова.

— А знаете, что я думаю? — вмешалась нянюшка Ягг. — Я думаю, может быть, она сейчас наблюдает за тобой, Тифф. Смотрит и думает: «Интересно, что это за наглая девчонка осмелилась влезть в мою шкуру? Что ж, пускай-ка

походит в ней до поры, посмотрим, как ей это понравится…»

— Очень может быть, госпожа Ягг права, — сказала мисс Тик, листая «Мифологию» Вьюркоу. — Древние боги считают, что за ошибки нужно расплачиваться.

Нянюшка потрепала Тиффани по руке:

— Она хочет посмотреть, на что ты способна, — так покажи ей, на что ты способна, Тифф! Только и всего. Пусть удивится!

— Вы про Госпожу Лето? — уточнила Тиффани.

— И про неё тоже! — подмигнула нянюшка.

Мисс Тик издала такой звук, словно хотела засмеяться, но свирепый взгляд матушки мигом отбил у неё это желание.

Тиффани вздохнула. Хорошо им говорить о выборе, но у неё-то никакого выбора нет.

— Ну, хорошо. Что ещё может со мной произойти, кроме, гм, ног?

— Я как раз изучаю этот вопрос, — отозвалась мисс Тик, продолжая листать книгу. — О, вот. Тут сказано, что Летняя Владычица была… в смысле, была и есть прекрасней всех звёзд небесных…

Все посмотрели на Тиффани.

— Может, попробуешь сделать что-нибудь со своими волосами? — предложила нянюшка Ягг

после долгого молчания.

— Например?

— Например, хоть что-нибудь.

— Ладно, ноги и попытаться что-нибудь сделать с волосами, — резко сказала Тиффани. — Что ещё?

— Тут приводятся слова из одной очень древней рукописи, где сказано: «Она пробуждает ото сна травы в апреле и наполняет ульи пчелиные мёдом сладчайшим», — процитировала мисс Тик.

— И как мне это сделать?

— Не знаю, но подозреваю, это происходит само собой, — сказала мисс Тик.

— А заслуги приписывают Госпоже Лето?

— Думаю, ей достаточно просто быть, чтобы травы проснулись и ульи наполнились мёдом.

— Что-нибудь ещё?

— Гм, да. Ты должна будешь позаботиться о том, чтобы зима кончилась, — сказала мисс Тик. — И, конечно, разобраться с Зимним Кузнецом.

— А это как сделать?

— Мы думаем, тебе достаточно будет… быть там, — ответила матушка Ветровоск. — А может быть, когда придёт время, ты сама поймёшь, что делать.

— Мяу.

— Где это «там»? — переспросила Тиффани.

— Где бы то ни было. Повсюду.

— Матушка, у вас шляпа пищит, — сказала Тиффани. — Точнее, мяукает.

— Ничего она не мяукает, — отрезала матушка.

— А ведь и правда, — сказала нянюшка Ягг. — Я тоже слышала.

Матушка Ветровоск, что-то буркнув себе под нос, стащила с головы шляпу. Белая кошечка Эй, аккуратно свернувшаяся вокруг матушкиного узла волос на макушке, сощурилась на свету.

— Ну что с ней будешь делать, — проворчала матушка. — Стоит оставить её одну, эта негодница забивается под буфет и орёт, орёт… — Она с вызовом оглядела собравшихся. — И вообще, так хоть голова меньше мёрзнет.

Грибо, развалившийся в кресле, лениво приоткрыл жёлтый глаз.

— Эй, слезай. — Матушка сняла кошку с головы и аккуратно поставила на пол. — Думаю, у госпожи Ягг найдётся для тебя молоко на кухне.

— Найдётся-то найдётся, но не слишком много, — отозвалась нянюшка. — Прямо как будто пьёт его кто, честное слово!

Грибо широко распахнул глаз и тихо зарычал.

— Ты точно знаешь, что делаешь, Эсме? — забес-

покоилась нянюшка, потянувшись за подушкой, чтобы метнуть её в кота, если что. — Он совершенно не терпит чужаков на своей территории.

Крохотная кошечка Эй сидела на полу и намывала ушки. Когда Грибо встал, она посмотрела на него невинным котёночьим взглядом. А потом взвилась в воздух и приземлилась котяре прямо на нос, вонзив все коготки.

— Она тоже, — проговорила матушка, глядя, как Грибо вылетел из кресла, шумно промчался по комнате и исчез в направлении кухни.

Из кухни донёсся грохот кастрюль, потом наступила тишина, и только упавшая последней крышка с тихим дребезгом некоторое время крутилась на полу.

Кошечка неслышно вернулась в комнату, запрыгнула в опустевшее кресло и снова свернулась клубком.

— На прошлой неделе он половину волчьей туши приволок, — сказала нянюшка Ягг. — Ты точно не крекс-фекспериментировала[21] над этим котёнком, а, Эсме?

— Что ты, мне бы такое и в голову не пришло, — сказала матушка. — Просто она твёрдо знает, чего

---

[21] Примечания: 21

Крек-фекспериментировать означает применять магию, просто чтобы посмотреть, что будет. (*Примеч. автора*)

хочет. — Она повернулась к Тиффани: — Думаю, пока что Зимовей не будет тебя донимать. Идёт настоящая зима, и ему не до тебя. А тем временем госпожа Ягг научит тебя… тому, что она знает.

И Тиффани подумала: интересно, сильно нянюшка меня засмущает или не очень?

Где-то в снегах посреди продуваемой всеми ветрами пустоши небольшой отряд странствующих библиотекарей, сгрудившись вокруг походной плиты, ломал головы, что бы такого ещё пустить на дрова.

О библиотекарях Тиффани было известно немногое. В чём-то они походили на странствующих учителей и священников: все они заглядывали даже в самые маленькие и отдалённые деревушки и несли людям то, без чего люди легко обходились неделями, но в чём порой остро нуждались: молитвы, лекарства или факты. Библиотекари давали почитать книгу за пенни, хотя зачастую принимали в оплату и еду или чистую ношеную одежду. Если принести книгу в дар библиотеке, взамен они бесплатно разрешали почитать любые десять книг.

Порой где-нибудь на опушке леса можно было увидеть две или три их повозки, устроившиеся на стоянку, и уловить запах клея, которым библио-

текари лечили самые старые книги. Некоторые из их книг были такими древними, что даже буквы в них поблёкли, истёртые взглядами тысяч читателей.

Библиотекари были овеяны тайной. Говорили, что они с одного взгляда понимают, какая книга тебе нужна, и умеют одним только шипением лишить человека голоса.

Но сейчас они рылись на полках в поисках знаменитого труда Т. Х. Мышевода «Выживание в снегах».

Положение было отчаянным. Быки, тянувшие повозку, сорвались с привязи и убежали, когда странники попали в метель, огонь в плите догорал, но что хуже всего, догорала и их последняя свеча, и они понимали, что скоро не смогут читать.

— Волнолом Низагрош в книге «В стране снежных горностаев» пишет, что участники одной злополучной экспедиции в Китовый залив выжили, питаясь супом из пальцев собственных ног, — сказал младший библиотекарь Буркни.

— Интересно, — отозвался старший библиотекарь Свинсли, перебирая книги полкой ниже. — А рецепт он приводит?

— Нет, но, возможно, что-нибудь подходящее

есть в «Кулинарии на грани» Каркараны Протеччи. Это у неё мы нашли вчерашний «Калорийный сюрприз из варёных носков»…

Раздался громкий стук в дверь. Дверь состояла из двух частей, чтобы можно было открыть только верхнюю половину и штамповать формуляры на узкой планке, прибитой к нижней. Стук продолжался, в щель нанесло снега.

— Надеюсь, это не волки, как в прошлый раз, — сказал Буркни. — Я из-за них всю ночь не спал.

— А волки стучатся? Можно посмотреть, что пишет капитан Какс Кусто в «Волчьих обычаях», — предложил старший библиотекарь Свинсли. — Но может, ты просто откроешь дверь? Да поторапливайся! Свеча вот-вот догорит!

Буркни открыл верхнюю половинку двери. На ступеньках повозки стоял высокий силуэт, едва различимый в мерцающем, процеженном облаками лунном свете.

— Мне нужна любофь, — заявил гость.

Младший библиотекарь подумал минуту, потом спросил:

— В такую погоду?

— Вы ж книженники или как? — резко спросил незнакомец.

— Да, мы… А, любовь! Романтические приклю-

чения! Конечно! — с явным облегчением сказал старший библиотекарь Свинсли. — Думаю, вам нужна госпожа Дженкинс. Госпожа Дженкинс, выйдите к нам, будьте добры!

— А у вас там, я зырю, мёрзло, — сказал посетитель. — Сосули прям с потолков виснут.

— Да, но, к счастью, нам удаётся не подпускать их к книгам, — сказал старший библиотекарь. — Госпожа Дженкинс, этот, гм, господин, желает почитать что-нибудь о любви. Полагаю, это по вашей части.

— Да, сэр. — Госпожа Дженкинс показалась из-за стеллажа. — Какого рода любовные романы вас интересуют?

— Такенные с облогой, стрыницами и чтобы словей побольше, — пояснил посетитель.

Госпожа Дженкинс, давно привыкшая к подобным запросам, скрылась в тёмной глубине фургона.

— Эти чучундры напрочь учокнутые! — заявил новый голос. Он исходил вроде бы от незнакомца в чёрном, но откуда-то значительно ниже головы.

— Прошу прощения? — не понял старший библиотекарь Свинсли.

— Ах, пустяковины, — поспешно сказал незна-

комец. — Эт’ у меня коленье ноет, давнишняя история.

— Чего б им просто не попалить все ихние книжины? — проворчало невидимое колено.

— Звиняй, эти коленьи так и норовят обпозорить человека. Ох и умучился я с ними, — сказал незнакомец.

— Я знаю, как оно бывает. Мои локти тоже не дают мне покоя в плохую погоду, — согласился старший библиотекарь.

В нижних регионах посетителя явно шла борьба, и незнакомец покачивался, как тряпичная кукла.

— С вас пенни, — сказала госпожа Дженкинс. — И я должна записать ваше имя и адрес.

Гость в чёрном содрогнулся.

— Но я… мы нипочём не грим наши имена и адресы, — выпалил он. — Релихия запрещает. Э… Послушайте, не хочу быть такой наглой позадницей, как моё коленье, но чегой вы тут седаете и умерзаете вусмерть?

— Наши быки разбежались, а снег, увы, слишком глубок, чтобы можно было идти пешком, — объяснил Свинсли.

— Ах-ха. Но у вас есть печура и малакуча сухих старых книжин, — сказал незнакомец.

— Да, конечно. — Библиотекарь посмотрел на посетителя озадаченно.

Повисла одна из тех пренеприятных пауз, которые образуются, когда собеседники совершенно не готовы принять точку зрения друг друга.

Потом раздалось:

— Ну, тады давай мы — я и моё коленье — пойдём сыскнём вашиих му-зверей, а? — предложил загадочный незнакомец. — Нехудо за пенни, ыть? Громазд Йан, я тебе щаз кыкс накидаю по перво число!

Незнакомец покачнулся назад и исчез — или, скорее, выпал — из виду. Послышался шум драки, потом — удаляющиеся в снежную мглу вопли: «Раскудрыть!»

Библиотекари уже хотели закрыть дверь, когда услышали испуганное мычание быков. Мычание быстро приближалось.

Две снежные волны катились по искрящейся в свете луны пустоши. Быки мчались на них, словно любители кататься на досках в море, и истошно вопили на луну. В нескольких шагах от фургона они остановились, снег улёгся. Мелькнуло что-то синее и рыжее, и любовный роман исчез, как не бывало.

Но самое удивительное, по единодушному

мнению библиотекарей, было то, что быки примчались к ним задом наперёд.

Смущаться от рассказов нянюшки Ягг оказалось трудно, потому что её жизнерадостный смех прогонял любое смущение. Саму её не могло смутить ничто.

В этот день Тиффани, поддев лишнюю пару носков, чтобы избежать нечаянного озеленения, отправилась вместе с нянюшкой «обходить дома», как это называли ведьмы.

— Ты ведь ходила по домам с госпожой Вероломной? — спросила нянюшка.

К горам со всех сторон стягивались пухлые тяжёлые тучи. Ночью наверняка выпадет ещё больше снега, чем вчера.

— Да. И с тётушкой Вровень, и с госпожой Жилетт.

— И как, нравилось оно тебе? — Нянюшка плотнее запахнула плащ.

— Иногда. То есть я знаю, почему мы этим занимаемся, но порой кажется, что нет уже никаких сил терпеть человеческую глупость. А вот лечить людей мне очень даже нравится.

— Недурно разбираешься в травах небось?

— Нет. Я очень хорошо разбираюсь в травах.

— А ты не скромничаешь, да? — усмехнулась

нянюшка.

— Если бы я не понимала, что очень хорошо разбираюсь в травах, я была бы полной дурой, госпожа Ягг, — сказала Тиффани.

— Это верно. Хорошо. Хорошо, когда в чём-то хорошо разбираешься. А теперь давай окажем небольшую услугу…

…одной старушке, которую надо было помыть, насколько это возможно при помощи двух латунных тазов и тряпок. И это было ведьмовское дело. А потом они навестили женщину, которая недавно родила, и это тоже было ведьмовское дело. А потом — человека со страшной раной на ноге, и нянюшка сказала, что нога очень хорошо заживает, и это тоже было ведьмовское дело. А потом они отправились к нескольким домишкам далеко на отшибе, зашли в один из них и поднялись по узкой деревянной лестнице в тесную спальню, где какой-то старик выстрелил в них из арбалета.

— Что, старый чертяка, не сдох ещё? — весело приветствовала его нянюшка. — Выглядишь молодцом. Зуб даю, парень с косой забыл, где ты живёшь!

— Пусть приходит, я только того и жду, госпожа Ягг, — оскалился в ответ старик. — Уж если мне

придётся помереть, я и его с собой прихвачу!

— А это вот Тифф, она на ведьму учится, — сказала нянюшка, повысив голос. — Тифф, это господин Концавел… Тифф? — Она прищёлкнула пальцами перед лицом Тиффани.

— А? — отозвалась Тиффани. Взгляд её застыл от ужаса.

Звук спущенной тетивы, раздавшийся, когда нянюшка открыла дверь, сам по себе здорово её напугал. Но Тиффани на миг показалось, что стрела пронзила нянюшку Ягг насквозь и застряла в косяке.

— Как тебе не стыдно, Билл, стрелять в девочек, — пожурила старика нянюшка, взбивая его подушки. — И госпожа Лозоход жаловалась, что ты всякий раз в неё стрелы пускаешь, когда она приходит тебя навестить, — добавила она, опуская свою корзинку на пол возле кровати. — Разве так поступают с почтенной женщиной, которая приносит тебе еду, а? Стыдись!

— Прости, нянюшка, — смутился старик. — Просто она тощая и ходит в чёрном. Немудрено и ошибиться, впотьмах-то.

— Старина Концавел лежит и ждёт Смерть, Тифф, — пояснила нянюшка Ягг. — Госпожа Ветровоск помогла устроить для него ловушки и

сделать особые стрелы, верно, Билл?

— Ловушки? — шёпотом переспросила Тиффани.

Нянюшка подтолкнула её локтем и показала на пол. По всему полу щетинились страшные зубастые капканы. Все они были нарисованы углем.

— Верно я говорю, Билл? — повторила нянюшка громче. — Она помогла тебе с капканами!

— Помогла! — подтвердил господин Концавел. — Ха! Не хотел бы я разозлить эту женщину!

— Правильно, так что больше не стреляй ни в кого, кроме Смерти, договорились? А то матушка не будет тебе помогать. — Нянюшка поставила на старый деревянный ящик, служивший столиком у кровати, бутылку. — Твоё зелье, только что сваренное. Где она держит твою боль?

— Прямо тут, над плечом, нянюшка. Там она меня совсем не беспокоит.

Нянюшка прикоснулась к плечу старика и, казалось, на минуту задумалась.

— Такая бело-коричневая загогулина? Вытянутая малость?

— Точно, нянюшка. — Старик потянул пробку из бутылки. — Корчится там, а я знай себе посмеиваюсь.

Он откупорил бутылку, и комната наполнилась

запахом яблок.

— Она уже немаленькая, и растёт, — сказала нянюшка Ягг. — Матушка Ветровоск зайдёт вечером и заберёт её.

— Твоя правда, нянюшка. — Старик наполнил свою кружку до краёв.

— Только постарайся уж в неё-то не стрелять. Она от этого только злится.

Когда они выбрались из лачуги Концавела, снова пошёл снег. Большие пушистые хлопья падали с неба и останавливаться не собирались.

— На сегодня вроде всё, — объявила нянюшка Ягг. — Мне ещё надо повидать кой-кого в Ломте, но это уж завтра, на метле полетим.

— Стрела, которую он выпустил в нас… — начала Тиффани.

— Воображаемая, — улыбнулась нянюшка.

— Но на мгновение она показалась настоящей!

— Ты не поверишь, что Эсме Ветровоск может навоображать!

— Например, капканы для Смерти?

— О да. Что ж, зато у старика не гаснет воля к жизни. Он уже на пути к Двери, бедняга. Хорошо хоть Эсме заботится, чтобы он не страдал от боли.

— И поэтому боль парит у него над плечом? —

спросила Тиффани.

— Ага. Эсме её туда пристроила, так что старику совсем не больно, — сказала нянюшка.

Снег скрипел у них под ногами.

— Я и не знала, что вы так можете! — воскликнула Тиффани.

— Я могу так только с малой болью, зубной там или вроде того. А вот Эсме в этом деле нет равных. Как припрёт, любая ведьма забывает свою гордость и зовёт матушку на помощь. Она, видишь ли, здорово в людях понимает. Но вот ведь странно, при этом их совсем не любит.

Тиффани взглянула на небо, а нянюшка была из тех, с кем очень нелегко, потому что они всё замечают.

— Что, гадаешь, не заявится ли твой дружок? — спросила она, широко ухмыляясь.

— Нянюшка! Ну в самом деле! — возмутилась Тиффани.

Однако нянюшку Ягг пристыдить было невозможно.

— Но ведь это правда, скажешь, нет? Хотя, если подумать, он ведь всегда рядом. Ты идёшь сквозь него, он ложится на твои плечи, ты отряхиваешь его с башмаков, когда входишь в дом…

— Не говорите так, пожалуйста, — попросила

Тиффани.

— Да и вообще, что значит время для духа? — продолжала щебетать нянюшка как ни в чём не бывало. — И знаешь, я думаю, снежинки не сами себя лепят, особенно если надо им правильно руки-ноги приделать…

Она следит за мной краем глаза, подумала Тиффани. Хочет посмотреть, покраснею я или нет. Это уж наверняка.

Тут нянюшка вдруг игриво ткнула её локтем под ребро и засмеялась, как она это умела, — услышь этот смех камни, и те бы покраснели.

— А ты молодец! Было у меня несколько приятелей, которых я бы с удовольствием с башмаков отряхнула!

Вечером, собираясь лечь спать, Тиффани обнаружила под подушкой книгу.

Автором значилась Марджори Дж. Бюстье, заголовок, отпечатанный огромными красными буквами, гласил: «ИГРУШКА СТРАСТЕЙ», а под ним шла надпись буквами помельче: «Боги и Люди говорили, что им не суждено быть вместе, но они не желали слушать!! Душещипательнейшая история пылкой любви от автора “Разлучённых сердец”!!!»

На обложке была довольно крупно нарисо-

вана темноволосая молодая женщина, одетая, на взгляд Тиффани, довольно скудно. И волосы, и одежды её развевались на ветру. Лицо у неё было отчаянно-решительное и в то же время немного неприветливое. За женщиной издалека наблюдал красавец на лошади. Похоже, бушевала гроза.

Странно. На титульном листе стоял библиотечный штамп, а нянюшка никогда не брала книг в библиотеке. Что ж, можно и почитать немного, прежде чем задуть свечу…

Тиффани перевернула первую страницу. Потом вторую. Дойдя до девятнадцатой, она встала и нашла «Неурезанный словарь».

У Тиффани были старшие сёстры, так что кое-что об отношениях с мужчинами она вроде бы знала. Но Марджори Дж. Бюстье понимала многие вещи до смешного неправильно. На Меловых холмах ни одна девушка не стала бы убегать от молодого человека, который достаточно богат, чтобы разъезжать на собственной лошади. А если бы и стала, то недолго, недалеко и непременно так, чтобы он сумел её догнать. А ещё Мегс, героиня книжки, ничегошеньки не понимала в фермерстве. Кому нужна жена, не способная дать корове лекарство или поднять молодого кабан-

чика? Какой от неё прок в хозяйстве? Губы как спелые вишни — это прекрасно, но, сколько ни красуйся с таким личиком, коровы от этого сами не подоятся, а овцы не постригутся.

И, кстати, об овцах. Эта Марджори Дж. Бюстье вообще что-нибудь смыслит в овцеводстве? Дело происходит летом, на ферме, где разводят овец, так? Ну и когда, спрашивается, была стрижка? Для пастухов это второе по важности событие в году, а про него в книжке ни слова!

Конечно, возможно, они держали подушных баранов или долинных куркулей, которые не требуют стрижки, но это редкие породы, почему же об этом не написано?

А тот случай в пятой главе, когда Мегс отправилась с Роджером собирать орехи, бросив овец на пастбище? Это ж надо вовсе ума лишиться, чтобы такое натворить! Овцы ведь разбредутся и потеряются! Да и вообще, какой дурак ходит по орехи в июне?

Тиффани прочла ещё несколько страниц и подумала: а, ясно. Хмм. Ха. Не за орехами они пошли, значит. На Меловых холмах это зовут «искать кукушкины гнёзда».

Тут ей пришлось отложить книжку, чтобы сходить вниз за новой свечой. Вернувшись, Тиффани

забралась обратно в постель, дождалась, пока ноги согреются под одеялом, и снова взялась за чтение.

Мегс может выйти замуж за Вильяма, мрачного и черноглазого владельца аж двух с половиной коров, или поддаться на ухаживания Роджера, который зовёт её «моя гордая красавица», но на самом деле он явно негодяй, потому что ездит на чёрном жеребце и носит усы. И кого же ей выбрать?

А с чего она решила, что ей непременно надо выйти замуж не за одного, так за другого? И кто делает всю работу, пока она кокетливо прислоняется то к стенке, то к забору и надувает губки? И если она будет всё время расхаживать в таком наряде, то точно простудится.

Просто удивительно, как мужчины всё это терпят. Однако тут есть над чем подумать…

Тиффани задула свечу и скользнула под стёганое пуховое одеяло, белое как снег.

Меловые холмы укрывал снег. Он ложился на землю вокруг овец, и овцы среди белизны казались желтоватыми. Он застил звёзды, но искрился собственным светом. Он лип к окнам домов, и окна слепли, оранжевые огоньки свечей не могли пробиться в ночь. Но замок был ему не

по зубам. Замок стоял на холме чуть в стороне от деревни, его каменная башня высилась над крытыми соломой домишками, утверждая свою власть. Дома, казалось, проросли из земли, а замок — наоборот, пригвоздил её к месту. Он будто заявлял: «Я владею».

Роланд сидел у себя в комнате и тщательно подбирал слова для нового письма. На стук в дверь он не обращал внимания.

Аннаграмма, Петулия, госпожа Вероломна — Тиффани постоянно упоминала чужестранцев со странными именами. Иногда он пытался представить их себе и гадал, уж не сочинила ли она всё. Со слов Тиффани выходило, что ведьмовское ремесло… совсем не такое, как его расписывают. Это скорее…

— Ты слышал, негодник? — В голосе тёти Дануты звенело торжество. — Теперь твоя дверь закрыта на засов снаружи! Ха! Это для твоего же блага, разумеется. Будешь сидеть здесь, пока не надумаешь извиниться.

…тяжёлая работа, если называть вещи своими именами. Конечно, ведьмы делают достойное дело, навещают больных и всё такое, но хлопот в их жизни много, а магии, наоборот, не очень. Роланд слышал о «танцах без ничего» и старался

не рисовать их в своём воображении, но, похоже, ведьмам вовсе не до танцев. Даже в полётах на метле, судя по тому, как описывала их Тиффани…

— И мы узнали про твой потайной ход, вот! Его уже заделывают! Больше ты не будешь насмехаться над людьми, которые для тебя же стараются!

…нет ничего захватывающего. Роланд замер, глядя невидящим взглядом на горы хлеба и колбас, сложенные за спинкой кровати. Надо будет вечером раздобыть лука, подумал он. Генерал Тактикус утверждает: если вам неоткуда взять свежих фруктов, лук совершенно незаменим для нормального пищеварения.

Что же написать, что же ей написать… О! Точно, надо будет рассказать про званый вечер. Роланд собрался туда лишь потому, что отец, когда ему ненадолго стало лучше, попросил его сходить. Важно поддерживать хорошие отношения с соседями, но только не с родственниками! Приятно было для разнообразия пообщаться с людьми, кроме того, ему удалось оставить лошадь в стойле у господина Храбра, где тётушкам не придёт в голову её искать. Да! Тиффани понравится читать про званый вечер и бал.

Тётки кричали, что заперли на замок комнату отца. И потайной ход скоро заложат. Значит, теперь всё, что Роланду осталось, это камень в стене, который можно вынуть и оказаться за портьерой в соседней комнате, плита в полу, которую можно поднять и спрыгнуть в комнату этажом ниже, и, разумеется, цепь, по которой можно спуститься через окно. А на столе, прямо на книге генерала Тактикуса, лежал новенький набор ключей от всех дверей в замке. Их сделал для Роланда господин Храбр. Кузнец был благоразумным человеком и понимал, что с будущим бароном лучше не ссориться.

Пусть делают что хотят, Роланд сможет входить и выходить по собственному усмотрению. Они могут издеваться над его отцом, могут орать хоть до посинения, но они никогда его не получат.

Из книг можно узнать много полезного.

Зимовей узнавал новое. Знание давалось ему трудно, и дело шло медленно, ведь ему приходилось создавать себе мозг изо льда. Тем не менее он уже выяснил, что существуют люди из снега — снеговики. Их делают люди поменьше. Интересно. Из больших людей Зимовея могли слышать только те, что с остроконечными головами. Остальные твёрдо знали, что никакой

голос не может говорить с ними из пустоты.

Однако маленькие люди пока ещё не усвоили эту истину.

В большом городе стоял большой снеговик.

На самом деле было бы точнее назвать его грязевиком. То есть формально он был из снега, но этот снег по пути на землю успел впитать городской дым, смог и испарения и сделаться желтовато-серым, а когда очутился на мостовой, колёса повозок крепко замешали его с содержимым сточных канав. Так что это был в лучшем случае недоснеговик. Но трое перепачкавшихся в грязи детей всё равно упорно трудились над ним, потому что так уж положено зимой: слепить нечто и назвать это снеговиком. Даже если оно жёлтое.

Использовав то, что смогли найти на улице, дети сделали глаза снеговика из двух конских яблок[22], а нос — из дохлой крысы.

И снеговик заговорил. Его голос раздался у них в головах:

— *Маленькие люди, зачем вы это делаете?*

Тот, кто, возможно, был в этой компании старшим из мальчиков, переглянулся с той, кто,

---

[22] Примечания: 22

Их так называют потому, что по форме они похожи на яблоки, а делают их лошади. (*Примеч. автора*)

возможно, была старшей из девочек.

— Если ты это слышала, то и я тоже, — сказал он.

Девочка была ещё слишком мала, чтобы подумать: «Снеговики не разговаривают», когда один из них только что заговорил с ней. Поэтому она сказала:

— Их надо вставить, чтобы из тебя получился снеговик.

— *Это сделает меня человеком?*

— Нет, потому что… — Девочка растерялась.

— Потому что у тебя нутро неправильное, — объяснил третий ребёнок, определённо самый младший из всех троих, но девочка или мальчик — разглядеть под многочисленными слоями одежды было невозможно.

Из-за этих слоёв ребёнок был совершенно круглым. На голове у него красовалась розовая шапка с помпоном, но это ни о чём не говорило. Кто-то, впрочем, потрудился обозначить некоторые ориентиры: на варежках малыша были вышиты «П» справа и «Л» слева, на пальтишке — «ПЕР» спереди и «ЗАД» сзади, на макушке шапочки с помпоном значилось «В», а на подошвах резиновых сапожек, вероятно, «Н». Таким образом, хотя со стороны и невозможно было определить, что

перед вами за создание, вы легко могли понять, стоит оно нормально или вверх ногами и в какую сторону развёрнуто.

Мимо проехала повозка, плеснув свежей волной слякоти.

– *Нутро?* — переспросил таинственный голос снеговика. — *Да, нужно нутро из особой пыли. Но что это за пыль?*

— Железная, — уверенно заявил, возможно, старший из мальчиков. — Железа довольно, чтоб выковать гвоздь.

— Ах да, точно, — вспомнила, возможно, старшая из девочек. — Мы прыгали под этот стишок через скакалку. Как там… «Железа довольно, чтоб выковать гвоздь, воды довольно, чтоб быка утопить…»

— Пса, — поправил, возможно, старший из мальчиков. — «Железа довольно, чтоб выковать гвоздь, воды довольно, чтоб пса утопить, серы довольно, чтоб блох прогнать…» А бык был в «довольно яду, чтоб быка убить».

— *Что это?* — спросил снеговик.

— Это… вроде как… старая песенка такая, — сказал, возможно, старший из мальчиков.

— Нет, это стишок. Все его знают, — сказала, возможно, старшая из девочек.

— Ага, называется «Из чего только сделаны люди», — сказал ребёнок, который не стоял на голове.

— *Расскажите мне его целиком,* — потребовал снеговик.

И, стоя на покрывающейся льдом мостовой, дети припомнили всё, что смогли. Потом, возможно, старший из мальчиков робко спросил:

— А теперь ты возьмёшь нас с собой полетать или облом?

— *Нет,* — сказал снеговик. — *Мне нужно спешить на поиски. На поиски того, что делает человеком!*

Однажды после обеда, когда воздух стал холодать, в дверь нянюшкиного дома отчаянно застучали. Это оказалась Аннаграмма. Ей открыли, и она ввалилась в комнату, едва не упав. Выглядела она ужасно, у неё зуб на зуб не попадал.

Нянюшка и Тиффани устроили её поближе к огню, но она заговорила прежде, чем зубы согрелись:

— Ч-ч-ч-черепа! — выдавила она.

Ох, только не это, подумала Тиффани.

— Что — «черепа»? — спросила она.

Нянюшка тем временем проворно принесла из

кухни горячее питьё.

— Ч-ч-ч-ч-черепа г-г-г-госпожи Вер-р-р-ломны!

— Ясно. И что с ними такое?

Аннаграмма жадно отхлебнула из кружки и выпалила:

— Что ты с ними сделала?

Горячее какао хлынуло по её подбородку.

— Похоронила вместе с ней.

— О нет! Зачем!

— Это же черепа. Нельзя было просто оставить их где попало.

Аннаграмма безумными глазами оглядела комнату:

— Тогда можешь одолжить мне лопату?

— Аннаграмма! Нельзя раскапывать могилу госпожи Вероломны!

— Но мне позарез нужны черепа, хоть какие-нибудь! — не унималась Аннаграмма. — Люди там, в моём уделе… Они прямо как будто в прошлом застряли! Я своими руками побелила весь дом! Ты представить себе не можешь, чего стоит побелить чёрные стены и потолок! А они недовольны! О кристаллотерапии и слышать не хотят! Только хмурятся и твердят, что госпожа Вероломна давала им какое-то чёрное липкое снадобье,

ужасно противное на вкус, зато оно помогало! И постоянно пристают ко мне с какими-то своими мелкими дрязгами, а я ума не приложу, о чём они вообще! А сегодня утром помер какой-то старик, и мне надо будет обмыть тело, а ночью я буду с ним сидеть! Это так… ну, ты понимаешь… Брр!

Тиффани покосилась на нянюшку Ягг — та сидела в любимом кресле, тихо попыхивая трубкой. Глаза у неё блестели. Поймав выразительный взгляд Тиффани, она подмигнула:

— Ну, девочки, вы тут поболтайте себе, а я пойду, ага?

— Спасибо, нянюшка. И, пожалуйста, не подслушивайте под дверью.

— Подслушивать личные разговоры? Шутишь! — фыркнула нянюшка и удалилась на кухню.

— А она будет подслушивать? — шёпотом спросила Аннаграмма. — Если госпожа Ветровоск пронюхает, я пропала.

Тиффани вздохнула. Неужели Аннаграмма вообще ничего не понимает?

— Конечно, будет. Она же ведьма.

— Но она сказала, что не будет!

— Она подслушает, но притворится, что не подслушивала, и никому ни слова не расска-

жет, — объяснила Тиффани. — В конце концов мы ведь у неё в доме.

Аннаграмма явно была в отчаянии.

— А во вторник мне, наверное, придётся лететь в какую-то там долину и принимать роды. Ко мне приходила старуха и что-то прошамкала про это!

— Должно быть, госпоже Ойгладь пришло время рожать, — припомнила Тиффани. — Я ведь оставила тебе подробные записи! Ты их прочла?

— Наверное, госпожа Увёртка куда-то прибрала твои записки, — сказала Аннаграмма.

— Ты должна была их посмотреть! Я их целый час писала, — с упрёком сказала Тиффани. — На три листа получилось! Послушай, давай ты для начала немного успокоишься, хорошо? Ты что-нибудь знаешь о повивальном деле?

— Госпожа Увёртка говорит, роды — естественный процесс и надо только не мешать природе, — заявила Аннаграмма, и Тиффани отчётливо расслышала презрительное фырканье из-за двери кухни. — Но я знаю успокаивающий наговор.

— Ну, он тебе, возможно, пригодится, — слабым голосом сказала Тиффани.

— Госпожа Увёртка говорит, деревенские женщины знают, что делать, — с готовностью

принялась вещать Аннаграмма. — Она советует полагаться на их крестьянскую мудрость.

— Знаешь, бабка Оббло, та старуха, что принесла тебе новость, если чем и отличается, так это крестьянской глупостью, — сказала Тиффани. — Она будет к ранам прелые листья прикладывать, стоит тебе отвернуться. Если женщина потеряла все зубы, это ещё не значит, что она набралась мудрости. Возможно, она просто умудрилась так долго оставаться глупой. Даже близко не подпускай бабку Облло к госпоже Ойгладь, пока не родится ребёнок. А роды, насколько я знаю, обещают быть трудными.

— Ну, я знаю множество подходящих заклинаний…

— Ты что! Никакой магии! Только чтобы боль снять. Это-то ты умеешь?

— Да, но госпожа Увёртка говорит…

— Тогда почему бы тебе не попросить её помочь тебе, а?

Аннаграмма уставилась на Тиффани — последние слова прозвучали чуть громче, чем той хотелось бы. Но Аннаграмма тут же нацепила на лицо улыбочку, которую, вероятно, считала дружеской. Хотя выглядело это так, словно она слегка спятила.

— Эй, послушай, у меня есть отличная идея! — воскликнула она, сияя, как хрустальный шар, готовый разлететься вдребезги. — А давай ты вернёшься и будешь работать на меня?

— Нет. У меня своей работы хватает.

— Ну, Тиффани, у тебя же так хорошо получается возиться со всеми этими родами и болячками, — залебезила Аннаграмма. — Похоже, у тебя к этому природный дар.

— Я начала помогать овцам на окоте, ещё когда была маленькой, вот и весь секрет. Маленькими руками проще распутывать всякое внутри.

На лице Аннаграммы появилось затравленное выражение, как всегда, когда она сталкивалась с чем-то таким, что не сразу помещалось у неё в голове.

— Внутри овцы? Ты хочешь сказать…

— Да, конечно.

— Распутывать?

— Иногда ягнята пытаются родиться задом наперёд, — пояснила Тиффани.

— Задом наперёд… — повторила Аннаграмма слабым голосом.

— А с близнецами ещё сложнее.

— Близнецы… — Тут Аннаграмма вдруг заговорила увереннее, словно заметила слабое место

в словах Тиффани: — Но послушай, я столько раз видела пастухов и пастушек на картинках, и они ничего такого не делали! Я думала, там достаточно просто… ну, стоять и смотреть, как овцы едят траву.

Иногда казалось, что мир станет лучше, если кто-нибудь будет время от времени отвешивать Аннаграмме хорошую оплеуху. Её привычка не задумываясь, просто по глупости плевать в чужую душу, полное отсутствие интереса к чему бы то ни было, кроме собственной персоны, её манера разговаривать с людьми, как будто они туговаты на ухо или глуповаты, могли кого угодно вывести из себя. Но приходилось терпеть, потому что время от времени удавалось заглянуть глубже и увидеть то, что скрывается за всем этим. А скрывалась там маленькая, до судорог напуганная девочка, которая смотрела на мир, как кролик на лису, и вопила в надежде, что мир уйдёт и не сделает ей больно. И ведьмы, такие вроде бы мудрые, собрались, посовещались и дали ей удел, где и кому посильнее пришлось бы тяжело.

Что-то тут не так.

Нет, тут определённо что-то не так.

— Овцам приходится помогать, только когда

окот идёт трудно, — сказала Тиффани, лихорадочно размышляя. — А это всегда бывает холодными дождливыми ночами на дальних пастбищах. Художников никогда поблизости не оказывается. Удивительно, но факт.

— Почему ты так смотришь на меня? — спросила Аннаграмма. — Будто меня тут нет!

Тиффани моргнула. Ну хорошо, подумала она. И что я могу сделать?

— Ладно, я помогу тебе обмыть покойника, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее. — И, наверное, с госпожой Ойгладь смогу помочь тоже. Или попроси Петулию. Она это хорошо умеет. Но бдение с покойным — это уж твоя забота.

— Хочешь сказать, мне надо будет просидеть всю ночь рядом с мертвецом? — содрогнулась от ужаса Аннаграмма.

— Можешь взять что-нибудь почитать.

— Наверное, я смогу нарисовать магический круг возле своего стула для защиты… — пробормотала Аннаграмма.

— Нет, — сказала Тиффани. — Никакой магии. Неужели госпожа Увёртка тебе этого не говорила?

— Но магический круг…

— ...только привлечёт внимание. Кто-нибудь может явиться посмотреть, отчего там появился круг. Не волнуйся, мы делаем это только потому, что старикам так спокойнее.

— Вот ты сказала, кто-нибудь может заявиться...

Тиффани вздохнула:

— Так и быть, я посижу с тобой. Но только в этот раз.

Аннаграмма просияла.

— Да, ты спрашивала насчёт черепов, — сказала Тиффани. — Подожди минуту...

Она поднялась к себе и взяла каталог товаров «Боффо», который прятала в своём старом чемодане. Аккуратно свернув его, она вручила брошюрку Аннаграмме:

— Не смотри сейчас. Подожди, пока останешься одна. Возможно, это наведёт тебя на мысли. Хорошо? Я заскочу за тобой вечером, около семи.

Аннаграмма ушла, а Тиффани села и стала считать про себя. На счёте «пять» в комнату вошла нянюшка Ягг, энергично обмела от пыли несколько безделушек и только потом спросила:

— А твоя подружка уже ушла?

— Думаете, я глупая, да? — спросила Тиффани.

Нянюшка притворилась, что занята уборкой.

— Понятия не имею, о чём вы тут толковали, я не слушала, — сказала она. — Но если бы слушала, то подумала бы, что на благодарность я бы на твоём месте не рассчитывала.

— Зря матушка заварила эту кашу, — сказала Тиффани.

— Зря, говоришь? — с невинным видом переспросила нянюшка.

— Я не дурочка, — ответила Тиффани. — Я обо всём догадалась.

— Догадалась, значит? Надо же, какая ты умница. — Нянюшка опустилась в кресло. — И о чём же ты догадалась?

Это будет нелегко, подумала Тиффани. Бóльшую часть времени нянюшка знай улыбалась да похохатывала. Когда она делалась серьёзной, это пугало. Но Тиффани не собиралась отступать.

— Оставлять дом мне было никак нельзя, — начала она. — Да, я могу справиться почти со всеми повседневными делами, но мне слишком мало лет, чтобы получить собственный удел. Некоторые вещи люди не станут рассказывать тринадцатилетней девочке, не важно, какая на ней шляпа. Но матушка распустила слух, будто хочет, чтобы дом отошёл мне, и все решили, что надо выбирать между мной и Аннаграммой, да?

И выбрали её, потому что она старше и как будто хорошо подготовлена. И вот теперь дела у неё плохи. Она не виновата, что её учили магии, а не ведьмовству. А матушка хочет, чтобы Аннаграмма опозорилась и все увидели, какая плохая наставница вышла из госпожи Увёртки. Я думаю, это неправильно.

— Я бы на твоём месте ещё подумала, прежде чем судить, чего хочет Эсме Ветровоск, — произнесла нянюшка. — Я никому ни слова не скажу. Можешь отправляться помогать своей подружке, если хочешь. Но ты по-прежнему будешь работать на меня, уговор? Это по-честному. Как твои ноги?

— Хорошо, нянюшка. Спасибо, что спросили.

А за сотни миль от них господин Перегар Джонсон знать не знал ни о Тиффани, ни о нянюшке Ягг, ни о чём бы то ни было, кроме напольных, настенных и наручных часов, которые составляли его ремесло. Ещё он знал, как побелить извёсткой кухню, чтобы она без лишних затрат и усилий снова стала чистой и опрятной, хотя возня с побелкой сама по себе — дело довольно-таки пачкучее. Поэтому он так и не понял, почему несколько горстей белого порошка взмыли из ведра прежде, чем он успел добавить туда воду,

на мгновение зависли в воздухе, будто призрак, и вылетели в трубу. В конце концов он решил, что во всём виноваты тролли — что-то их в последнее время уж больно много понаехало. Особой логики в таком объяснении не было, но когда люди верят в нечто подобное, их вера редко бывает логичной.

А Зимовей подумал: *Извести довольно на человека!*

В ту ночь Тиффани сидела с Аннаграммой и старым Тиссо, хотя старик, конечно, не сидел, а лежал, потому что уже умер. Тиффани никогда не нравилось бдеть над покойниками. Это было не из тех занятий, которые вообще могут нравиться. И когда небо за окном начинало светлеть и раздавались первые птичьи голоса, она всегда чувствовала облегчение.

Пока тянулась ночь, старый Тиссо время от времени издавал негромкие звуки. То есть, конечно, издавал их не он, он-то встретил Смерть много часов назад, а покинутое им тело, и звуки по сути были всё равно что скрипы и потрескивания остывающего старого дома.

Очень важно не забывать об этом в два часа ночи. Особенно когда пламя свечи мерцает и колеблется.

Аннаграмма храпела. Вряд ли нашёлся бы на свете другой человек с таким маленьким носом, которому удавалось выдавать столь могучий храп. Звук был, будто пилят доску. Если поблизости и слонялись какие-то злые духи, то наверняка разбежались в испуге.

Начало каждого раската — «Гн-гн-гнх-ххх!» — ещё можно было вынести, и громоподобное «Хырррррр!», которое следовало потом, тоже казалось Тиффани вполне терпимым. Весь ужас был в паузе между «Гн-гн-гнх-ххх!» и «Хырррррр!». Этот отрезок тишины потихоньку сводил Тиффани с ума. Он всегда был разной длины. То «Гн-гх-гнх-ххх-хырррррр!» сливалось в один пассаж, то после «Гн-гн-гнх-ххх!» так долго было тихо, что Тиффани невольно затаивала дыхание в ожидании, когда же наконец раздастся «Хырррррр!». Если бы Аннаграмма выбрала наконец какую-то одну продолжительность паузы, терпеть её храп было бы куда легче. Порой она вовсе затихала, и в комнате воцарялась благословенная тишина, но после антракта начиналось следующее отделение концерта, причём вступлением, как правило, служило тихое «мн-мн-мн», когда Аннаграмма ёрзала в кресле.

– Где ты, Царица Цветов? Кто ты? Сейчас ты

должна бы спать!

Голос был таким тихим, что Тиффани, наверное, и не расслышала бы его, если бы не замерла в ожидании очередного «Гн-гн-гнх-ххх!». И вот оно разразилось:

— Гн-гн-гнх-ххх!

– Идём со мной, Царица Цветов! Я покажу тебе мой мир. Я покажу тебе все цвета льда!

— ХЫРРРРРР!

Примерно три четверти Тиффани подумали: «О нет! А если я отвечу — он найдёт меня? Нет. Если бы он мог найти меня, он бы уже был здесь. А ладонь не чешется».

А оставшаяся четверть подумала другое: «Со мной говорит бог или некто, равный богам, и было бы очень здорово, Аннаграмма, если б ты перестала храпеть, заранее спасибо».

— Гн-гн-гнх-ххх!

— Я же сказала, мне жаль, что так вышло, — прошептала Тиффани, глядя на мерцающий огонёк свечи. — Я видела айсберг. Это… очень мило с твоей стороны.

— С тех пор я сделал ещё много таких айсбергов.

— ХЫРРРРРРРРРРРР!

Много айсбергов, подумала Тиффани. Мно-

жество огромных ледяных плавучих гор, за которыми тянется шлейф туманов и бурь, и каждая гора выглядит в точности как я. Сколько кораблей уже врезались в них?

— Не стоило так утруждаться, — шепнула она.

— *Я становлюсь всё сильнее! Я прислушиваюсь и учусь! Я понимаю людей!*

За окном запел дрозд. Тиффани задула свечу, и в комнату просочился серый утренний свет.

Слушает и учится… Разве вьюга способна что-то понимать?

— *Тиффани, Царица Цветов! Я делаюсь человеком!*

Тут «гн-гн-гнх-хххи» и «хыррыы» сбились с ноги, налетели друг на дружку, слились в сложную последовательность всхрапов, и Аннаграмма проснулась.

— А-а… — Она зевнула, потянулась и посмотрела по сторонам. — Похоже, всё прошло неплохо.

Тиффани сидела, уставившись в стену. Как это он «делается человеком»? Что он имеет в виду? Ведь он никак не…

— Ты не задремала, а, Тиффани? — спросила Аннаграмма тоном, который она сама, должно быть, считала шутливым. — Ни на минуточку, а?

— Что? — переспросила Тиффани, по-прежнему

глядя в стену. — А, нет. Я не спала.

Внизу уже кто-то проснулся, были слышны шаги. Спустя какое-то время заскрипела лестница, и низкая дверь комнаты открылась. Мужчина средних лет, робко потупившись, промямлил:

— Мама просила узнать, не хотите ли позавтракать, уважаемые?

— О нет, мы не можем злоупотреблять вашей добротой, у вас ведь так мало… — начала Аннаграмма.

— Да, спасибо, с удовольствием! — сказала Тиффани, опередив и заглушив её.

Человек кивнул и закрыл дверь.

— Да как ты могла! — возмутилась Аннаграмма, когда скрипучие шаги двинулись вниз по лестнице. — Они же бедняки! Я думала, ты…

— Умолкни, будь любезна! — огрызнулась Тиффани. — Замолчи и очнись наконец. Это настоящие, живые люди! А не какая-то выдумка. Сейчас мы спустимся вниз, поедим и скажем: «Спасибо, было очень вкусно», а эти люди скажут спасибо нам, и мы пойдём. И это будет означать, что всё сделано, как велит обычай, а для них важно, чтобы обычаи соблюдались. И вообще, они не считают себя бедняками, ведь все, кто живёт в округе, такие же бедняки. Но они не настолько

бедны, чтобы не соблюдать обычаи. Вот когда на обычаи не хватает, это настоящая нищета!

Аннаграмма таращилась на неё с открытым ртом.

— Хорошенько подумай, прежде чем что-то сказать, — добавила Тиффани, тяжело дыша. — А лучше вообще ничего не говори.

На завтрак была яичница с ветчиной. За столом все вежливо помалкивали. Позавтракав и попрощавшись, всё в том же вежливом молчании, но уже на двоих, ведьмы полетели к дому, который все вокруг, должно быть, так и будут до скончания века считать домом госпожи Вероломны.

Перед дверью околачивался маленький мальчик. Едва девушки приземлились, он выпалил:

— Бабка Оббло сказала, ребёнок вот-вот родится и что вы дадите мне пенни!

Тиффани повернулась к Аннаграмме:

— У тебя ведь есть сумка?

— Ну да, э-э, целая куча.

— Нет, неотложная сумка. Та, которая всегда наготове у двери и в которой всё собрано на случай… — Увидев выражение ужаса на лице Аннаграммы, Тиффани сказала: — Ясно, сумки нет. Придётся обойтись без неё. Дай мальчику пенни, и полетели.

— А мы можем позвать кого-нибудь на помощь, если что-то пойдёт не так? — спросила Аннаграмма, когда они оторвались от земли.

— Мы и есть те, кого зовут на помощь, — просто сказала Тиффани. — И поскольку это всё-таки твой удел, я взвалю на тебя самую тяжёлую работу…

…отвлекать бабку Оббло. Бабка не была ведьмой, хотя большинство людей этого не знали. Она выглядела точь-в-точь как ведьма — точнее, точь-в-точь как старуха, скупившая весь каталог «Боффо» в день невиданной распродажи волосатых бородавок. А ещё она была немного не в себе, и её нельзя было и близко подпускать к женщинам, которые ждали первенца. Потому что бабка так и норовила рассказать им (гнусно хихикая) о том, что может пойти не так, и будущие матери начинали верить, что у них пойдёт не так решительно всё. Но ей можно было доверить уход за больными, главное, проследить, чтобы не прикладывала примочки из перегноя куда ни попадя.

На этот раз было много шума и хлопот, но ничего такого, что предрекала бабка Оббло. В итоге на свет явился резвый мальчик, который не превратился в мячик только потому, что Тиффани

успела его поймать — Аннаграмма не умела держать младенцев.

Зато она отлично смотрелась в остроконечной шляпе, и, поскольку Аннаграмма была заметно старше Тиффани и почти ничего не делала, женщины в доме решили, что она и есть главная из двух юных ведьм.

Оставив её держать младенца (на сей раз правильной стороной вверх) и лопаться от гордости, Тиффани отправилась в долгий обратный путь через лес к Тир-Ньян-Ягг. Вечер выдался ясным и морозным, вот только ветер сдувал с деревьев колючие снежинки прямо ей за шиворот. Тиффани летела долго, ещё в пути она страшно устала и очень, очень замёрзла. Он не может знать, где я, повторяла она про себя в сумерках. И ума у него кот наплакал. Зима ведь рано или поздно закончится, да?

«Э-э… а как она закончится? — спросил Задний Ум. — Хоть мисс Тик и говорит, что достаточно просто быть, должно быть, надо ещё и что-то сделать, правда?»

Ну, придётся, наверное, немного погулять босиком, подумала Тиффани.

«Что, повсюду?» — полюбопытствовал Задний Ум, пока она петляла между деревьями.

«А может, это как быть королевой, — вмешался Дальний Умысел. — Королева просто сидит себе во дворце, иногда выезжает в карете и машет ручкой, и этого вполне хватает, чтобы вся махина королевствования работала и монархические дела шли своим чередом».

И всё же, стараясь не врезаться в деревья, попадавшиеся на пути, Тиффани одновременно пыталась увильнуть от крохотной мыслишки, которая так и норовила просочиться ей в голову: «Рано или поздно, так или иначе, он найдёт тебя… И как он может сделаться человеком, а?»

Заместитель почтмейстера Грош не верил врачам. От них все болезни, считал он. Поэтому он каждый вечер клал в свои носки немного серы и хвастался, что ни дня в жизни не болел. Возможно, это объяснялось тем, что мало кто решался приблизиться к нему — из-за запаха. Но однажды кое-что всё-таки приблизилось. Когда заместитель почтмейстера Грош открывал поутру почтамт, в здание ворвалась вьюга и вымела его носки дочиста[23].

---

[23] Примечания: 23

Об этом случае написали в газетах, и вскоре заместитель почтмейстера получил письмо от одной вдовы. Она писала, что чрезвычайно ценит в мужчинах такую чистоплотность. Потом их видели вместе, так что вьюга оказалась ветром добрых перемен. (*Примеч. автора*)

И никто не услышал, как Зимовей сказал: *«Серы довольно на человека!»*

Когда Тиффани вошла, притопывая, чтобы отряхнуть снег с башмаков, нянюшка Ягг сидела у огня.

— Я смотрю, ты до костей замёрзла, — заметила она. — Стакан горячего молока с капелькой бренди, вот что тебе нужно, точно говорю.

— Д-д-да, — с трудом проговорила Тиффани, стуча зубами.

— Ну, тогда и мне тоже стаканчик сделай, ага? — улыбнулась нянюшка. — Шучу, шучу. Ты садись, отогревайся, я всё приготовлю.

Ноги Тиффани превратились в две ледышки. Она опустилась на колени перед очагом и протянула руки к котелку, висящему на большом чёрном крюке. Похлёбка в котелке побулькивала.

Настрой свои мысли и не теряй равновесия. Протяни руки, как будто хочешь приложить ладони к котелку, и сосредоточься, сосредоточься на заледеневших башмаках…

Прошло время, и она смогла почувствовать пальцы ног, а потом…

— Ой! — вскрикнула Тиффани, отдёргивая руки, и сунула пальцы (рук, конечно, а не ног), в рот.

— Мысли не смогла настроить, — заметила нянюшка с порога.

— Знаете, довольно непросто правильно настроиться после трудного дня и бессонной ночи, да ещё и когда Зимовей тебя повсюду ищет, — огрызнулась Тиффани.

— Огню-то без разницы, — пожала плечами нянюшка. — Молоко почти готово.

Когда Тиффани согрелась, жизнь стала гораздо лучше. Интересно, сколько бренди нянюшка Ягг добавила в её порцию? В свою собственную она, возможно, лишь капнула молока…

— Что ж, вот теперь стало хорошо, тепло и уютно, верно? — сказала нянюшка спустя какое-то время.

— Мы будем говорить о сексе, да? — спросила Тиффани.

— Кто тебе сказал? — невинно удивилась нянюшка.

— У меня вроде как предчувствие возникло, — ответила Тиффани. — И я знаю, откуда берутся дети, госпожа Ягг.

— Да уж надеюсь.

— И как они там заводятся, я тоже знаю. Я выросла на ферме, и у меня много старших сестёр.

— Хорошо, — сказала нянюшка. — Выходит, ты

вполне подготовлена к жизни, как я посмотрю. И я мало что могу сказать такого, чего ты не знаешь. К тому же, насколько я помню, ни один бог отродясь не ухаживал за мной. Льстит оно тебе, а?

— Нет! — Тиффани посмотрела в улыбающиеся нянюшкины глазки. — Ну, немного, — призналась она.

— А боишься ты его?

— Да.

— А ведь бедняга сам пока не понял, во что влез. Начал-то он неплохо, ледяные розы и всё такое. А потом решил силу свою показать. Обычная история. Но ты не должна его бояться. Это он должен бояться тебя.

— Почему? Потому что я притворяюсь, будто я эта его цветочница?

— Потому что ты девушка! Что ж это такое, если умная девица не может обвести парня вокруг своего миленького пальчика? Он в тебя по уши втюрился. Одно твоё слово может превратить его жизнь в ад. Ах, когда я была молоденькой, один юноша чуть не бросился с Ланкрского моста, когда я дала ему от ворот поворот.

— Правда? И что потом?

— А потом я дала ему поворот обратно. Он, понимаешь, так здорово смотрелся, когда сто-

ял на мосту, я и подумала: «Чтоб меня, ну что за чудная задница!» — Нянюшка откинулась в кресле. — Или возьми хоть беднягу Грибо. Он норовит порвать в клочья всё, что шевелится, но кошечка Эсме прыгнула прямо на него, и теперь он, страдалец мой, всякий раз, прежде чем зайти, сперва засовывается в дверь и смотрит, нет ли где той кошки. Ты бы видела его несчастную мордочку! Он её прямо всю морщит. Конечно, он мог бы разделаться с кошкой одним когтем, но она заморочила ему голову, и теперь он беспомощен против неё, как котёнок.

— Вы что, хотите сказать, что я должна расцарапать Зимовею лицо?

— Нет-нет, так грубо и прямолинейно, конечно, не стоит. Дай ему капельку надежды. Будь доброй, но неуступчивой…

— Он хочет жениться на мне!

— Это хорошо.

— Хорошо?!

— Да, ведь это означает, что ссора с тобой ему не нужна. Не говори ни «да», ни «нет». Веди себя как королева. Пусть он научится уважать тебя… Что это ты делаешь?

— Записываю, — ответила Тиффани, занося новые познания в дневник.

— Такие штуки нет нужды записывать, голубушка, — сказала нянюшка. — Они уже все записаны, где-то глубоко внутри тебя. Просто ты, думаю, ещё не дочитала до этой страницы. О, чуть не забыла — вот, пришло, пока тебя не было. — Порывшись среди подушек на кресле, она выудила оттуда два конверта. — Шон, сынок мой, почтальоном служит, он-то знает, что ты ко мне перебралась.

Тиффани едва сдержалась, чтобы не выхватить письма из рук нянюшки. Надо же, целых два письма!

— По сердцу он тебе, дружок твой из замка? — ухмыльнулась старушка.

— Это просто друг, который мне пишет, — холодно ответила Тиффани, напустив на себя надменный вид.

— Во-от умничка, вот так с Зимовеем и держись! — радостно одобрила нянюшка. — Кто он вообще, мол, такой, чтоб с тобой разговаривать? Так с ним и надо.

— Я прочту письма у себя в комнате, — сказала Тиффани.

Нянюшка кивнула:

— Одна из молодух, — (всем было известно, что нянюшка никак не может запомнить имена

своих невесток), — приготовила нам чудную запеканку. Твоя порция в печке. А я пойду в пивную, пропущу стаканчик. Завтра ведь рано вставать.

Оставшись одна, Тиффани поднялась к себе и стала читать первое письмо.

Если смотреть невооружённым взглядом, то на Меловых холмах ничего не происходило. Они стояли в стороне от Исторических Свершений. Холмы жили маленькими свершениями, маленькими радостями и печалями. Тиффани с удовольствием читала о них.

Второе письмо было очень похоже на первое, только там было ещё и про бал. Роланд ездил на бал! В поместье лорда Ахваланга, своего соседа! И танцевал там с его дочерью! Её зовут Йодиной, потому что лорд в своё время решил, будто это прекрасное имя для девочки! Они танцевали три танца! И ели мороженое! И Йодина показала ему свои акварели!!!

Как он может сидеть там и писать такое?!

Тиффани перевела взгляд на те строчки, где описывались обычные новости, вроде плохой погоды и неприятностей с ногой старой Агги, но смысл слов ускользал от неё, не удерживался в голове, потому что голова пылала.

Да кем он себя вообразил, что посмел танцевать

с другой?

«Ты же танцевала с Зимовеем», — напомнил Дальний Умысел.

Ладно, допустим, но акварели!!!

«Зимовей показывал тебе свои снежинки», — заметил Дальний Умысел.

Но я же смотрела просто из вежливости!

«Может, и Роланд тоже — из вежливости».

Нет, это всё его тётки, думала Тиффани. Я им никогда не нравилась, я ведь простушка с фермы. А лорд Ахваланг страшно богат, и Йодина — его единственный ребёнок. Конечно, тётки решили женить Роланда!

Но как он может писать о том, что он ел мороженое с другой, будто так и надо! Это же всё равно что… всё равно что… всё равно что делать что-то очень плохое, вот.

А ещё и акварели…

«Вы с Роландом просто переписываетесь, и только потому, что так уж вышло», — напомнил Дальний Умысел.

Да, но…

«Да, но что?» — гнул своё Дальний Умысел.

Тиффани скрипнула зубами. Уж собственный-то ум мог бы быть на её стороне! Совести у него нет…

«Просто “Да, но…”, ясно?» — сердито подумала она.

«Ты мыслишь не очень-то здраво на этот счёт», — заметил Дальний Умысел.

«Ты так считаешь? Знаешь, я весь день мыслила здраво. Я годами оставалась очень здравомыслящей! И я имею право пять минут позлиться, забыв о всяком здравомыслии, тебе не кажется?»

«Внизу на кухне есть запеканка, а ты не ела с самого завтрака, — напомнил Дальний Умысел. — Поешь, и тебе полегчает».

«Как я могу есть, когда они там акварели рассматривают? Как он посмел смотреть на её акварели?!»

Но Дальний Умысел был прав, хотя Тиффани от этого легче не становилось. Если уж предаваться горю и злости, то лучше на сытый желудок. Так что она спустилась вниз и вынула запеканку из печки. Пахло вкусно. Для милой старушки-мамы — только лучшее.

Она потянула на себя выдвижной ящик, чтобы достать ложку. Ящик застрял. Тиффани его и трясла, и дёргала, и несколько раз обругала, но ящик не сдвинулся с места.

— О да, продолжай, — сказал кто-то у неё за спиной. — Увидишь, как много с этого проку. Не

включай голову, не пытайся осторожно засунуть пальцы в ящик и поправить то, что не даёт его открыть. О нет. Тряси и ругайся, только так!

Тиффани обернулась.

У стола стояла худая, усталая на вид женщина. Она была замотана в простыню на голое тело и курила сигарету. Тиффани никогда ещё не видела, чтобы женщина курила, да ещё сигарету, пылающую жарким пламенем и рассыпающую искры.

— Кто вы и что вы делаете на кухне госпожи Ягг? — строго спросила Тиффани.

Настал черёд незваной гостьи удивляться.

— Ты видишь меня? — спросила она. — И слышишь?

— Да! — рявкнула Тиффани. — И это помещение, где готовят пищу, если вы не заметили!

— Но ты не должна меня видеть!

— Я прекрасно вас вижу!

— Погоди минуту. — Незнакомка нахмурилась. — Ты ведь не просто человек, да? — Она как-то странно прищурилась, глядя на Тиффани. — А, так ты — та самая! Я угадала? Ты — новая Летняя Владычица?

— Забудем пока обо мне, кто *вы* такая? — сказала Тиффани. — И мы всего-то один раз танцевали!

— Анунайя, богиня Вещей, Застрявших В Ящиках, — представилась гостья. — Приятно познакомиться.

Она затянулась пылающей сигаретой, посыпались искры. Некоторые из них упали на пол, но, насколько могла видеть Тиффани, не оставили никаких следов.

— Для таких вещей есть отдельная богиня? — удивилась Тиффани.

— Ну, ещё я отыскиваю пропавшие штопоры и то, что закатилось под столы и тумбочки, — беспечно ответила Анунайя. — А иногда и то, что провалилось между диванными подушками. Мне хотят поручить и заедающие «молнии», но я пока думаю, стоит ли браться. Чаще всего я являюсь там, где люди дёргают застрявшие ящики и взывают к богам. — Она снова затянулась. — Чайку не нальёшь?

— Но я ни к кому не взывала!

— Взывала, — возразила Анунайя, рассыпав новый фейерверк. — Ты ругалась, проклинала ящик. Рано или поздно любое проклятие становится молитвой. — Она махнула свободной рукой, и что-то в ящике сделало «Бдзынь!». — Вот, теперь всё в порядке. Это была яйцерезка. В каждом доме есть такая, и никто не может сказать, откуда

она взялась. Неужели кто-нибудь когда-нибудь думал: «Схожу-ка куплю яйцерезку?» Вряд ли.

Тиффани осторожно потянула ящик. Он легко открылся.

— Так вот, насчёт чаю… — напомнила Ануна йя.

Тиффани поставила чайник на плиту.

— Вы знаете обо мне? — спросила она.

— О да. Такого уже давненько не случалось, чтобы бог влюбился в смертную. Всем интересно, как оно обернётся.

— Влюбился?

— О да.

— И вы хотите сказать, боги наблюдают за нами?

— Ну конечно, — кивнула Анунайя. — Те, что покруче, сейчас, считай, только этим и заняты. Но моё дело, говорят они, зажимать «молнии», о да, а меня, между прочим, по такой погоде руки еле слушаются!

Тиффани подняла глаза к потолку. Под потолком уже клубились плотные облака сигаретного дыма.

— Они всё время смотрят на нас? — ахнула она в ужасе.

— Я слышала, твоя история сейчас привлекает

больше внимания, чем война в Клатчистане, а она пользовалась большой популярностью. — Анунайя опустила взгляд на свои руки. Пальцы и кисти были красные. — Ну вот, обморозила! Но им-то, конечно, наплевать…

— Они смотрят, даже когда я… моюсь? — спросила Тиффани.

Анунайя неприятно усмехнулась:

— Да. И темнота им тоже не помеха. Лучше просто не думай об этом.

Тиффани снова посмотрела на потолок. Она так надеялась вечером принять ванну…

— Попробую, — нахмурилась она. — Скажите, а это трудно — быть богиней?

— В нашем деле есть свои радости, — ответила Анунайя. Она стояла, держа пламенеющую сигарету у самого лица и обхватив второй рукой локоть. Потом резко затянулась, запрокинула голову и выпустила дым, добавив ещё клубов в тучу под потолком. Дождём посыпались искры. — Я ведь не так давно занимаюсь ящиками. Раньше я была богиней вулканов.

— Правда? — сказала Тиффани. — А по вам и не скажешь.

— О да. Это была отличная работа, если, конечно, не обращать внимания на крики. Ха! А бог

штормов и бурь всё время заливал дождём мою лаву, — с горечью добавила Анунайя. — Мужчины — они такие, дорогуша. Берут и заливают твою лаву.

— Или смотрят акварели.

Анунайя зло прищурилась:

— То есть *не твои* акварели?

— Вот именно!

— Мужчины! Все они одинаковы, — сказала Анунайя. — Послушай моего совета, дорогуша: лучше укажи господину Зиме на дверь. Он ведь всего-навсего стихийный дух, в конце-то концов.

Тиффани покосилась на дверь.

— Дай ему пинка, дорогуша, вышвырни его вон и смени замки. Пусть у вас тут будет лето круглый год, а? Как в жарких странах. Виноград чтоб повсюду рос, кокосы на каждом дереве… Помню, когда я ещё занималась вулканами, я обожала манго… Скажи «прощай» снегу, слякоти и туманам. Кстати, штуковина тебя уже нашла?

— Штуковина? — переспросила Тиффани встревоженно.

— Не бойся, ещё объявится, — сказала Анунайя. — Я слышала, иногда бывает непросто… Ой, прости, где-то трясут ящик, мне пора, не бойся, я не скажу ему, где ты…

Она исчезла. И дым вместе с ней.

Не зная, чем ещё заняться, Тиффани наложила себе полную тарелку сытной запеканки с мясом и овощами и стала есть. Получается… она теперь может видеть богов? И они знают о ней? И все рвутся дать ей совет…

Отец всегда говорил: не стоит лишний раз попадаться на глаза тем, кто высоко сидит.

Но, с другой стороны, это ведь с ума можно сойти. Он влюблён в неё. И всем говорит об этом. Но всё-таки он не настоящий бог, он стихийный дух. Только и умеет, что гонять ветра и воды.

И всё-таки… Ха! Кое-кто может похвастаться духом-ухажёром, вот! Если некоторые настолько глупы, что позволяют каким-то девицам показывать им свои акварельки, предназначенные только для того, чтобы губить честных юношей, то она, Тиффани, может задирать нос перед почти что богом! Надо будет упомянуть об этом в следующем письме, вот только больше она писать ему никогда не станет, нет. Ха!

А в нескольких милях от неё бабка Чёрношляп задумала прокипятить простыни. Мыло у неё было своё, она варила его из животного жира и

поташа[24], причём поташ был, наоборот, чисто растительным, из древесной золы. Но кто-то выхватил кусок мыла из её руки в тот самый момент, когда она занесла его над котлом. И вода в котле превратилась в лёд.

Бабка Чёрношляп была ведьмой, а потому сразу сказала:

— Странный вор у нас завёлся!

А Зимовей сказал:

– *Поташа довольно на человека!*

[24] Примечания: 24

Поташ — одна из солей; порошок, который выпаривался из раствора растительной золы и использовался для изготовления мыла. (*Примеч. ред.*)

Глава 8. Рог изобилия

Ночью, когда нянюшка Ягг отправилась спать, Тиффани всё-таки приняла долгожданную ванну. Ванна была не из тех, которые легко принять.

Для начала надо было снять её с крюка на задней стене уборной, расположенной на дальнем краю сада, потом притащить сквозь промозглую тёмную ночь в дом и установить на почётном месте у камина. Воду приходилось греть в чайниках в очаге и на кухонной плите, так что наполнить ванну хотя бы на шесть дюймов стоило немалых усилий. А потом, помывшись, надо было ещё вычерпать воду из ванны и вылить её в раковину и оттащить ванну в угол, чтобы рано поутру вернуть её на место. Когда мытьё требует таких усилий, волей-неволей будешь мыться тщательно.

Кроме всего этого, Тиффани потрудилась сделать ещё кое-что: написала

на куске картона и пристроила его на светильник на потолке, чтобы можно было прочитать сверху. У неё не было уверенности, что это остановит какого-нибудь любопытного бога, но попытаться всё же стоило.

В ту ночь ей ничего не снилось. К утру сугробы покрыл свежий снег, и двое нянюшкиных внуков принялись лепить перед домом снеговика для любимой бабушки. Когда всё было почти готово, они ввалились в дом и потребовали выдать им морковку для носа и пару угольков для глаз.

Потом нянюшка Ягг с Тиффани отправились в деревушку Ломоть, которая стояла настолько на отшибе, что тамошние жители всегда бывали приятно удивлены, в кои-то веки встретив кого-нибудь не из собственной родни. Нянюшка Ягг бодро шагала от дома к дому по расчищенным в снегу тропинкам, попивала чай (в таких количествах, что хватило бы слону поплавать) и потихоньку, полегоньку делала своё ведьмовское дело. На первый взгляд могло показаться, что дело это сводилось к обмену слухами, но если прислушаться, можно было разобрать, как творятся чудеса. Нянюшка Ягг умудрялась забраться людям в головы и хоть на несколько минут заставить их думать иначе, не так, как

они привыкли. И когда она уходила, то оставляла их с ощущением, будто они немного лучше, чем им всегда казалось. На самом деле лучше они не становились, но, говорила нянюшка, надо же им к чему-то стремиться.

В следующую ночь Тиффани опять ничего не снилось, но в половине шестого она проснулась как подброшенная, потому что чувствовала себя как-то… странно.

Она подошла к окну и потёрла заиндевевшее стекло. Перед домом в лунном свете белел снеговик.

«Зачем мы лепим снеговиков? — подумала Тиффани. — Едва выпадает снег, мы начинаем их лепить. Так мы поклоняемся Зимовею в каком-то смысле. Делаем снежных людей. Добавляем пару глаз-угольков и нос-морковку, чтобы их оживить. О, дети даже шарф вокруг него обмотали. Конечно, куда уж снеговику без шарфа, а то ещё замёрзнет…»

Она спустилась в пустую, погружённую в тишину кухню и от нечего делать стала скоблить деревянный стол. Тиффани всегда лучше думалось, когда она работала руками.

Что-то изменилось. Она сама, вот что. Раньше она волновалась, что́ Зимовей станет делать, что́

подумает… Она была словно сухой лист, гонимый ветром. С ужасом ожидала, что его голос вдруг раздастся у неё в голове, там, куда он не имеет никакого права соваться.

Но теперь это в прошлом. Хватит с неё!

Пусть лучше он её боится.

Да, она совершила ошибку. Да, это её вина. Но она не позволит себя запугивать. Нельзя допускать, чтобы мальчишки заливали дождём твою лаву или глазели на чужие акварели.

Пойми, что это за сказка, всегда говорит матушка Ветровоск. Она верит, мир состоит из историй, из сказок. Стоит расслабиться, и станешь плясать под их дудку. Но если присмотреться к этим историям, если узнать о сказках побольше… можно научиться использовать их, менять…

Госпожа Вероломна разбиралась в историях и сказках лучше, чем кто бы то ни было, верно? Она пряла их, как паук прядёт паутину, и черпала в них силу. И сказки помогали ей, потому что люди хотели в них верить. И нянюшка Ягг тоже рассказывает людям сказку. Весёлая пухленькая нянюшка Ягг, любительница выпить (а потом выпить ещё, спасибочки вам большие, храни вас боги), лучшая бабушка на свете… Но её маленькие хитрые глазки могут заглянуть прямо в душу

и прочитать там все секреты…

Даже у матушки Болен была своя сказка. Она жила в пастушьей кибитке высоко на склоне холма, слушая песни ветра над лугами. Она была одинокая и загадочная и словно притягивала истории — истории о том, что она продолжает отыскивать заблудившихся ягнят даже после своей смерти, что она по-прежнему присматривает за всеми вокруг…

Людям хочется, чтобы мир был сказкой, потому что в сказках всё правильно, всё имеет смысл, иначе что это за сказка? Люди мечтают, чтобы в мире был смысл.

Ну что ж, история Тиффани не будет сказкой о девочке, которая была игрушкой в чужих руках. В такой сказке нет смысла.

Вот только… Зимовей, он ведь не то чтобы плохой. Боги, описанные в «Мифологии», похоже, более или менее понимали, что значит быть человеком, порой даже немного слишком человеком. Но откуда вьюге или метели знать об этом? Да, он опасный, пугающий… и всё-таки невозможно его не жалеть.

Кто-то громко постучал в дверь нянюшкиного дома. За порогом стояла высокая фигура в чёрном.

— Ты ошибся дверью, — сказала Тиффани. — Тут никто даже не болеет.

Бледная рука приподняла капюшон, и голос из его тёмных глубин прошипел:

— Это я, Аннаграмма! Она дома?

— Госпожа Ягг ещё спит, — ответила Тиффани.

— Это хорошо. Можно я войду?

За кухонным столом, попивая горячий чай, Аннаграмма выложила всё. Дела в лесном краю шли неважно.

— Две деревенщины явились ко мне, чтобы я сказала, кому из них принадлежит какая-то дурацкая корова!

— Это, должно быть, Джо Подшваббер и Шныр Адамс, — сказала Тиффани. — О них я тебе тоже писала. Стоит хотя бы одному из них выпить, они принимаются спорить, чья это корова.

— И что мне делать? — спросила Аннаграмма.

— Кивать и улыбаться. Надо просто подождать, пока корова умрёт, всегда говорила госпожа Вероломна. Или, может, раньше умрёт один из спорщиков, — объяснила Тиффани. — Другого выхода нет.

— А потом пришла женщина с больной свиньёй.

— А ты что?

— Я сказала, что не занимаюсь свиньями, но она ударилась в слёзы, так что я попробовала применить универсальную панацею Бранзулетта!

— К свинье?! — ахнула Тиффани.

— Ну, свинская ведьма использует магию, так что не понимаю, почему… — начала Аннаграмма.

— Она-то знает, что делает! — перебила Тиффани.

— Слушай, эта скотина была абсолютно здорова, когда я сняла её с дерева! Её хозяйка совершенно зря так раскричалась! И я не сомневаюсь, что щетина точно отрастёт! Со временем.

— А свинья, случайно, была не крапчатая? — спросила Тиффани. — У её хозяйки ещё глаз косит?

— Да! Кажется, да! А что, это важно?

— Госпожа Повали очень привязана к этому борову, — с упрёком сказала Тиффани. — Она приводит его примерно раз в неделю. Обычно с ним ничего серьёзного, просто лёгкое несварение. Она его перекармливает.

— Да? Ну тогда я ей больше не открою! — твёрдо сказала Аннаграмма.

— Нет, лучше впусти её в дом. На самом деле ей просто одиноко и хочется поговорить.

— У меня найдутся дела поважнее, чем болтать со старухой, которой делать нечего! — возмущённо заявила Аннаграмма.

Тиффани посмотрела на неё в задумчивости. С чего же начать? Первое, что приходит на ум, — постучать её лбом об стол, пока не научится думать головой…

— Слушай очень внимательно, — сказала она. — Я не о себе, её слушай. Мало что в твоей работе приносит так много пользы, как разговоры со словоохотливыми старушками. Ведьмам многое рассказывают. Поэтому слушай, а сама больше помалкивай и думай о том, что тебе говорят и как говорят, и присмотрись к глазам человека, который говорит… Это всё как кусочки мозаики, и только ты можешь сложить их воедино. И тогда ты узнаешь, что люди хотят открыть тебе, а что не хотят, узнаешь даже то, что они скрывают ото всех. За этим мы и ходим по домам. И ты будешь ходить, пока не станешь частью мира этих людей.

— И всё это для того, чтобы получить власть над толпой тупых крестьян?

Тиффани резко развернулась и пнула ножку стула с такой силой, что она переломилась. Аннаграмма торопливо попятилась:

— Почему ты это сделала?

— Ты умная. Догадайся.

— Ой, я забыла… Твой отец — пастух…

— Молодец. Вспомнила-таки. — Тиффани помолчала. Уверенность крепла в ней стараниями Дальнего Умысла. Она вдруг всё поняла про Аннаграмму. — А кто твой отец? — спросила она.

— Что? — Аннаграмма привычно расправила плечи и задрала нос. — О, он землевладелец. У него несколько ферм…

— Врёшь!

— Ну, точнее, он как бы фермер… — промямлила девица уже менее уверенно.

— Врёшь!

Аннаграмма попятилась:

— Да как ты смеешь говорить со мной в таком…

— Как ты смеешь не говорить мне правды!

В повисшей тишине Тиффани слышала всё: треск остывающих поленьев в печи, шорох мышей в подвале, собственное дыхание, оглушительное, как рёв прибоя…

— Он работник на ферме, ясно? — выпалила Аннаграмма и сама опешила от своих слов. — У нас нет земли, даже дом нам не принадлежит. Вот тебе правда. Теперь ты счастлива?

— Нет. Но всё равно спасибо, — сказала Тиффани.

— Ты всем расскажешь, да?

— Нет. Это не имеет значения. Но пойми кое-что. Матушка Ветровоск хочет, чтобы ты не справилась. Против тебя лично она ничего не имеет… точнее, имеет, но не больше, чем против всех остальных, — поправилась Тиффани. — Ей просто нужно, чтобы все увидели: если ведьма будет делать всё так, как учит госпожа Увёртка, ничего хорошего не выйдет. Матушка — она такая. Она ведь тебе слова худого не сказала и позволила получить то, что ты хотела. Это как в сказке. Известно ведь, если в сказке кто-то получает точно то, о чём мечтал, жди беды. Ты хотела дом. И теперь ты опозоришься.

— Мне просто нужен ещё день-другой, чтобы разобраться…

— Зачем? Ты ведьма, у тебя есть дом и удел. Для тебя в этом не должно быть ничего сложного. Зачем было браться, если оно тебе не по силам?

— *Для тебя в этом не должно быть ничего сложного, маленькая пастушка. Зачем было браться, если оно тебе не по силам?*

— Так ты не поможешь мне? — Аннаграмма сердито уставилась на Тиффани, и вдруг её взгляд

смягчился, что было совсем на неё не похоже. — Эй, с тобой всё хорошо?

Тиффани моргнула. Когда твой собственный голос эхом отдаётся у тебя в голове, приятного мало.

— Слушай, у меня и без тебя работы полно, — промямлила она. — Может, другие девочки… тебя выручат?

— Не хочу, чтобы они знали! — Лицо Аннаграммы перекосилось от ужаса.

Колдовать она умеет, подумала Тиффани. Просто в ведьмовском ремесле ничего не смыслит. Она наломает дров. И сломает жизни людей.

Тиффани сдалась.

— Ладно, может, я смогу выкроить немного времени. В Тир-Ньян-Ягг не так уж много работы по дому. И я всё объясню остальным. Они должны знать правду. Возможно, они согласятся помочь. Ты быстро учишься. Наверное, за неделю-другую хотя бы основы осилишь.

Тиффани наблюдала за Аннаграммой. Эта девица ещё и раздумывает, соглашаться ли! Всё равно как если бы она тонула, ей бросили верёвку, а она стала жаловаться, что цвет неподходящий.

— Ну, если они будут только *помогать* мне… — сказала наконец Аннаграмма, просветлев ли-

цом.

То, как она умудрялась превратить в своей голове то, что есть, в то, что хочется, вызывало даже некоторое восхищение. Ещё одна сказка, подумала Тиффани. В этом вся Аннаграмма.

— Да, мы будем помогать тебе, — вздохнула Тиффани.

— Может, мы скажем людям, что вы просто учитесь у меня? — с надеждой спросила Аннаграмма.

Говорят, когда чувствуешь, что вот-вот сорвёшься, — досчитай до десяти. Но с Аннаграммой десятью не обойдёшься, тут нужны числа побольше — миллион, например.

— Нет, — сказала Тиффани. — Думаю, такого мы говорить не будем. Это тебе надо многому научиться.

Аннаграмма открыла рот, чтобы возразить, но заметила, какое у Тиффани сделалось лицо, и передумала.

— Э-э, да, — пролепетала она. — Конечно. Э-э… спасибо тебе.

А вот это было неожиданно.

— Наверное, девочки согласятся помочь, — произнесла Тиффани. — Если ты сядешь в лужу, о нас тоже станут думать хуже.

И тут, к своему изумлению, она увидела, что Аннаграмма плачет.

— Просто… просто не очень-то верится, что они мне и правда подруги.

— Не люблю я её, — сказала Петулия, стоя по колено в свиньях. — Она зовёт меня свинской ведьмой.

— Но ты ведьма и работаешь со свиньями. Получается, что ты свинская ведьма, — заметила Тиффани из-за порога.

Большой свинарник был полон свиней. Шум стоял почти такой же невыносимый, как запах. Снаружи шёл снег, мелкий, будто пыль.

— Да, но она произносит это так, словно я не столько ведьма, сколько свинская, — возразила Петулия. — Стоит ей открыть рот, мне начинает казаться, будто я сделала что-то не то.

Она махнула рукой перед носом ближайшей свиньи и прошептала несколько слов. Глаза хавроньи съехались к носу, пасть приоткрылась, и Петулия ловко влила туда внушительную порцию лекарства из бутылки.

— Нельзя же бросить её, чтобы училась на своих ошибках, — сказала Тиффани. — Кто-нибудь может пострадать.

— Но мы-то будем ни при чём, верно? — заме-

тила Петулия, потчуя следующую свинью.

Она сложила ладони рупором и, перекрывая свинячий гвалт, крикнула мужчине, который делал что-то на другом конце свинарника:

— Фред, здесь всё!

Петулия выбралась из загона, и Тиффани увидела, что подол её платья заткнут за пояс, а под платьем у неё штаны из толстой кожи.

— Что-то свиньи с утра расшумелись, — сказала Петулия. — Похоже, у них сегодня игривое настроение.

— Игривое? — не сразу поняла Тиффани. — А… да.

— Прислушайся, и даже отсюда услышишь, как боровы ревут в своём свинарнике. Весну чуют.

— Но ещё даже Страшдество не прошло!

— Страшдество послезавтра. Мой отец говорит, что весна дремлет под снегом. — Петулия вымыла руки в ведре с водой.

«И никаких “эмм”, — заметил Дальний Умысел. — За работой Петулия не “эммкает”». За работой она знает, что делает. Держит голову высоко. Когда она работает, она главная».

— Послушай, мы ведь уже знаем, что дело плохо, и если теперь не попытаемся помочь, то сами будем виноваты, — сказала Тиффани.

— Опять ты про Аннаграмму… — Петулия пожала плечами. — Ладно, после Страшдества я, наверное, смогу навещать её где-то раз в неделю и учить самому простому. Довольна?

— Уверена, она будет очень благодарна за помощь.

— Уверена, что нет. Ты остальных девочек спрашивала?

— Пока нет. Я подумала, если они узнают, что ты согласилась, их будет проще уговорить.

— Ха! Что ж, попробовать и правда стоит — хотя бы для очистки совести. Знаешь, я раньше думала, что Аннаграмма очень умная, ведь она знает много мудрёных слов и умеет творить всякие выпендрёжные заклинания. Но что она может, если ей приведут больную свинью? Да ничего!

Тиффани рассказала о борове госпожи Повали. Петулия содрогнулась:

— Нет, такого допускать никак нельзя! На дерево, говоришь? Пожалуй, я попробую заскочить к Аннаграмме уже сегодня ближе к вечеру. — Тут она вдруг испугалась. — Госпоже Ветровоск всё это наверняка не понравится. Стоит ли влезать в свару между ней и госпожой Увёрткой?

— Но мы ничего плохого не делаем, мы поступаем правильно, — сказала Тиффани. — Да и

вообще, что она нам сделает?

Петулия коротко и совсем не весело хохотнула:

— Ну, к примеру, она может превратить наши…

— Не превратит.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнула Петулия. — Ну, ладно. Только ради борова госпожи Повали.

Тиффани летела над верхушками деревьев, иногда задевая ногами тонкие веточки, вытянувшиеся повыше других. День был солнечным, и снег сделался скрипучим и искрился, как глазурь на торте.

Утро выдалось хлопотным. Юные ведьмы, собиравшиеся на шабаши, не очень-то горели желанием помогать Аннаграмме. Да и сами шабаши, как теперь казалось, остались в далёком прошлом. Зима выдалась хлопотной.

— Да мы просто дурака валяли, а Аннаграмма нами верховодила, — сказала Поплина Бубен.

Она готовила порошки из разных минералов и очень осторожно, понемногу, добавляла их в маленький горшочек на подставке, под которым горела свечка.

— У меня слишком много дел, чтобы тратить время на возню с магией, — добавила она. —

Толку с этих чудес никакого. Знаешь, что не так с Аннаграммой? Она думает, что можно стать ведьмой, просто прибарахлившись.

— Надо научить её обращаться с людьми, — сказала Тиффани.

Горшочек взорвался.

— Что ж, пожалуй, как средство от зубной боли на каждый день это точно не сгодится, — заметила Поплина, вытаскивая из волос глиняные осколки. — Ладно, раз Петулия согласилась, я могу иногда выкраивать для Аннаграммы денёк-другой. Но вряд ли с этого будет много толку.

Люси Уорбек Тиффани застала, когда та, полностью одетая, лежала в жестяной ванне, полной воды. Её голова была под водой, но когда Тиффани заглянула в ванну, Люси подняла табличку с надписью:

Мисс Тик сказала как-то, что из Люси может получиться отличная ведьма-лазутчица, чтобы отыскивать девочек, способных к ведьмовству. Вот Люси и тренировалась изо всех сил.

— Не понимаю, почему мы должны кидаться на выручку Аннаграмме, — сказала она, когда Тиффани помогала ей вытереться. — Она ведь обожает всех затюкивать этим своим сарказмом. И вообще, ты-то с чего за это взялась? Она тебя никогда не жаловала.

— А мне казалось, мы ладили… более или ме-

нее, — сказала Тиффани.

— Да ну? Ты умеешь такое, что ей и не снилось. Делаться невидимой, например. У тебя это здорово получается, со стороны даже кажется, будто тут нет ничего сложного! Но ты всё равно приходила на все шабаши, держалась как все, прибиралась потом вместе с нами… Аннаграмму это бесило!

— Не понимаю почему…

Люси взяла сухое полотенце:

— Ты умеешь намного больше нашего и при этом не задираешь нос. Аннаграмме тошно от одной мысли, что такое бывает.

— Но почему я должна задирать нос? — удивилась Тиффани.

— Потому что она на твоём месте задирала бы. — Люси аккуратно воткнула вилку и нож обратно в узел волос на затылке[25]. — Она думает, ты над ней издеваешься. А теперь её судьба зависит от тебя, с ума сойти. Ты с таким же успехом могла бы натыкать булавок ей в нос.

Но Петулия ведь обещала помочь, так что Люси и остальные девочки тоже согласились. Петулия стала легендой, легендой об ошеломляющем успехе, с тех пор как два года назад выиграла

---

[25] Примечания: 25

Все ведьмы со странностями. И вырабатывать странности лучше начинать смолоду. (*Примеч. автора*)

Испытания Ведьм со своим поросячьим фокусом. Раньше над ней все смеялись — точнее, Аннаграмма смеялась, а остальные смущённо подхихикивали, — но Петулия нашла своё призвание, и теперь начали говорить, что даже матушке Ветровоск далеко до Петулии, когда приходится иметь дело с животными. В народе Петулию тоже уважали. Обычно люди не очень хорошо понимают, чем заняты ведьмы, но всякий, чью больную корову ведьма поставила на ноги, до конца жизни будет смотреть на неё — на ведьму, не на корову — с глубоким почтением. Так что для всех юных ведьм после Страшдества должно было наступить Время Аннаграммы.

Тиффани возвращалась в Тир-Ньянь-Ягг, и голова у неё шла кругом. Она и не думала, что кто-то может ей завидовать. Да, она научилась кое-чему, но в этом же не было ничего сложного. Кто угодно может проделать такое, главное, правильно настроиться.

Она сидела на песке Пустыни Смерти по ту сторону Двери, она сражалась со злейхаундами, чьи зубы были как острые ножи… Но ей не хотелось вспоминать об этом. А теперь ещё, будто всего этого мало, с ней случился Зимовей.

Он не найдёт её без серебряной лошадки, заве-

рили другие ведьмы. Его голос может раздаваться у Тиффани в голове, Тиффани может отвечать ему, но это всего лишь магия, на карту мира её не наложишь.

И последнее время что-то его не слышно. Должно быть, занят строительством айсбергов.

Тиффани приземлилась на небольшом лысом пригорке в лесу. Домов вокруг не было видно.

На небе появлялись первые звёзды. Зимовей любил ясные ночи. Холодало.

И слова пришли сами. Это были слова Тиффани, произнесённые её голосом, и она знала, что они означают, но вслед за словами слышалось что-то вроде эха.

— Зимовей! Повелеваю тебе!

Тиффани удивлённо заморгала: уж очень напыщенно это прозвучало. И тут ей ответили:

– *Кто повелевает Зимовею?*

— Я, Летняя Владычица!

Ну, во всяком случае, я за неё, мысленно добавила Тиффани.

– *Тогда почему ты прячешься от меня?*

— Меня пугает твой лёд. Меня пугает твой холод. Я бегу от твоих лавин. Я скрываюсь от твоих бурь.

Отлично получилось. Очень по-божески.

– Живи со мной в моём ледяном мире!

— Да как мы смеешь мне приказывать! Не смей мне приказывать!

– Но ты по своей воле ступила в мою зиму, — неуверенно возразил Зимовей.

— Я иду, куда пожелаю! Я сама выбираю свой путь! Никто мне не указ. Почитай меня в своей стране, или я тебе это попомню!

А последние слова — от меня, подумала Тиффани, довольная, что ей удалось вставить хоть что-то своё.

Повисла долгая, растерянная и озадаченная тишина. Потом Зимовей спросил:

– Чем я могу услужить тебе, моя госпожа?

— Не делай больше айсбергов, похожих на меня. Я не хочу, чтобы корабли разбивались о моё лицо.

– А узоры на окнах? Можно дарить тебе ледяные узоры? И снежинки?

— Никаких узоров. Не нужно писать моё имя на окнах людей, от этого сплошные неприятности.

– Может быть, ты дозволишь преподнести тебе в дар хотя бы снежинки?

— Э… — Тиффани прикусила язык. Богини не «экают». — Снежинки… пусть будут.

В конце концов, подумала она, на них же не

написано, что это я. И большинство людей ничего и не заметят, если им не сказать.

– Раз так, моя госпожа, я буду дарить тебе снежинки до тех пор, когда мы станцуем вновь. А мы встретимся и станцуем, ибо я делаю себя человеком.

И голос Зимовея… оставил её.

Тиффани снова была одна в лесу.

Вот только… на самом деле не одна.

— Я знаю, ты всё ещё здесь, — сказала она. Дыхание клубилось в воздухе искрящимся облачком. — Ведь я права? Я чувствую твоё присутствие. Ты — не мой разум. И не плод моего воображения. Зимовей ушёл. Ты можешь говорить моими устами. Кто ты?

Порыв ветра качнул ветки, стряхнув с них снег. Звёзды подмигнули с неба. Больше ничего не шелохнулось.

— Ты где-то здесь, — не сдавалась Тиффани. — Некоторые мысли в моей голове — от тебя. И ты можешь говорить моим голосом. Такого больше не повторится. Теперь я поймала это ощущение и смогу тебе помешать. Так что если хочешь что-то сказать, говори сейчас. Когда я покину это место, я закрою от тебя свой разум, уж поверь. Я не позволю…

– Каково это, чувствовать себя настолько беспомощной, маленькая пастушка?

— Ты — Лето, да? — спросила Тиффани.

– А ты похожа на маленькую девочку, вырядившуюся в мамино платье. Туфли падают с крохотных ножек, подол волочится по земле. Мир замёрзнет из-за глупой малышки…

Тиффани… сделала что-то такое, что не смогла бы описать, и голос затих до комариного жужжания вдалеке.

На холме было холодно и одиноко. Всё, что можно сделать, — идти дальше, не останавливаясь. Можешь кричать, плакать и топать ногами — это, конечно, поможет тебе согреться, но и только. Можешь говорить, что так нечестно, и это будет правда, однако Вселенной всё равно, она не знает, что такое «честно». Потому-то так сложно быть ведьмой. Всё зависит от тебя. Всё всегда зависит только от тебя.

Пришло Страшдество, принесло ещё снега и немного подарков. Но из дома Тиффани не получила ничего, хотя нескольким почтовым каретам удалось добраться до гор. Наверное, сказала она себе, тому есть какое-то нормальное, правильное объяснение. И постаралась поверить в это.

Был самый короткий день в году, и к нему при-

лагалась самая долгая ночь, что очень удобно. Самый разгар зимы, её сердце. И Тиффани никак не ожидала подарка, который получила на следующий день.

Шёл густой снег, но небо на закате было розовым, бледно-голубым и ледяным.

И с этого закатного неба с оглушительным свистом что-то свалилось прямо в огород нянюшки Ягг. Во все стороны полетела земля, посреди грядок появилась большая яма.

— Плакала наша капуста, — весело сказала нянюшка, выглянув в окно.

Они вышли посмотреть. Из ямы валил пар, в воздухе сильно пахло мятой капустой.

Тиффани заглянула в яму. Сквозь клубы пара и налипшие стебли видно было плохо, она смогла рассмотреть только, что на дне лежит нечто округлое.

Она осторожно соскользнула по краю ямы вниз, прямо в самый пар, в раскисшую от жара землю, где лежало загадочное нечто. Оно уже немного остыло, и Тиффани стала соскребать с него грязь. И чем дальше она продвигалась, тем больше крепло в ней нехорошее подозрение. Она знала, что это за дар небес.

Та самая штуковина, о которой говорила Ану-

найя, вот что это такое. Выглядела штуковина загадочно. Но было в её очертаниях что-то знакомое…

— Эй, как ты там, внизу? Мне тебя из-за пара совсем не видно! — окликнула нянюшка.

Судя по звукам, на шум сбежались соседи — до Тиффани доносились их возбуждённые голоса.

Тиффани быстро облепила находку землёй и раздавленной капустой и крикнула:

— Боюсь, эта штука может взорваться! Пусть все спрячутся по домам! И дайте мне руку, пожалуйста.

Наверху послышались крики и быстро удаляющийся топот бегущих ног. Из тумана показалась рука нянюшки. Когда вокруг не осталось посторонних, Тиффани с помощью старой ведьмы выбралась из ямы.

— Может, спрячемся под столом на кухне? — спросила нянюшка, пока Тиффани отряхивала с платья комья земли и капусту. И подмигнула: — А то вдруг и впрямь рванёт?

Из-за угла дома показался её сын Шон. В каждой руке он нёс по полному ведру воды. Увидев, что его помощь не требуется, Шон разочарованно застыл.

— Что это было, мам? — пропыхтел он.

Нянюшка посмотрела на Тиффани, и Тиффани сказала:

— Э-э… с неба свалился огромный камень.

— Девочка, огромные камни не лежат на небе. Там и лежать-то не на чем.

— Ну так, наверное, поэтому он и упал, — поспешно вмешалась нянюшка. — Если хочешь сделать что-то полезное, покарауль-ка его, чтобы никто близко не подходил.

— А что мне делать, если он взорвётся, мам?

— Иди в дом и скажи мне, хорошо?

Нянюшка торопливо затащила Тиффани в кухню и сказала:

— Я страшная старая лгунья, Тифф, уж я-то себя знаю. Что там, внизу?

— Во всяком случае, взорвётся оно вряд ли, — ответила Тиффани. — А если и взорвётся, нас всего лишь засыплет капустным салатом. Мне

кажется, это Корнукопия[26].

Снаружи послышались голоса, и дверь резко распахнулась.

— Благословен будь этот дом, — заявила матушка Ветровоск, притопывая, чтобы отряхнуть снег с башмаков. — Твой сын сказал, что мне нельзя заходить, но, думаю, он ошибся. Я уж так спешила… Что случилось?

— У нас тут корнекопии какие-то, — сказала нянюшка Ягг. — Чтоб я понимала, что это.

Позже, когда совсем стемнело, они вытащили Корнукопию из ямы. Она оказалась намного легче, чем ожидала Тиффани. На самом деле ощущение было такое, будто Корнукопия была очень, очень тяжёлая, но по каким-то своим соображениям решила побыть лёгкой до поры

---

[26] Примечания: 26

Корнукопия, он же рог изобилия (от латинского *cornu* «рог» и *copiae* «изобилие») — символ богатства и плодородия, заимствованный из древнегреческой мифологии. Это рог в прямом смысле слова: коза Амалфея, вскормившая своим молоком младенца Зевса, однажды сломала себе рог, зацепившись за дерево. Нимфы подобрали этот рог, наполнили плодами и подали Зевсу, а тот пообещал, что из рога для них прольётся всё, чего бы они ни пожелали. В Плоском мире в истории происхождения рога тоже фигурирует священная коза: «Слепой Ио сотворил Корнукопию из рога священной козы Альмегии, чтобы накормить двух своих детей от богини Бисономии». В нашем мире это один из атрибутов богини правосудия Фемиды (в одной руке у неё весы, в другой — корнукопия), а также Плутоса, бога богатства. Корнукопия имеет вид изогнутого рога, из которого сыплются цветы, орехи, плоды и прочие блага. В европейских мифологиях встречаются

волшебные неиссякаемые сосуды, источники всяческих благ (снеди, питья, порою даже бессмертия), по своей функции сходные с рогом изобилия, — например, волшебный котёл Аннуна в валлийской мифологии, или Святой Грааль средневековых легенд.

до времени.

И вот находка лежала на кухонном столе, тщательно очищенная от грязи и капустного фарша. Тиффани подумалось, что выглядит Корнукопия почти как живое существо, хотя она и не смогла бы объяснить, откуда у неё такое впечатление. На ощупь Корнукопия была тёплая и слегка дрожала под пальцами.

— Вьюркоу пишет, — сказала Тиффани, глядя на страницу «Мифологии», где была изображена Летняя Владычица, — что Слепой Ио сотворил Корнукопию из рога священной козы Альмеги, чтобы накормить двух своих детей от богини Биссономии. Позже Биссономия прогневала богов тем, что отбросила крота на тень Резонаты, богини горностаев, и Эпидит, бог всего, что по форме напоминает картофелину, превратил её в устричный дождь. В настоящее время Корнукопия является официальным символом обязанностей Летней Владычицы.

— Я всегда говорила, что в былые времена такое непотребство творилось сплошь и рядом, — заявила матушка Ветровоск.

Ведьмы втроём уставились на Корнукопию. По форме она и вправду походила на козий рог, только уж слишком большой.

— И как она работает? — спросила нянюшка. Она сунула голову в раструб и крикнула: — Ау-у!

«Ау» вернулось множественным эхом и долго ещё раздавалось в доме, словно звук улетал гораздо дальше, чем это казалось возможным.

— По мне, так это просто большая ракушка, — высказалась матушка Ветровоск.

Кошечка Эй тихо обошла огромный рог, с достоинством обнюхивая его. (Грибо, обратила внимание Тиффани, в это время прятался за кастрюлями на верхней полке.)

— Мало кто знает, — сказала Тиффани, — но Корнукопию ещё называют рогом изобилия.

— Рожок, значит? И что, на нём играют всякие песенки? — заинтересовалась нянюшка.

— Э-э… не думаю. Скорее из него берут… всякое.

— Какое ещё всякое? — спросила матушка.

— Ну, практически… всё, — ответила Тиффани. — Всё, что растёт из земли.

Она показала им картинку в книге: из зева рога изобилия сыпались всевозможные фрукты, овощи и злаки.

— Всё больше фрукты, — заметила нянюшка Ягг. — А морковки маловато. Хотя она, наверное, лежит ближе к узкому концу.

— Вечно эти художники так, — проворчала матушка Ветровоск. — Рисуют на видном месте, что покрасивее, а простая картошка для них, видите ли, недостаточно хороша. — Она сердито ткнула пальцем в страницу: — А это что ещё за карапузы? Они что, тоже прилетят? Только порхающих младенцев нам тут не хватало!

— Их всегда полным-полно на старых картинках, — пояснила нянюшка. — Художники их нарочно пририсовывают, чтоб показать: это вам искусство, а не просто картинка с не очень-то одетыми девицами.

— Меня они этим не одурачат! — заявила матушка.

— Ну, Тифф, давай, покажи нам, что эта штука может. — Нянюшка обошла вокруг стола.

— Я не знаю как! — сказала Тиффани. — Этого нигде не написано!

И тут матушка вдруг крикнула:

— Эй! Брысь оттуда!

Слишком поздно. Дёрнув хвостом, белый котёнок трусцой вбежал в жерло рога.

Они стучали по нему. Перевернули и пытались трясти. Кричали в раструб. Поставили перед ним блюдце молока и подождали. Кошечка так и не вернулась. Тогда нянюшка взяла швабру и

осторожно потыкала ею внутри рога. Никто не удивился, когда швабру удалось засунуть гораздо дальше, чем позволяли видимые размеры Корнукопии.

— Ничего, проголодается — сама выйдет, — попыталась успокоить всех нянюшка.

— А если она там найдёт что поесть? — Матушка безуспешно вглядывалась в тёмное нутро рога.

— Вряд ли там есть еда, подходящая для кошек, — сказала Тиффани, пристально рассматривая картинку. — Разве что молоко.

— Эй! Выходи сию же минуту! — крикнула матушка во тьму.

На сей раз ей в ответ издалека донеслось тихое мяуканье.

— Может, она застряла? — предположила нянюшка. — Ну, то есть эта штука ведь чем дальше, тем туже закручена, и в самом конце, наверное, совсем узко. А кошки не очень-то умеют выбираться назад хвостом вперёд.

Тиффани посмотрела в лицо матушки и вздохнула.

— Фигли? — окликнула она, обращаясь к комнате в целом. — Я знаю, здесь есть кто-то из вас. Покажитесь, пожалуйста.

И из-за каждой безделушки появились пикты. Тиффани легонько постучала по рогу изобилия:

— Можете достать оттуда котёнка?

— И токо-то? Нае проблемо, — разочарованно отозвался Явор Заядло. — Я-то надёжился, ты каких подвигов попросишь.

Нак-мак-Фигли деловитой трусцой вбежали в жерло рога. Их голоса стихли вдали. Ведьмы ждали.

И ждали.

И ждали.

— Фигли! — крикнула Тиффани в рог.

Ей показалось, что в ответ донеслось еле слышное «Раскудрыть!».

— Этот рог может делать зерно. А значит, они могли найти там и пиво, — сказала она. — Если так, они выйдут, только когда пиво закончится.

— Кошки пива не пьют. Она так с голоду помрёт! — рявкнула матушка.

— Сил больше никаких нет сидеть и ждать, — заявила нянюшка. — Вон, с острого конца есть маленькая дырка. Попробую подуть.

И она попробовала. Её щеки покраснели и раздулись, глаза выпучились от напряжения, и стало казаться: что-то лопнет. Если не рог, то нянюшка. И тогда рог сдался. Из его глубин донёсся рокот,

пока ещё отдалённый и какой-то кручёный, он делался всё громче, громче…

— Пока ничего не видно, — сказала матушка, заглядывая в жерло.

Тиффани успела оттащить её в сторонку как раз перед тем, как из рога выскочила Эй — хвост трубой, уши прижаты. Кошечка, выставив когти, затормозила на столе, прыгнула на матушку, забралась по её платью на плечо и оттуда с вызовом зашипела на рог.

С криками «Раскудры-ы-ы-ы-ыть!» из жерла хлынул поток Фиглей.

— Прячемся за диван, быстро! — крикнула нянюшка.

Рокот превратился в гром. Он грохотал всё громче, громче и…

Оборвался.

В полной тишине над спинкой дивана показались три остроконечные шляпы. А над всем остальным, что было в комнате, показались маленькие синие физиономии.

Потом раздалось что-то вроде: «Шварк!» — и из рога выкатилось нечто маленькое и скукожившееся. Это оказался высохший ананас.

Матушка Ветровоск отряхнула платье.

— Тебе надо научиться пользоваться этим тво-

им рогом, — сказала она Тиффани.

— Но как?

— У тебя хоть какие-то мысли на этот счёт есть?

— Нет!

— Что ж, это ваше дело, мадам, вам и разбираться. И будь осторожна, штука-то опасная.

Тиффани осторожно взяла рог изобилия в руки. И снова у неё возникло ощущение, будто рог страшно тяжёлый, но почему-то притворяется лёгким, и притом очень убедительно.

— Может, ему волшебное слово нужно, — сказала нянюшка Ягг. — Или нажать там на что-нибудь.

Тиффани стала вертеть рог в руках, и что-то блеснуло на свету.

— Погодите-ка, да тут надпись! — воскликнула она.

И прочитала:

Π΄ΑΝΤΑ Π΄Ο΄Υ ΕΠΙΘ΄ΕΙΣ, ΧΑΠ΄ΙΖΩ Ε΄ΙΟ ΄ΕΝΑ ΄ΟΝΟΜΑ

«Дам всё, что пожелаешь, только скажи», — перевело воспоминание о докторе Хлопстеле.

Строчкой ниже значилось:

«Я расту, я уменьшаюсь», — подсказал доктор Хлопстел.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала Тиффани. И в память о госпоже Вероломне торжественно произнесла: — Сандвич с ветчиной! И горчицей!

Ничего не произошло.

Доктор Хлопстел нехотя помог с переводом, и Тиффани произнесла:

— Ενα σαντουιτς του ζαμπον με μουταρδι!

С громким «шварк!» из рога величаво выплыл сандвич. Как и следовало ожидать, его полёт прервала нянюшка и тут же откусила кусок.

— А совсем недурно! — одобрила она. — Попробуй сделать ещё.

— δωσε μσμ πολλα σαυισυιτζ χαμπων! — сказала Тиффани.

В ответ раздался звук, как будто она переполошила полную пещеру летучих мышей.

— Стой! — крикнула она, но рог не остановился.

Доктор Хлопстел шепнул подсказку, и Тиффани завопила:

— Μην περισσοτερο σαντουιτς των ζαμπον!

Теперь у них была гора сандвичей. До самого потолка. Над вершиной горы торчал самый кончик нянюшкиной шляпы, ниже слышалось какое-то шевеление.

Наконец из-под груды нарезанного хлеба и свинины показалась рука, а потом наружу выбралась и вся нянюшка. Она задумчиво жевала.

— Хмм, а эти-то без горчицы… Ну что же, зато у всех в округе сегодня будет плотный ужин. А я ещё и супу вдоволь наварю, — сказала она. — Только в следующий раз, прежде чем так делать, лучше выйди на воздух, ладно?

— Мне это совсем не нравится, — резко сказала матушка Ветровоск. — Откуда всё это взялось? Волшебная еда никого не может накормить!

— Она не волшебная, она божеская, — возразила нянюшка. — Ну, типа ванны небесной. Думаю, это всё делается прямо из небесного свода.

«В действительности рог изобилия представляет собой не более чем овеществлённую метафору безграничного плодородия природы», — прошептал доктор Хлопстел в голове Тиффани.

— Чушь! Ванны с неба не падают! — фыркнула матушка.

— Это в заграницах случилось, ещё в давние времена, — сказала нянюшка и повернулась к

Тиффани: — На твоём месте, милочка, я бы завтра взяла эту штуку и отправилась в лес посмотреть, что ещё она умеет. Кстати, прямо сейчас я бы не отказалась от свежего винограда, если ты не против.

— Гита Ягг, это рог изобилия, имущество богов, а ты хочешь использовать его, как… как кладовку! — возмутилась матушка. — Хватит с меня того, как ты тогда из-под ног Тиффани пыталась себе кусок урвать!

— Но рог — он же и есть кладовка, — с невинным видом ответила нянюшка. — Вроде как место, где хранится будущий урожай.

Тиффани очень осторожно положила рог обратно на стол. Он упорно казался ей каким-то… живым. Не верилось, что это всего лишь волшебное орудие. Он словно прислушивался к тому, что происходило в комнате.

Едва коснувшись стола, рог стал съёживаться, пока не уменьшился до размеров небольшой вазочки.

— Звиняйте, мадамы, — сказал вдруг Явор Заядло. — А пиво оно делать могёт?

— Пиво? — рассеянно повторила Тиффани.

Раздалось шипение. Все взгляды обратились на вазу в форме рога. Коричневая жидкость хлынула

через край.

Тогда все взгляды обратились на матушку Ветровоск.

Матушка пожала плечами.

— Что вы на меня-то смотрите? — сморщилась она. — Всё равно же выпьете…

Рог и правда живой, подумала Тиффани, когда нянюшка кинулась за кружками. Он учится. Он уже выучил мой язык.

Около полуночи Тиффани проснулась оттого, что на груди у неё стояла молодая белая курочка. Отпихнув её, Тиффани села и стала шарить ногами по полу в поисках тапок, но нашарила только кур. Затеплив свечу, она увидела, что шесть курочек топчутся в ногах кровати. Пол был весь в курах. И лестница тоже. Курочки кишели в каждой комнате внизу. Кухню они затопили полностью и забились даже в раковину.

Они не шумели, только время от времени издавали тихое «ко-ко-ко», какое издают куры, когда не очень-то понимают, что происходит, то есть практически постоянно.

Куры упорно ковыляли прочь из кухни, чтобы дать дорогу другим. *Ко-ко-ко.* Потому что рог изобилия, который сделался размером чуть больше курицы, выплёвывал по курице каждые

восемь секунд. *Ко-ко-ко.*

На глазах у Тиффани очередная курочка приземлилась на гору сандвичей. *Ко-ко-ко.*

Эй сидела на роге изобилия, вид у неё был глубоко озадаченный. *Ко-ко-ко.* А посреди кухни похрапывала в кресле матушка Ветровоск, окружённая толпой восторженных курочек. *Ко-ко-ко.* Если не считать храпа, кудахтанья со всех сторон и шарканья куриных лап, было тихо. Кухня в свете свечи казалась очень мирной. *Ко-ко-ко.*

Тиффани сердито уставилась на кошку. Кошки трутся головой обо всё подряд, когда хотят, чтобы их накормили, верно? *Ко-ко-ко.* И мяучат. *Ко-ко-ко.* А рог изобилия учится понимать языки… *Ко-ко-ко.*

Тиффани прошептала:

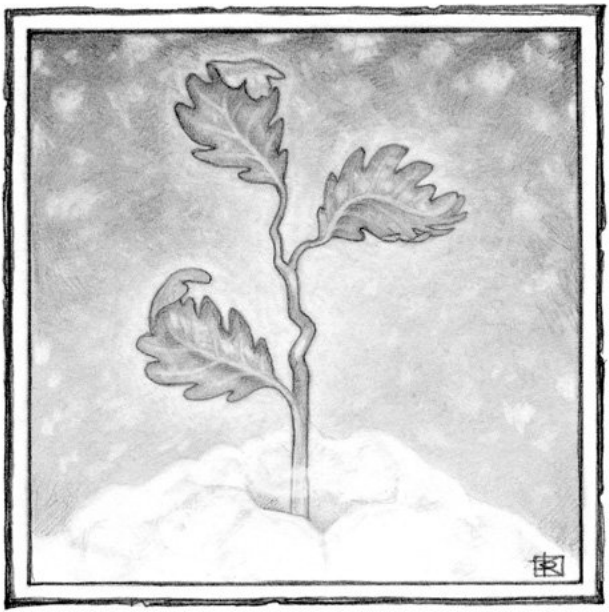
— Хватит кур, — и через несколько секунд куриный поток иссяк. *Ко-ко-ко.*

Но она не могла просто повернуться и уйти. Тиффани легонько потрясла матушку за плечо и, когда та проснулась, сказала:

— Хорошая новость — нам больше не надо думать, куда девать гору сандвичей… Э-э…

Ко-ко-ко.

Глава 9. Поворот на весну



На следующее утро резко похолодало. На землю спустился тот одуряющий, мертвящий холод, который, кажется, способен заморозить огонь

в камине.

Тиффани направила метлу вниз и приземлилась в лесу в некотором удалении от нянюшкиного дома. Метель сюда не заметала, но снежный покров был глубиной Тиффани до колена, а из-за мороза он схватился ледяной коркой, которая хрустела у неё под ногами, как чёрствый хлеб.

Она отправилась сюда якобы поучиться обращаться с рогом изобилия. Но на самом деле Тиффани просто сбежала, чтобы не попасть под раздачу. В конце концов, нянюшка Ягг останется довольна, ведь теперь у неё в сарае теснятся и твердят своё «ко-ко-ко» аж пять сотен молодых курочек. Но полы и даже лестничные перила в доме покрылись толстым слоем помёта. И потом, шёпотом добавила матушка, а если кто-нибудь скажет «акулы»?

Тиффани сидела на пне среди заснеженных деревьев, рог изобилия лежал у неё на коленях. Когда-то в лесу было красиво. Сейчас — омерзительно. Белые сугробы, тёмные стволы, раздетый догола чёрно-белый мир, толстые сучья над головой заслоняют солнце. Тиффани не хватало простора лугов.

Забавно… Рог изобилия всегда был немного тёплым на ощупь, даже сейчас, в морозном лесу. И он

как будто заранее знал, какого размера сделаться. Я расту, я уменьшаюсь, подумала Тиффани. А вот лично *я* чувствую себя очень маленькой.

И что же дальше? Что теперь? Она всё надеялась, что могущество снизойдёт на неё само, свалится с неба, как рог изобилия. Не снизошло.

Под снегом скрывалась жизнь. Тиффани чувствовала её кончиками пальцев. Где-то там, в глубине, где его никому не достать, спало настоящее лето.

Орудуя рогом, как лопаткой, Тиффани разгребла снег до прошлогодней листвы. Там, в паутине грибницы и переплетении бледных молодых корешков, продолжалась жизнь. Сонный червяк неуклюже спрятался под высохший лист, тонкий и дырявый, как кружево. Там, откуда уполз червяк, обнаружился жёлудь.

Лес не спал. Он только затаил дыхание. Все леса на свете ждали её, Тиффани, а она не знала, что делать.

Я не Летняя Владычица, сказала она себе. Я никогда не смогу стать ею. Я заняла её место, но я никогда не смогу ею стать. Возможно, мне удастся вырастить несколько цветов, но я не она. Она пойдёт по земле, и океаны древесных соков хлынут вверх по мёртвым стволам, тонны

травы вырастут в одночасье. Смогу я так? Нет. Я всего лишь глупая девчонка с парой фокусов в кармане. Я всего лишь Тиффани Болен, ребёнок, который болен тоской по дому.

Почувствовав себя виноватой перед несчастным червём, она подышала на землю, пытаясь согреть её дыханием, и нагребла сверху побольше листьев. И тут раздался тихий влажный «чпок», словно лягушка щёлкнула пальцами, и жёлудь лопнул. Белый росток проклюнулся из него и на глазах у Тиффани вытянулся на полдюйма.

Она торопливо вырыла ямку в земле, положила туда жёлудь и закопала.

И почувствовала на себе чей-то взгляд. Тиффани быстро встала и оглянулась. Вокруг никого не было видно, но это ещё ни о чём не говорило.

— Я знаю, что ты здесь! — крикнула Тиффани, продолжая озираться. — Кто бы ты ни был!

Её голос эхом вернулся к ней. Тоненький, испуганный голосок, даже ей самой это было слышно.

Тиффани невольно вскинула рог изобилия.

— Выходи! — пискнула она. — Или я…

«Или что? — подумала она. — Или я завалю тебя фруктами?»

С ветки с глухим стуком упал ком снега, Тиф-

фани подскочила от испуга и почувствовала себя совсем уж глупо. До чего она докатилась — дёргается из-за какой-то горсти снежинок! А ведь матушка Ветровоск всегда говорит: ведьма даже в самом тёмном лесу ничего не боится, ибо твёрдо знает, что она — самое опасное существо в этом лесу.

Тиффани подняла рог изобилия и почти безнадёжно прошептала:

— Клубника.

Что-то вылетело из рога с глухим «шух» и расплылось красным пятном по стволу дерева шагах в двадцати от неё.

Тиффани не стала подходить и проверять. Рог изобилия всегда делал то, что требовалось.

Чего нельзя сказать про неё саму.

И, ко всему прочему, сегодня был её черёд помогать Аннаграмме. Тиффани тяжело вздохнула. Возможно, и с этим она тоже не справится.

Она оседлала метлу и медленно скрылась за деревьями.

Минуту-другую спустя из маленькой горки земли, на которую она подышала, стремительно показался зелёный побег, вытянулся дюймов на шесть и выпустил пару листиков.

Послышались приближающиеся шаги. Вовсе

не такие скрипучие, какими обычно бывают шаги по снегу. Потом, впрочем, скрип всё же раздался — такой, будто кто-то опустился на колени на ломкую ледяную корку.

Пара костлявых, но сильных рук принялась сгребать снег и сухие листья и лепить из них высокую и тонкую стену вокруг ростка. Когда дело было сделано, побег оказался укрыт от ветра за стеной, словно солдатик в крепости.

Маленький белый котёнок попытался ткнуться в него носом, но те же руки осторожно подняли котёнка и отставили в сторону.

Матушка Ветровоск встала и двинулась обратно через лес, не оставляя следов на снегу. Никогда не учи других *всему*, что умеешь.

Аннаграмма день за днём понемногу училась, но дело шло трудно. Нелегко научить чему-нибудь человека, твёрдо уверенного, что знает всё на свете. Поэтому уроки проходили примерно так:

— Ты ведь знаешь, как приготовить плацебокорень, да?

— Конечно. Это все знают.

Тут главное не говорить: «Отлично. Покажи мне», потому что тогда Аннаграмма будет некоторое время тянуть резину, а потом заявит, что у

неё разболелась голова. Надо сказать: «Отлично, тогда посмотри, как я его готовлю, а если я вдруг сделаю что-то не так, тогда скажи мне об этом и сделай правильно». А по ходу работы вставить что-то вроде:

— Как ты знаешь, матушка Ветровоск утверждает, что вместо плацебо-корня сойдёт почти всё, что угодно, но по возможности лучше всё-таки использовать настоящий корень. Если приготовить из него микстуру, получится отличное лекарство от лёгких недомоганий… но ты это, конечно, и так знаешь.

И тогда Аннаграмма скажет:

— Разумеется, знаю.

Через неделю похолодало так, что в чащобах стали лопаться самые старые деревья. Старики говорили, такого уже много лет не видывали. Стволы лопаются, когда соки внутри них замерзают в лёд и разрывают дерево.

Аннаграмма была тщеславна, как канарейка среди зеркал, и, стоило ей столкнуться с чем-то неизвестным, тут же ударялась в панику. Но соображала она быстро, и ей здорово удавалось притворяться, будто она знает больше, чем знала на самом деле, а для ведьмы это очень важно. Однажды Тиффани заметила на столе раскрытый

каталог «Боффо». Некоторые товары были обведены. Она не стала ни о чём спрашивать. Не до того было.

Спустя ещё неделю замёрзли колодцы.

Тиффани несколько раз ходила с Аннаграммой по домам и убедилась, что та рано или поздно сможет стать настоящей ведьмой. У неё имелся врождённый дар боффо. Она была высокая и величественная и держалась так, будто всё знает, даже когда на самом деле не имела ни малейшего понятия, о чём речь. Этак она далеко пойдёт. Люди уже к ней прислушивались.

А что им ещё оставалось? Дороги замело. Крестьяне прокапывали в снегу узкие траншеи от дома к дому. Днём эти траншеи заполнял льдистый голубоватый свет. Если надо было доставить что-то дальше, чем к соседям, приходилось везти на метле. И стариков тоже. Их грузили на мётлы, вместе с постельным бельём, тростями и прочим, и перевозили по воздуху в другие дома. Вместе им жилось теплее, а кроме того, так они могли коротать зимние дни, напоминая друг дружке, что нынешние холода — это ещё ничего, вот во времена их молодости были морозы так морозы…

Потом они перестали это говорить.

Иногда случались оттепели, совсем ненадолго, а потом снова ударяли холода. От этого на кромке каждой крыши повисали гроздья сосулек. А в следующую оттепель сосульки падали и вонзались в снег, как кинжалы.

Тиффани совсем не спала. Точнее, не ложилась в постель. Никто из ведьм не ложился. Снег на земле уже смёрзся в лёд, твёрдый как камень, так что некоторые повозки могли по нему проехать, но ведьм, чтобы навещать людей, всё равно не хватало, и дни были слишком коротки. Не только дней, но и суток было мало, чтобы всё успеть. Петулия однажды заснула прямо в полёте и проснулась от удара о ветки дерева, пролетев перед этим на метле целых две мили во сне. Тиффани один раз тоже задремала и соскользнула с метлы, приземлившись в большой сугроб.

В прокопанные людьми траншеи явились волки. Ослабевшие и потерявшие всякий страх от голода. Волков остановила матушка Ветровоск. Она так никогда никому и не рассказала, как это сделала.

Холод наносил удар за ударом, день за днём, ночь за ночью. Повсюду на снегу виднелись чёрные комочки — птицы, замёрзшие на лету.

Другие птицы догадались укрыться в траншеях между домами, и теперь там всегда стоял грай. Люди кормили их крошками, потому что птичий щебет создавал обманчивое ощущение, будто весна не за горами…

…И потому, что у них была еда. О да, еды хватало. Рог изобилия трудился денно и нощно.

А Тиффани думала: зря я сказала, что снежинки мне нравятся.

Лачуга была старая и заброшенная. И там, в её гнилой дощатой стене, торчал гвоздь. Если бы у Зимовея были пальцы, они бы дрожали.

Вот оно, последнее, чего ему не хватает. Ему так много пришлось узнать! Столько трудов, столько трудов!.. Кто бы мог подумать, что человек состоит из мела, золы, газов, ядов и металлов? Но теперь цель близка. Вокруг ржавого гвоздя выступил лёд, лёд стал расти, выталкивая гвоздь, дерево застонало и заскрипело…

Гвоздь плавно вылетел из стены, и голос Зимовея прогудел в вое ветра, который морозил верхушки деревьев:

— Железа довольно на человека!

Высоко в горах взорвался снег, лежавший на земле. Он взметнулся в воздух, словно брызги, поднятые стаей игривых дельфинов. В снежном

облаке стали возникать и таять силуэты…

А потом, так же неожиданно, как поднялась, снежная туча опустилась. Но теперь она превратилась в лошадь, белую как снег, и всадника, сверкающего, как лёд. Если бы величайшему скульптору в мире заказали слепить снеговика, он бы вылепил нечто подобное.

Но превращение ещё не закончилось. Фигуры всадника и лошади шли рябью, менялись — и всё больше походили на настоящего человека и на лошадь. Обретали мелкие чёрточки и детали. А потом и цвета, но только бледные, ничего яркого.

И вот уже на снегу стоит лошадь, а в седле её сидит всадник и сверкает в лучах безрадостного зимнего солнца.

Зимовей вытянул руку, сжал пальцы. В конце концов, секрет цвета — в том, как отражается свет. Кисть приняла оттенок человеческой кожи.

Зимовей заговорил. То есть стал издавать всевозможные звуки, от воя метели до причмокивания воды, уходящей с галечного пляжа после разрушительного зимнего шторма. Где-то среди этой гаммы он нашёл тон, который вроде бы звучал как надо. Зимовей повторил этот звук, растянул его, добавил дрожи и превратил в речь.

Он пробовал голос так и этак, пока не получилось правильно:

— Увырклзак? Гггакклтик? Икит? Нананана… нъят… нап… А! Вот как говорят!

Он запрокинул голову и запел увертюру из оперы «Убервальдская зима» Чивота Твориша. Зимовей случайно услышал эту арию, когда подгонял ревущую вьюгу над крышей анк-морпоркской Оперы, и поразился, как это человек, то есть, в сущности, ходячий бурдюк с грязной водой, сумел так хорошо понять самую суть зимы.

— СНО-О-ОВА ПОХОЛОДА-А-АЛО![27] — пел Зимовей в леденеющее небо.

Его лошадь двинулась шагом среди сосен, а он всё распевал. Правда, Зимовей всё-таки кое в чём ошибся. Он исполнял не только партии всех певцов, но и партии всех инструментов, с его губ лилась увертюра целиком, включая звуки ударных. Так он и ехал, будто странствующий хор и оркестр в полном составе.

Обонять запахи деревьев! Чувствовать притяжение земной тверди! Быть плотным! Ощущать

---

[27] Примечания: 27

Интересный факт: в оригинальном, то есть английском, издании Зимовей поёт по-русски. Это позволяет сделать вывод, что в отдельных регионах Плоского мира распространён язык, похожий на наш, и более того, там существует подобие русского оперного искусства. (*Примеч. перев.*)

темноту по ту сторону собственных глаз и знать, что эта темнота — ты. Быть — и осознавать, что ты есть человек!

Он никогда не переживал ничего подобного. Это оказалось так волнующе. Вокруг было столько… столько всего. Вот, например, земля. Она тянула к себе, постоянно. Для того чтобы стоять прямо, нужно было всё время думать об этом. А птицы! Зимовей привык считать их не более чем вредной примесью в воздухе, засоряющей погодные течения, а теперь они с ним были на равных, он живой, и они живые. Они играли с потоками ветра и царили в небе.

Зимовей никогда раньше не видел, никогда раньше не слышал, никогда раньше не чувствовал. Чтобы делать всё это, нужно быть… самому по себе, в темноте по ту сторону глаз. Зимовей никогда не был сам по себе. Он всегда был самим собой — частью целой вселенной тяги и давления, звука и света, частью текучего, танцующего мира. Целую вечность он гнал через горы зимние бури, но до этого дня не знал, что такое горы.

Тьма по ту сторону глаз… Какая чудесная драгоценность! Она дарует тебе… твойственность. Через руки с этими их смешными ломкими отростками в неё попадают прикосновения. Через

отверстия по бокам головы в неё попадает звук. Через другие отверстия, расположенные спереди, — дивные запахи. Какие умные они, эти отверстия, — знают, кому что делать! Потрясающе. Когда ты — стихийный дух, всё происходит разом, внутри и снаружи, как единое огромное… что-то.

Что-то. Полезное слово это «что-то». Что-то было всё, что Зимовей не мог описать. Вокруг было полным-полно чего-то, и каждое что-то казалось ему восхитительным.

Как хорошо, оказывается, быть человеком! Конечно, он сделал себя по большей части из грязного льда, но грязный лёд — это та же грязная вода, только упорядоченная.

Да, он сделался одним из людей. Это вышло так просто! Главное было как следует упорядочить разные «что-то». И теперь у него есть чувства, он может ходить среди людей, он может… искать. Вот как надо искать людей! Становишься человеком — и ищешь. Пока он был стихийным духом, поиски давались тяжело. Ему трудно было даже просто выделить нужного человека среди бурлящих в мировом котле «что-то». Но человек — человек может говорить с другими людьми посредством отверстия для звуков. Те-

перь Зимовей заговорит с ними, и они ничего не заподозрят!

Теперь он человек, и пути назад не существует. Он Король Зима!

Осталось только найти королеву.

Тиффани проснулась оттого, что её трясли.

— Тиффани!

Она заснула в доме нянюшки Ягг, уронив голову на рог изобилия. Где-то рядом раздавались странные потикивания, словно падали сухие капли. Бледно-голубой снежный свет заливал комнату.

Она открыла глаза, и матушка Ветровоск мягко остановила её, не дав подняться со стула.

— Ты спишь с девяти часов, девочка, — сказала старая ведьма. — Думаю, тебе пора домой.

Тиффани огляделась.

— Но я ведь и так здесь, разве нет? — удивилась она. В голове всё как-то смешалось.

— Нет, это дом нянюшки Ягг. А это миска супа…

Тиффани проснулась. Перед ней расплывчатым пятном маячила миска супа. Было в ней что-то знакомое.

— Когда ты последний раз спала в кровати? — спросила колеблющаяся сумрачная фигура.

Тиффани зевнула:

— А какой сегодня день?

— Вторник, — сказала матушка Ветровоск.

— Ммм… а что такое вторник?

Тиффани проснулась в третий раз, и её тут же схватили в охапку и поставили на ноги.

— Вот так, — сказала матушка Ветровоск. — И хватит уже засыпать. Поешь супу. Он тебя согреет. Тебе пора домой.

На этот раз желудок Тиффани перехватил управление её рукой и заставил взять ложку. Тиффани понемногу согрелась.

Матушка Ветровоск сидела напротив, глядя, как она ест суп. Кошечка Эй лежала на коленях хозяйки.

— Напрасно я столько взвалила на тебя, — сказала старая ведьма. — Думала, дни будут становиться длиннее и ты найдёшь, где черпать новые силы. Ты не виновата.

Сухие потикивания стали раздаваться чаще. Тиффани посмотрела вниз и увидела, что из рога изобилия выпадает по зёрнышку. У неё на глазах кучка зерна немного подросла.

— Ты настроила его на зерно перед тем, как заснуть, — пояснила матушка. — Чем больше ты устаёшь, тем медленнее он работает. На самом деле это и к лучшему, а то куры нас заживо скле-

вали бы.

— Это единственное, что у меня выходит как надо, — сказала Тиффани.

— Ну, не знаю… — протянула матушка. — Анаграмма Ястребей, похоже, делает большие успехи. Ей очень повезло с подругами, как я слышала.

Если бы госпожа Вероломна попыталась сыграть с матушкой Ветровоск в покер, то непременно проиграла бы, настолько непроницаемое у той было лицо.

В наступившей тишине стук зёрен, падающих из рога, казался очень громким.

— Послушайте, я… — начала было Тиффани, но матушка только фыркнула.

— Уж передо мной-то объясняться не нужно, — щедро разрешила она. — Обещаешь, что отправишься домой? Утром тут будут проезжать две повозки, и говорят, дороги ещё ничего, особенно внизу, на равнинах. Тебе нужно домой, в твой край Меловых холмов. Ты для тамошних людей единственная ведьма.

Тиффани вздохнула. Она и сама хотела домой, хотела больше всего на свете. Но уехать сейчас означало бы сбежать.

— А может, не сбежать, а побежать навстречу, — сказала матушка, верная своей привычке

отвечать на непроизнесённое.

— Тогда я уеду завтра, — сдалась Тиффани.

— Хорошо. — Матушка Ветровоск встала. — А теперь пойдём-ка со мной. Хочу тебе кое-что показать.

И Тиффани отправилась следом за ней по прокопанной в снегу траншее, которая вела на опушку. Здесь снег был основательно утоптан — люди часто приходили за дровами. А если зайти глубже в лес, сугробы становились пониже. Ветки гнулись под тяжестью снега и наполняли воздух холодными голубыми тенями.

— Что мы ищем? — спросила Тиффани.

Матушка Ветровоск показала, куда смотреть.

Посреди бело-серого мира сверкал зелёный проблеск — листва молодого дубка, высотой чуть выше колена. Когда Тиффани, скрипя настом, подошла ближе и протянула руку, чтобы потрогать деревце, то почувствовала, что воздух вокруг него тёплый.

— Ты знаешь, как сделала это? — спросила матушка Ветровоск.

— Нет.

— И я не знаю. Я так не могу. А ты можешь, девочка. Ты, Тиффани Болен, это можешь.

— Это всего лишь одно-единственное дерев-

це, — сказала Тиффани.

— Ничего, начинать нужно с малого, а за цветочками и ягодки пойдут.

Они помолчали, глядя на дубок. Казалось, его зелень отражает снег. Зима высасывает цвета, но деревце сияло.

— Ладно, у нас у всех полно дел, — разрушила чары матушка Ветровоск. — Думаю, примерно в это время ты обычно отправляешься к домику госпожи Вероломны. Меньшего я от тебя и не ждала.

Постоялый двор стоял у дороги, и жизнь здесь кипела с раннего утра. Ненадолго остановилась почтовая карета, чтобы сменить лошадей после изнурительного путешествия через горы. Ещё одна, направлявшаяся на равнины, ожидала пассажиров. В воздухе облаками пара клубилось горячее дыхание лошадей. Возницы притопывали, чтоб не замёрзнуть. Люди грузили сундуки и чемоданы. Носились работники с торбами овса. Несколько кривоногих бездельников болтались поблизости, покуривая и обмениваясь слухами. Четверть часа спустя двор опустеет, но в эту минуту тут царила суета, и никто не обратил внимания на очередного незнакомца.

Потом они все по-разному рассказывали, как

было дело, и спорили до хрипоты. Пожалуй, наиболее точным можно считать рассказ Димфнии Стут, которая помогала своему отцу, хозяину постоялого двора, подавать гостям завтрак.

— Ну, в общем, он вошёл, и я сразу поняла, что он какой-то не такой. Он ходил так смешно, вскидывал ноги, как лошадь, понимаете? И ещё он как бы, в общем, блестящий был. Но у нас здесь кого только не встретишь, а будешь судачить о гостях — денег не заработаешь. На прошлой неделе вот вервольфы заходили, так они были ну совсем как вы или я, только тарелки им пришлось ставить на пол. А, ну да, так вот, этот господин… В общем, он сел за стол и говорит: «Я человек, совсем как ты!» Вот прямо с этого и начал.

Конечно, никто больше и ухом не повёл, а я говорю, мол, рада слышать, что кушать будете? Сосиски тем утром особенно удались. А он говорит: я могу только холодную пищу есть. И это было очень странно, потому что тогда все как раз заворчали, что у нас холодно, хотя мы и растопили камин пожарче. В общем… на самом деле у нас завалялось несколько холодных сосисок в кладовке, только они были малость несвежие уже, ну, вы понимаете, и я принесла их ему, а он откусил от одной, пожевал и говорит,

значит, с полным ртом: «Это не то, что я ожидал. А что делать теперь?», а я говорю: «Глотать», а он: «Глотать?», а я: «Да, глотаете их, чтобы попали прямо в желудок», а он как закричит, аж куски сосиски во все стороны полетели: «А, это так пустая штука внутри!», и потом вроде как рябью подёрнулся и говорит: «Ах, я воистину человек, и я съел человеческие сосиски», а я сказала, что не надо так, сосиски-то были большей частью из свинины, как обычно.

Тогда он спросил, а что делать с ними потом, а я сказала, что не мне ему это объяснять, с вас два пенса, спасибо большое, а он выложил золотую монету, так что я присела и поклонилась, потому что, ну, в общем, никогда ведь не знаешь. А потом он говорит: «Я человек, совсем как ты! Где найти летающих людей с остроконечными головами?», а я ещё подумала, ну и забавно же он это сказал, а сама говорю, мол, это вам ведьмы нужны, их за Ланкрским мостом полно, а он спрашивает: «А такую, чтобы по имени Вероломна?», и я сказала, что слышала, будто она умерла, но она же ведьма, поэтому кто её знает. И он ушёл. Он всё время, знаете, улыбался, прямо сиял, аж жуть брала. И с одеждой у него тоже было что-то не то, словно она к нему прилипла, в общем, как-то так. Но в нашем

деле нельзя привередничать. У нас тут вчера вон тролли были. Они нашу еду есть не могут, они же, знаете, в общем, как бы скалы ходячие. Так мы им замесили на скорую руку черепки со смазкой. Но этот, он и правда был какой-то не такой. Когда он ушёл, сразу стало намного теплее.

«Меньшего я от тебя и не ожидала».

Эти слова согревали Тиффани всю дорогу до домика госпожи Вероломны. Сердце её пылало от гордости, но масла в этот костёр подливал гнев.

Матушка всё знала! А может, она так и спланировала? Потому что вон оно как славно выходит. И все ведьмы будут знать. Ученица госпожи Увёртки чуть не завалила всё дело, но Тиффани Болен договорилась с другими девочками, чтобы они сообща помогли ей, и никому ни слова не сказала. Разумеется, в ведьмовском сообществе не сказать никому ни слова означает раструбить на весь мир. Ведьмы очень хорошо умеют расслышать то, что не сказано. Итак, Аннаграмма сохранила за собой дом, госпожа Увёртка посрамлена и матушка на высоте. Вся эта беготня и работа на износ, оказывается, были нужны, чтобы матушка могла чувствовать себя на высоте. Ну и ради борова старухи Повали, конечно, и ради людей в этом уделе. Всё так сложно… Когда

ведьма видит, что может чем-то помочь, она помогает. Совать нос не в своё дело — это основа ведьмовского ремесла. Тиффани это знала. И матушка Ветровоск знала, что она знает. Вот Тиффани и носилась туда-сюда, как маленькая заводная мышка…

Ну, она это попомнит!

Поляна в лесу была вся в схватившихся льдом сугробах, но Тиффани радостно заметила, что к дому протоптана тропинка.

Но обнаружилось и кое-что неожиданное. Возле могилы госпожи Вероломны стояли люди, и снег с неё частично счистили.

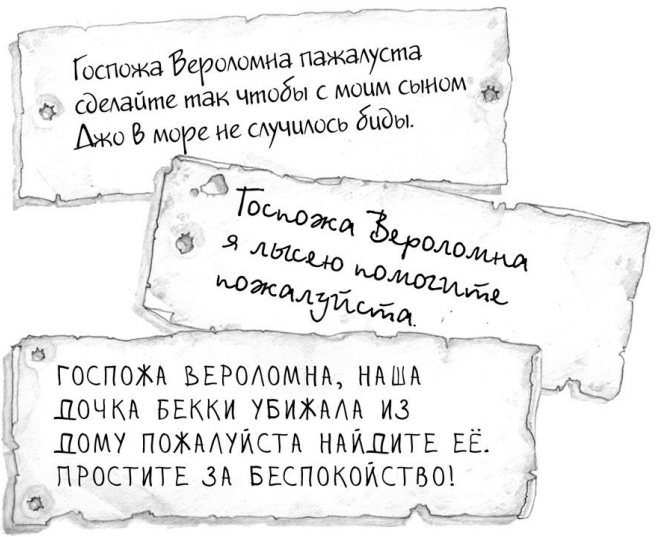
О нет, испугалась Тиффани, делая круг над поляной. Неужели Аннаграмма всё-таки решила отыскать черепа? Только не это!

Оказалось, в некотором роде даже хуже.

Она узнала многих из тех, кто стоял у могилы. Это были жители окрестных деревень, они косились на Тиффани с той лёгкой опаской, которая выдавала тихий ужас перед маленькой, но, возможно, рассерженной остроконечной шляпой. И было что-то подозрительное в том, как старательно невинно поглядывали они на холмик над могилой. Тиффани тоже посмотрела на него. Холмик был покрыт клочками бумаги,

пришпиленными к земле палочками и щепками. Бумажки трепыхались на ветру.

Тиффани схватила несколько штук и прочитала:



И так далее. Тиффани уже открыла рот, чтобы отчитать сельчан за то, что они смеют даже теперь беспокоить госпожу Вероломну… но вспомнила о пачках табака «Весёлый капитан», которые пастухи и по сей день приносили и оставляли на траве в том месте, где когда-то стояла пастушья кибитка. Они не писали на подарках свои просьбы, но прочитать их было нетрудно, воздух так и полнился ими: «Матушка Болен, ты пасёшь небесных овец, пожалуйста, присмотри и за моим стадом… Матушка Болен, исцели моего сына… Матушка Болен, разыщи моих ягнят…»

Это были молитвы маленьких людей, не решавшихся беспокоить богов, ведь те слишком далеко и высоко. Они доверяли тем, кого знали. И в этом не было ничего правильного или неправильного. Была только… надежда.

Что ж, госпожа Вероломна, подумала Тиффани, теперь вы точно стали героиней мифов. Возможно, вас даже повысят до богини. Но приятного в этой работе мало, могу сказать по опыту.

— И как, Бекки нашлась? — спросила Тиффани, повернувшись к людям.

Какой-то человек, избегая встречаться с ней взглядом, ответил:

— Думаю, госпожа Вероломна понимает, по-

чему девушка не хочет пока что возвращаться домой.

А-а, подумала Тиффани. Один из тех самых случаев.

— А про Джо что слышно?

— О, тут помогло, — сказала почтенная матрона из толпы. — Его матери вчера пришло письмо, он пишет, что их корабль разбился и утонул, но он выжил. А это, знаете ли, подтверждает.

Тиффани не стала спрашивать, что оно подтверждает. Подтверждает — и ладно.

— Что ж, это хорошо, — кивнула она.

— Но многие его товарищи с того корабля погибли, — продолжала матрона. — Они налетели в тумане на айсберг — огромную ледяную гору в виде женщины. Что вы на это скажете?

— Ну, когда моряки долго на берег не ступают, им что угодно женщиной покажется, а? — хохотнул мужичок из толпы.

Женщины обратили на него Взгляды.

— А он, случайно, не сказал, кто… на кого она была похожа? — спросила Тиффани, изо всех сил притворяясь, будто просто любопытствует.

— Это смотря куда они глазели… — начал было тот же весельчак, но женщина перебила его:

— Пойди домой и вымой свои мозги с мылом! —

И сильно ткнула его в грудь.

— Э-э, ничего такого он не писал, госпожа, — потупился весельчак. — Писал только, что у неё вся голова была покрыта чаячьим… гуано, госпожа.

Тиффани постаралась ничем не показать, какой камень свалился у неё с души. Она посмотрела на сотни трепещущих на ветру записок, потом снова подняла глаза на женщину — та что-то прятала за спиной, не иначе как очередную просьбу.

— Вы верите в это, госпожа Возчик? — спросила Тиффани.

Женщина внезапно засмущалась:

— Ой, нет, госпожа, конечно, нет… Но… просто, ну, понимаете…

Вам так легче, подумала Тиффани. Ведь прийти и положить записку можно даже тогда, когда ничего другого не остаётся. И кто знает, может, это и впрямь помогает. Да, я понимаю. Это…

Её ладонь чесалась. И только тут Тиффани поняла, что ощущает этот зуд уже некоторое время.

— Ах так! — пробормотала она себе под нос. — Да как ты смеешь!

— С тобой всё хорошо, госпожа? — спросил весельчак.

Тиффани не обратила на него внимания.

К ней скакал всадник, и плащ из снега полос-

кался у него за спиной, беззвучный, как мысль, густой, как туман.

Не отводя от него напряжённого взгляда, Тиффани нащупала в кармане маленький рог изобилия. Ха!

Она зашагала навстречу всаднику.

Когда белоснежная лошадь поравнялась с домиком госпожи Вероломны, Зимовей спешился.

Тиффани остановилась шагах в двадцати от него. В ушах громко отдавался стук сердца.

— Госпожа моя, — произнёс Зимовей и поклонился.

Он выглядел… лучше. И старше.

— Предупреждаю! У меня рог изобилия, и я не побоюсь его использовать! — крикнула Тиффани.

Но её терзала неуверенность. Он выглядел почти по-человечески, если не считать странной застывшей улыбки.

— Как ты нашёл меня? — спросила она.

— Ради встречи с тобой я учился, — сказал Зимовей. — Я научился искать. Я теперь человек.

«Да ну? — не поверил Дальний Умысел. — А ты обрати внимание на его рот. Он внутри белый. Это тебе не добрый мО́лодец. Он просто воображает себя молодцем».

«Одной большой тыквы хватит, — зудел Задний Ум. — Тыквы в это время года ой какие крепкие. Ну же, пристрели его!»

А сама Тиффани, та, что снаружи, та, что чувствовала прикосновения ледяного воздуха к лицу, подумала: «Я не могу! Он же ничего не делает, просто стоит и разговаривает. И это я во всём виновата!»

«Он хочет, чтобы в мире воцарилась вечная зима, — напомнил Дальний Умысел. — Все, кого ты знаешь, погибнут».

Она не сомневалась, что Зимовей читает её мысли.

«Лето убивает зиму, — гнул своё Дальний Умысел. — Так устроен мир!»

«Да, но не таким же образом! — мысленно возразила ему Тиффани. — Это совершенно точно должно произойти как-то по-другому. А так было бы неправильно… Не по сказке. Нельзя убить Короля Зимы огромной тыквой!»

Зимовей не сводил с неё глаз. Тысячи снежинок-Тиффани плавно ложились на землю вокруг него.

— Теперь мы можем завершить наш танец? — спросил он. — Я человек, как ты. — И он протянул ей руку.

— А ты знаешь, что такое человек? — спросила Тиффани.

— Да! Это просто! Железа довольно, чтоб выковать гвоздь! — заявил Зимовей. Он раздулся от гордости, что справился с непростой задачей. — А теперь прошу тебя, потанцуй со мной… — И шагнул вперёд.

Тиффани попятилась.

«Если ты сейчас согласишься с ним потанцевать, — сказал Дальний Умысел, — всему конец. Можешь верить в себя и в свою путеводную звезду. Но этим огромным мерцающим штуковинам за тысячи миль от нас всё равно, над чем мерцать — над живым миром или над бескрайними вечными снегами…»

— Я… не готова, — еле слышно прошептала Тиффани.

— Но время не ждёт, — проговорил Зимовей. — Я человек, я знаю. Разве ты не богиня в человеческом облике?

«Нет, — подумала Тиффани. — Я всегда буду лишь… Тиффани Болен».

Зимовей придвинулся ближе, не опуская протянутой руки.

— Пора. Настало время завершить наш танец, Владычица!

Стоило ей взглянуть в его глаза, и мысли разбежались, оставив в голове белую пустоту, словно поле нетронутого снега.

— А-а-а-аййи-и-и-и!

Дверь старого домишки госпожи Вероломны распахнулась, и оттуда выскочило… нечто. Увязая в снегу, оно бросилось прямо к ним.

Это была ведьма, никаких сомнений. На ней — а это, наверное, была она, хотя некоторые создания настолько ужасны, что уже всё равно, как к ним обращаться, — на ней красовалась остроконечная шляпа, и узкая тулья извивалась, будто змея. Из-под шляпы торчали всклокоченные сальные патлы, с них что-то капало. Лицо ведьмы выглядело и вовсе кошмарно — уродливое, жуткого зелёного цвета. И руки со зловещими чёрными ногтями были тоже зелёные.

Тиффани застыла, уставившись на неё во все глаза. Зимовей застыл. Люди застыли.

Когда ужасная завывающая тварь подбежала ближе, стали видны подробности вроде гнилых коричневых зубов и бородавок. Множества бородавок. Даже на бородавках, которые росли на бородавках, росли бородавки.

Аннаграмма купила всё, что только можно. Тиффани чуть не рассмеялась, несмотря на весь

ужас положения, но тут Зимовей схватил её за руку…

И ведьма тряхнула его за плечо:

— Немедленно отвяжись от неё, ты! Да как ты смеешь! Я ведьма, чтоб ты знал!

Голос Аннаграммы и в мирное-то время не особенно ласкал слух, а уж когда она пугалась или злилась, превращался в пронзительный вой, который вонзался прямо в мозг.

— Отпусти её, я сказала! — завопила Аннаграмма, и Зимовей окаменел, будто оглушённый.

Визг взвинченной Аннаграммы — слишком тяжёлое испытание для того, кто совсем недавно научился слышать ушами.

— Отпусти её! — И она метнула в него огненный шар.

Шар не коснулся Зимовея. Возможно, Аннаграмма в него и не целилась. Чтобы остановить большинство людей, вполне достаточно, если шар горящего газа пролетит поблизости. Но большинство людей не тают.

У Зимовея отвалилась нога.

Позже, в дороге, сражаясь со снегом и ветром, Тиффани гадала, как был устроен Зимовей. Он состоял из снега, но сумел заставить снег двигаться и говорить. А значит, ему приходилось постоянно

об этом думать. Только так. Людям нет нужды каждую минуту держать в голове своё тело, потому что тело и само знает, какое оно и что ему делать. А снег не умеет даже стоять прямо.

Аннаграмма сверлила Зимовея сердитым взглядом, словно он чем-то крепко ей насолил.

Он растерянно огляделся, по груди пошли трещины… и он рассыпался, осел горкой сверкающего снега.

Снег с неба пошёл сильнее, будто кто-то принялся вытряхивать облака.

Аннаграмма оттянула резиновую маску в сторону и посмотрела сперва на сугроб, потом на Тиффани.

— Ладно, — сказала она. — И что это было? Это нормально, что он так рассыпался?

— Я прилетела повидать тебя, и… Это Зимовей! — только и смогла выдавить Тиффани.

— В смысле, тот самый Зимовей? — переспросила Аннаграмма. — А он разве не выдумка? И с какой стати он к тебе привязался? — добавила она обвинительным тоном.

— Потому что… Он… Я… — начала Тиффани, но точки, с которой можно было бы начать рассказ, попросту не существовало. — Он настоящий! — выкрикнула она. — И мне надо унести от него

ноги! Мне ноги надо унести! Некогда объяснять!

На миг ей показалось, что Аннаграмма не станет помогать, пока не услышит всю историю с начала до конца, но та резко схватила её за руку зелёной резиновой клешнёй.

— Тогда уноси их, и поскорее! О нет, ты что, так и летаешь на старой метле госпожи Вероломны? На этой развалюхе далеко не улетишь. Возьми мою! — И она потащила Тиффани к дому.

Снег всё усиливался.

— Железа довольно, чтоб выковать гвоздь, — пробормотала Тиффани, стараясь поспевать за Аннаграммой. Она не могла ни думать, ни говорить ни о чём другом, ей вдруг показалось, что это очень-очень важно. — Он считал себя человеком…

— Я только разнесла его снеговика, дурочка! Он вернётся!

— Да, но железа довольно, понимаешь, довольно, чтобы…

Зелёная ладонь хлестнула её по щеке — хорошо ещё, резина смягчила удар.

— Хватит лепетать! Я думала, ты умная! Понятия не имею, во что ты ввязалась, но если бы эта тварь гналась за мной, я бы не стояла тут, бормоча всякую ерунду!

Аннаграмма снова натянула на лицо маску Злой Старой Ведьмы Делюкс с Бесплатной Соплёй, поправила Соплю, чтобы свисала получше, и повернулась к окаменевшим зрителям.

— Эй, что уставились? Ведьмы не видели? — крикнула она. — Ступайте по домам! Ах да, я зайду к вам завтра, госпожа Возчик, принесу лекарство для малыша!

Они вытаращились на страшную зелёную рожу, на гнилые зубы, на сальные космы, на огромную соплю (на самом деле стеклянную) — и кинулись прочь.

Тиффани стояла, пьяная от ужаса и облегчения, покачивалась и бормотала: «Железа довольно, чтоб выковать гвоздь…», пока Аннаграмма не тряхнула её, больно схватив за плечи. Снег уже валил так сильно, что они едва видели друг друга.

— Тиффани, садись на метлу! Лети! Лети далеко-далеко! Куда-нибудь в безопасное место!

— Но он… понимаешь, бедняга думал, что…

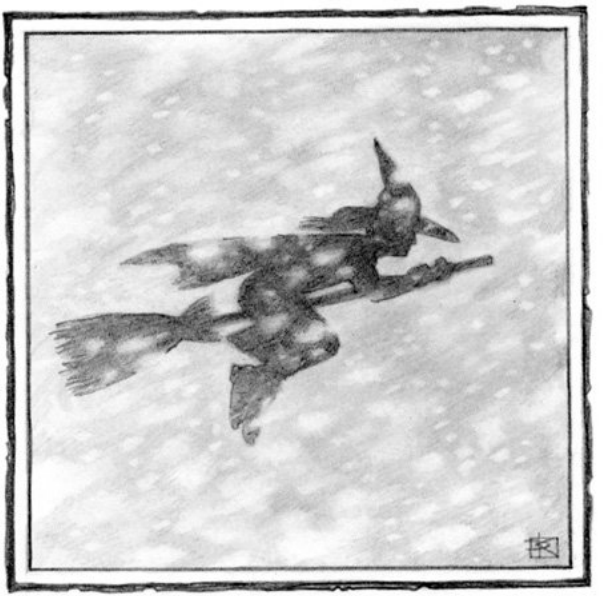
— Да-да, не сомневаюсь, это очень важно. — Аннаграмма подтащила её к стене дома, возле которой стояла метла.

Дёргая и подталкивая, она заставила Тиффани сесть на метлу и посмотрела вверх. Снег падал стеной, будто водопад.

— Он возвращается! — пробормотала Анаграмма и шепнула несколько слов.

Метла взвилась к небесам и скрылась в меркнущем, заснеженном свете дня.

Глава 10. Домой



Матушка Ветровоск подняла голову, оторвав взгляд от блюдца с чернильной водой, где крохотная фигурка Тиффани растворилась в снежной

пелене. Матушка улыбалась, но её улыбка не обязательно означала, что происходит нечто хорошее.

— Мы б его залехко пришибнули, — с упрёком сказал Явор Заядло. — Зазря ты нам не дала.

— Возможно. А возможно, он бы превратил вас в ледышки, — отозвалась матушка. — Кроме того, Нак-мак-Фиглям предстоит дело куда важнее. Чтобы спасти вашу малу громазду каргу, вы должны сделать две вещи. Первая задача трудна, вторая очень трудна.

Фигли, услышав такое, разразились восторженными воплями. Синие человечки были повсюду в кухне нянюшки Ягг. Некоторые устроились даже на самой нянюшке Ягг, а мисс Тик в окружении пикстов нервно морщилась. В отличие от неё, им нечасто выпадал случай принять ванну.

— Во-первых, — произнесла матушка, — ради Тиффани вы должны спуститься в… в Подземный мир и разыскать настоящую Летнюю Владычицу.

Она многозначительно замолчала, но Фигли пропустили всю многозначительность мимо ушей.

— Лады, эт’ мы могём, — сказал Явор Заядло. — Мы куды хоть пролазнём. Эт’ была оченно

трудновастая позадача?

— А выбраться назад вы тоже сможете? — спросила матушка.

— Ах-ха, — уверенно отозвался Фигль. — Обычно нас просто вышвыркивают.

— Очень трудная задача, — продолжала матушка, — это найти Героя.

— Да лехко! — сказал Явор Заядло. — Мы тута все герои.

— Правда? — переспросила матушка. — Ты боишься спуститься в Подземный мир, Явор Заядло?

— Я? Нае! — Явор Заядло оглянулся на своих братьев и весело ухмыльнулся.

— Тогда напиши мне слово «карамель». — Матушка Ветровоск подтолкнула через стол карандаш и откинулась на спинку стула. — Давай. Бери и пиши. И чтобы никто тебе не подсказывал!

Явор попятился. Он знал: матушка Ветровоск — всем каргам карга. Даже думать не хочется, что она может сотворить с оступившимся Фиглем.

Потея от волнения, он взял карандаш и приставил его к дощатой столешнице. Другие Фигли собрались вокруг, но под строгим взглядом матушки никто не решился хоть взглядом подбодрить Большого Человека.

Явор уставился в потолок и пошевелил губами. На лбу у него выступил пот.

— Ка-а-а-а-а… — протянул Фигль.

— Раз, — сказала матушка.

— Эй! Хтой-то тут считатит? — возмутился Явор Заядло.

— Я, — ответила ведьма.

Эй запрыгнула к ней на колени и свернулась клубком.

— Раскудрыть, не было уговору, чтоб ты считатила!

— А я разве не сказала? Правила могут измениться в любую минуту. Два!

Явор накорябал более или менее разборчивое «К», подумал и вывел «Р», как раз когда матушка сказала:

— Три!

— Ты «А» прозабыл, Явор, — подсказал Билли Мордаст. Он с вызовом посмотрел на ведьму и добавил: — Ты сама сказанула, что правила могут меняться!

— Конечно. Пять!

Явор написал «А» и в порыве вдохновения добавил «М».

— Шесть с половиной… — Матушка спокойно поглаживала кошку.

— Что? Ах, раскудрыть! — пробормотал Явор, вытирая вспотевшую ладонь об килт.

Снова схватив карандаш, он вывел на столе «Е». Нижняя палочка получилась длинной и волнистой, потому что он слишком сильно надавил и грифель сломался.

Явор Заядло зарычал и выхватил меч.

— Восемь.

Полетели щепки — Явор Заядло несколькими рубящими ударами очинил карандаш.

— Девять.

Весь красный, с выпученными от напряжения глазами, Явор начертал на столе «Л».

— Десять.

Явор Заядло вытянулся по струнке, весьма испуганный, но в то же время и слегка гордый собой, возле своего творения:

КРАМЕЛ

Фигли грянули «Ура!», и те, кто стоял поближе, принялись обмахивать вождя килтами.

— Одиннадцать.

— Что? А, раскудрыть его!

Явор Заядлор кинулся в конец слова и спешно добавил маленький мягкий знак.

— Двенадцать.

— Считай докуды хошь, хозяйка, — заявил Фигль, отбросив карандаш, — а токо эт' вся карамель как она есть.

Его братья снова разразились радостными криками.

— Героическая попытка, Явор Заядло, — сказала матушка. — Первое, что герой должен одолеть, — это собственный страх. А когда дело доходит до драки, Фигли не знают такого слова.

— Твоя правда, — признал Большой Человек. — Мы многих тыщ словей ни бум-бум.

— Можете вы сразиться с драконом?

— Ах-ха, гони его сюдыть! — пропыхтел Явор, всё ещё злой из-за карамели.

— Бегом подняться на высокую гору?

— Нае проблемо!

— Прочитать книгу до самого конца, чтобы спасти свою малу громазду каргу?

— Ах-ха… — Явор осёкся. Вид у него сделался затравленный. Фигль облизнул губы. — А скока в этой книжине листьев? — хрипло спросил он.

— Сотни, — сказала матушка Ветровоск.

— И на кажденной стороне листа словей понашкрябано?

— Да. Притом очень мелкими буквами.

Явор Заядло чуть присел и сжал кулаки — ко-

гда отступать было некуда, он всегда принимал боевую стойку. Толпа Фиглей вокруг затаила дыхание.

— Я прочитю её, — прорычал он, потрясая кулаками.

— Хорошо, — сказала матушка. — Конечно, прочтёшь. И это будет подвиг — для тебя. Но кто-то должен отправиться в Подземный мир и найти настоящую Госпожу Лето. Такова Сказка. Так уже случалось раньше. Всё получится. И тот, кто отправится под землю, должен преодолеть свой страх и робость, как истинный герой, ибо множество чудовищ, которых ему придётся победить, живёт лишь в его голове. Уже пора наступить весне, но зима и снег и не думают уходить, так что разыщите Героя немедля. Найди его и покажи ему Путь, Ведущий Вниз, Явор Заядло.

— Ах-ха, того путю мы бум-бум, — сказал Большой Человек.

— Героя зовут Роланд, — продолжала матушка. — Не тяните, отправляйтесь, как только рассветёт.

Метла неслась сквозь черноту бури. Мётлы обычно летят туда, куда ведьма хочет попасть, поэтому Тиффани просто лежала на ручке, стараясь не замёрзнуть до смерти и надеясь, что метла

несёт её домой. Впереди не было видно ничего, кроме тьмы и жалящего глаза снега, так что она прижала подбородок к груди, чтобы острая тулья шляпы торчала навстречу ветру. И всё равно снег колотил её, будто камнями, и скапливался на метле. Приходилось каждые несколько минут отряхивать себя и её, чтобы не обледенеть.

Она услышала рёв водопада внизу и почувствовала, что под ней разверзлась пропасть, когда метла вылетела на равнины и начала снижаться. Тиффани промёрзла до костей.

Она не могла сражаться с Зимовеем, по крайней мере, так, как Аннаграмма. О, Тиффани, конечно, собиралась дать ему бой и уснула с твёрдым намерением осуществить свой план, но стоило ей увидеть его…

…Железа довольно, чтоб выковать гвоздь… Слова всё крутились и крутились у неё в голове, пока она летела, и Тиффани вспомнила старый стишок, который выучила давным-давно, когда в деревню в очередной раз пришли странствующие учителя. Его, кажется, знали все:

Железа довольно, чтоб выковать гвоздь,

Злата довольно, чтоб купить боб,

Серебра хватит булавку посеребрить,

Свинца ровно столько, чтоб птичку нагрузить,

Извёстки довольно, чтоб стену побелить,

Воды ровно столько, чтоб пса утопить,

Фосфора хватит город осветить,

Яду довольно быка отравить,

Серы довольно, чтоб блох прогнать,

Поташа довольно штаны постирать…

И так далее, и так далее…

Это был один из тех глупых стишков, про которые кажется, что ты знал их всегда, что тебя никто никогда ему не учил. Девочки прыгали под него через скакалку, мальчики использовали как считалочку.

А как-то раз один странствующий учитель, делившийся, как и все они, знаниями в обмен на яйца, свежие овощи и чистую ношеную одежду, обнаружил, что может заработать больше, если будет рассказывать о вещах не столько полезных, сколько интересных. И он рассказал, как однажды несколько волшебников при помощи

очень изощрённой магии выяснили точно, из чего же состоит человек. Оказалось, в основном из воды, но кроме воды в нас есть ещё и железо, сера, сажа и всего прочего понемногу, даже самая малость золота. И всё это перемешано и сплавлено в человеке.

Тиффани тогда подумала, что это вполне логично. Но она не сомневалась: если взять все эти вещества и собрать их в большом котле, то они не превратятся в человека, хоть тресни.

Нельзя получить картину, налив в ведро побольше красок. Это даже самый глупый человек понимает.

Но Зимовей не был человеком. И не понимал.

А ещё он не знал, как заканчивается стишок.

Чужая метла неслась вперёд и вперёд, а строчки всё крутились в голове Тиффани. Проснулся доктор Хлопстел и прочёл ей лекцию о Первоэлементах. «Да, — гундел он своим обычным самодовольным тоном, — действительно, в человеке есть почти все изначальные химические элементы, однако в нём также содержится значительная примесь нарративия, основного элемента сказок и историй». Определить его наличие, сказал профессор, можно только по поведению остальных элементов…

— Ты бежишь, спасаешь свою жизнь… Как тебе это нравится, маленькая пастушка? Ты увела его у меня. Неужели он для тебя — свет в окошке?

Голос раздался прямо из воздуха рядом с метлой.

— Мне плевать, кто ты. — Тиффани так замёрзла, что не могла толком думать. — Уйди…

Тянулись часы. Здесь, внизу, воздух был чуть теплее, чем в горах, и снег шёл не такой густой, но холод всё равно пробирал до печёнок, забираясь под любую одежду. Тиффани из последних сил старалась не заснуть. Некоторые ведьмы умеют спать в полёте, однако она боялась. Вдруг ещё приснится, что падаешь, а потом проснёшься и обнаружишь, что это так и есть, а хорошая новость — что осталось уже недолго.

Но вот внизу показались огни, мерцающие и жёлтые. Должно быть, это постоялый двор в деревне Дверубахи, важный ориентир.

Ведьмы обычно избегают останавливаться в гостиницах: кое-где это опасно, а некоторые владельцы могут, забыв о почтении, потребовать денег. Но на заднем дворе госпожи Амбридж, хозяйки сувенирной лавки напротив постоялого двора, был старый хлев, и он относился к тем местам, которые мисс Тик обозначала как ВОДВ,

«всегда открыто для ведьм». На стене хлева даже имелась пометка (чтобы найти её, надо было знать, где искать): ложка, остроконечная шляпа и большая учительская галочка.

Куча соломы внутри показалась Тиффани самым желанным ложем на свете, и ей по горло хватило двух минут, чтобы по горло зарыться туда. У дальней стены маленького сарайчика госпожи Амбридж две коровы выделяли тепло и запах переваренной травы.

Тиффани снился тяжёлый сон. Аннаграмма снимала маску Злой Старой Ведьмы, и под маской оказывалось её лицо, а потом она снимала своё лицо, и под ним оказывалось лицо матушки Ветровоск…

И вдруг:

— Скажи, маленькая пастушка, стоил ли этого танец? Ты забрала мою силу, и теперь мир замёрзнет. Стоил ли этого один-единственный танец?

Тиффани рывком села и уставилась в темноту. Ей показалось, будто она успела заметить гаснущее сияние, змеящееся в воздухе. А потом она снова провалилась во тьму, и ей приснились глаза Зимовея.

Глава 11. Даже бирюза

Бамс-блямс!

Тиффани подскочила и села, солома посыпалась с неё. Но это всего лишь лязгнула ручка

ведра.

Госпожа Амбридж доила коров. Бледный свет сочился сквозь щели в стенах. Хозяйка подняла голову, услышав, что Тиффани зашевелилась.

— Ах, я как чувствовала, что сегодня кто-то из моих дорогих гостий нагрянет, — сказала она. — Хочешь позавтракать, милая?

— Да, пожалуйста! — с благодарностью сказала Тиффани.

Тиффани помогла старушке донести полные вёдра и сбить немного масла, погладила старую-престарую собаку, положила запечённую фасоль на поджаренный хлеб, и тут…

— Кажется, у меня здесь есть кое-что для тебя, — сказала госпожа Амбридж, направляясь к маленькому прилавку, служившему почтовым отделением местечка Дверубахи. — Куда же я его… А, вот!

Она вручила Тиффани связку писем и плоский свёрток. Всё вместе было перехвачено резинкой и покрыто собачьей шерстью. Хозяйка продолжала что-то говорить, но Тиффани почти не слушала. Что-то о том, что возница сломал ногу, бедный старик, а может быть, ногу сломала его лошадь, бедная старушка, а снежная буря повалила множество деревьев поперёк дороги, а потом пошёл

такой сильный снег, милочка, что и пешком стало не пройти, и так то одно, то другое, вот почту с Меловых холмов и не удалось доставить, да её и было-то совсем немного, если уж на то пошло…

Её объяснения слились для Тиффани в едва слышное жужжание, потому что все письма оказались адресованы ей: три от Роланда и одно от мамы. И посылка тоже предназначалась Тиффани. У свёртка был этакий деловитый вид, и когда Тиффани открыла его, там обнаружилась блестящая чёрная коробка, а когда она открыла и коробку…

Тиффани никогда прежде не видела акварельных красок. Она и не знала, что так много цветов могут уживаться рядом.

— А, краски, — сказала госпожа Амбридж, заглянув Тиффани через плечо. — Как мило! У меня тоже были такие в молодости. Смотри-ка, тут даже бирюза имеется. Бирюзовая краска, она страшно дорогая. Это тебе твой дружок прислал, да? — спросила она, потому что старушки всегда хотят знать всё и даже больше.

Тиффани закашлялась. В письмах она старательно обходила стороной больную для неё тему акварелей. Должно быть, Роланд решил, что ей хочется попробовать порисовать самой.

Краски в коробке переливались, словно ручная радуга.

— Какое чудесное утро, — сказала она. — Мне и правда пора домой.

На холодном ветру у реки над самым Ланкрским водопадом готовилось к отплытию большое бревно. Матушка Ветровоск и нянюшка Ягг стояли на отшлифованном водой валуне посреди реки и наблюдали.

По всему бревну сидели Фигли и радостно предвкушали приключение. Конечно, им грозил верный Смерть, зато — и это важно! — не грозило никакого чистописания.

— А ведь никому ещё не удавалось спуститься по водопаду и выжить, чтобы рассказать об этом, — заметила нянюшка Ягг.

— Паркинсон спустился, — сказала матушка Ветровоск. — Помнишь? Три года назад.

— Ну, он, конечно, остался жив, да только с тех пор жуть как заикается, — сказала нянюшка.

— Зато он книжку написал, — напомнила матушка. — Называется «Как я падал с водопада». Очень познавательная.

— Да, но рассказать-то всё равно никто ничего такого не смог, — стояла на своём нянюшка. — А я рассказы имела в виду, не писанину всякую.

— Дык мы ж лехки, как пёрыхи, — вмешался Явор Заядло. — А ветрюга килт раздувнёт и не даст нам быр-быро пасть.

— Занятное выйдет зрелище, — заметила нянюшка.

— Все готовски? — окликнул своих Явор Заядло. — Ну лады. Будь доброва, отвязай верёвку, хозяйка Ягг.

Нянюшка распустила узел и оттолкнула бревно ногой. Оно отплыло от камня, и его подхватило течение.

— Лодка моя лодочка? — предложил Туп Вулли[28].

— Про чтой-то ты? — не понял Явор Заядло.

Бревно стало набирать скорость.

— Ну, чего б нам не спеванути дружно эту

---

[28] Примечания: 28

— Лодка моя лодочка? — предложил Туп Вулли.

Эта английская детская песенка необыкновенно популярна: её поют скауты в походах, она может использоваться как «игровая»: дети усаживаются друг напротив друга и «гребут» сцепленными ладошками. В песенке всего один куплет:

Row, row, row your boat,
Gently down the stream.
Merrily, merrily, merrily, merrily,
Life is but a dream.

Лодка-лодочка, плыви,
Рассекай волну,

Весело-весело-весело-весело,

Жизнь подобна сну.

Однако существует огромное количество шуточных переделок и добавлений, в духе:

Лодка-лодочка, плыви,

Рассекай волну,

Брось учителя за борт –

Пусть идёт ко дну.

пестню?

Стены ущелья быстро смыкались вокруг них.

— Лады, — согласился Большой Человек. — Недурственная водоплавственная пестня. Токо держай своего сыру подале от меня, Вулли. Мне не ндра, как он на меня зырит.

— У него и глазьев-то нету, Явор! — робко возразил Вулли, прижимая к себе Горация.

— Во-во. Эт' мне и не ндра, — поморщился Большой Человек.

— Гораций не хочевал тебя жратс, Явор! — заступился Вулли. — И совсем чистовым тебя вышплюнул!

— А почём ты бум-бум, как его звать? — спросил Явор, когда белые от пены волны стали захлёстывать бревно.

— Он самый мне сказанул, Явор.

— Нды? — Явор Заядло пожал плечами. — Ну лады. С сыром не пошпоришь.

На речных волнах покачивались льдины. Нянюшка Ягг указала на них:

— Из-за этого снега ледяные реки снова тронулись.

— Знаю, — сказала матушка Ветровоск.

— Надеюсь, сказкам можно доверять, Эсме.

— Это очень древние сказки. Они живут соб-

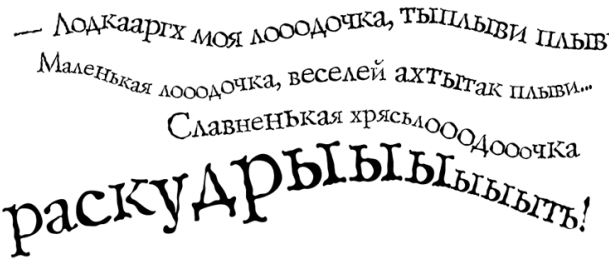
ственной жизнью. Только и ждут, чтобы снова стать былью. История о том, как Лето спасают из-под земли, — очень старая история, — ответила матушка Ветровоск.

— Но Зимовей нашу девочку в покое не оставит. За ней увяжется.

Матушка смотрела, как бревно с Фиглями несётся по стремнине.

— Да, увяжется. И знаешь… мне его даже немного жаль.

Фигли плыли домой. Из них только Билли Мордаст мог похвастаться, что ему медведь на ухо не наступал, но это было неважно, поскольку пикссты всё равно пели каждый на свой лад, в своём темпе и даже свои слова. Вскоре между ними стали вспыхивать небольшие потасовки, как бывало всегда, когда Фигли веселились от души, и потому песня, эхом отдававшаяся от скал, пока бревно неслось к водопаду, звучала примерно так:



— это бревно вместе с Фиглями и песней кануло вниз и скрылось в клубах тумана.

Тиффани летела над китовьей спиной одного из Меловых холмов. Зима превратила его в белого кита, но снега здесь, похоже, было не так много. Свирепые ветра, которые засыпали склоны снегом, сами же его и сдували. Здесь не было деревьев и почти не было стен, чтобы его удержать.

Подлетая к дому, она стала всматриваться в нижние, огороженные пастбища. Там уже сколачивали загончики для овец, у которых вскоре должны были родиться ягнята. Пусть снега было

слишком много для этого времени года (и кто виноват, а?), у овец собственное расписание, и снег им не указ. Пастухи знают, как может свирепствовать зима, когда подходит время окота. Она никогда не сдаётся без боя.

Тиффани приземлилась во дворе Родной фермы и шепнула метле несколько слов. Это ведь была не её метла. Она взмыла в воздух и стрелой понеслась в сторону гор. Метла всегда найдёт дорогу домой, главное — знать, как её туда отправить.

Её встретили родные, было много смеха, чуть-чуть слёз и куча уверений, что Тиффани вытянулась, как бобовый стебель, и уже догнала свою маму, и ещё много всякого, что обычно говорят в таких случаях.

Кроме маленького рога изобилия, она не взяла с собой ничего. Её дневник, одежда и всё прочее осталось в горах. Неважно. Она не сбежала, она прибежала, и вот она здесь и ждёт, когда окончательно вернётся в себя. И чувствует родную землю под ногами.

Она повесила шляпу на гвоздь за дверью и пошла помогать сколачивать сараи для овец.

Это был хороший день. Немного солнечного света пробилось сквозь зимнюю мглу. Посреди снежной белизны цвета делались ярче, словно

то, что они по-прежнему здесь, придавало им сияния. Старая сбруя, висящая на стене в сарае, блестела, как серебряная. Даже серые и коричневые оттенки, которые раньше казались такими тусклыми и скучными, будто ожили.

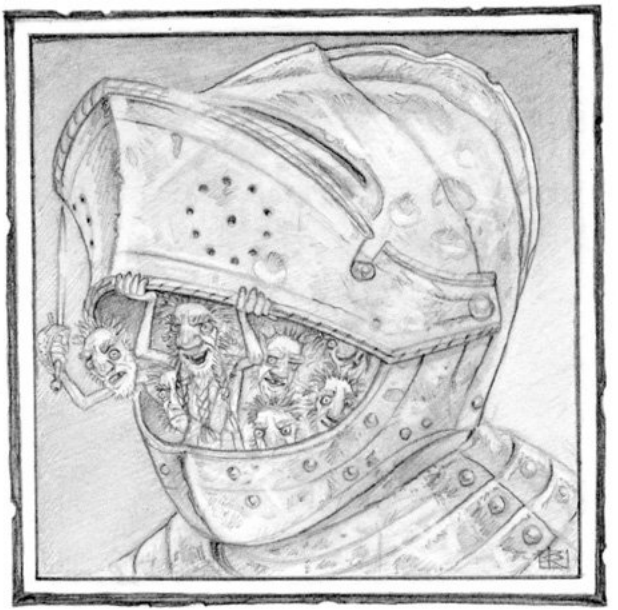
Тиффани достала краски и несколько драгоценных листов бумаги и попробовала нарисовать то, что видит. И в этом тоже была магия. Весь секрет крылся в свете и тени. Если удаётся перенести на бумагу тень и блеск, отпечаток, который всё сущее оставляет в этом мире, то на рисунке появляется в точности то, что ты хочешь изобразить.

Раньше Тиффани рисовала только цветными мелками. Краски оказались куда лучше.

Это был хороший день. День только для неё. Она чувствовала, как какие-то её частички выбираются из укрытия, раскрываются, как бутоны. Завтра её ждёт работа по хозяйству, а ещё на ферму потянутся люди и, смущаясь и нервничая, будут просить помощи у ведьмы. Когда очень больно, никого не волнует, что ведьма, которая прогонит боль, выросла здесь и все помнят, как она бегала в свои два годика в одной рубашонке.

Завтра могло произойти всё, что угодно. Но сегодня зимний мир был полон красок.

Глава 12. Щука



По равнинам поползли слухи об удивительных происшествиях. У самого подножия водопада в хижине жил один старик. Говорили, что его лодку видели на реке — она неслась сама по

себе, да так быстро, что чуть не выпрыгивала из воды, только вёсла мелькали. Лодку потом нашли привязанной под мостом в Дверубахи, где проходила большая дорога. Зато запряжённая почтовая карета, стоявшая у постоялого двора, сбежала, оставив валяться на земле всю почту. Возница одолжил лошадь, бросился в погоню и нашёл карету в тени Меловых холмов. Все двери стояли нараспашку, одна из лошадей исчезла.

Лошадь пару дней спустя привёл обратно хорошо одетый юноша. Он сказал, что нашёл её, когда она бродила в полях. Странно, что при этом лошадь была ухожена и сыта.

Очень-очень толстые — вот самое лучшее описание, которое можно дать стенам баронского замка. По ночам замок никто не охранял, потому что ровно в восемь стража запирала караулку и расходилась по домам. Вместо них на дежурство заступал Старый Роббинс, бывший стражник, а ныне ночной сторож, но все знали, что уже к девяти он засыпает у камина. У него был древний рожок, в который Роббинс должен был подуть, если на замок нападут, хотя никто толком не знал, чем это поможет.

Роланд жил в башне под названием Цапля, на самом верху, потому что его тёткам не нравилось

лишний раз одолевать столько ступенек. Стены башни тоже были очень-очень толстыми, и это оказалось к лучшему: кто-то приставил к его уху рожок и подул во всю мочь.

Роланд выпрыгнул из кровати, запутался в одеяле, поскользнулся на коврике, укрывавшем ледяной каменный пол, треснулся головой о шкаф и с третьей отчаянной попытки сумел-таки зажечь спичку, а от неё — свечу.

На столике у его кровати лежали большие мехи и рожок Старого Роббинса. Очевидно, мехами-то в рожок и подули. Больше в комнате не было ничего, кроме теней.

— Эй, у меня меч! — крикнул Роланд теням. — И я умею с ним обращаться!

— Ай, да тебе ужо кирдыкс пришёл, — отозвался голос из-под потолка. — Пока дрыхс себе в клова-ти и храповал, как хрюкса, тебя давно чик-чик! Шутка. Нихто из нас тебе злей не желает.

На тёмных потолочных балках быстро-быстро зашептались, после чего голос продолжил:

— Тойсь почти нихто. Но за Громазда Йана ты не изводись, ему вообсче мало кто ндра.

— Кто вы?

— Ну вот, ты так ничего не вкумексал, — ото-звался голос небрежно. — Я тута, наверхах, до

самых зубьев оборужённый, а ты тама, внизах, весь такой себе в пинжаме, стрыляй — не хотю. И хто тут буде вопросья задавать, а? Дракс, гришь, ты умеешь?

— Да!

— А бушь ты дракс с чудищами, чтоб малу громазду каргу спасануть, а? Бушь?

— Малу громазду каргу?

— Тиффани по-твоёму.

— Тиффани Болен? А что с ней случилось?

— Придёшь ты ей на помощи, а? Выручёвывать отправишься?

— Да! Конечно! Кто вы?

— И мечом ты орудовать могёшь?

— Я прочёл «Руководство по бою на мечах» от корки до корки!

Повисла тишина, потом голос под потолком сказал:

— Ах, кажись, я зырю, в чём нашее мал-мал проблемо…

На дальней стороне замкового двора располагался арсенал. Он был не ахти какой: рыцарские латы (составленные из разномастных фрагментов), несколько мечей, боевой топор, который никто не мог поднять, и кольчуга, выглядевшая так, будто её поела моль с на редкость крепкими

зубами. Ещё там нашлись несколько деревянных колод, закреплённых на больших пружинах, — для отработки ударов. В данный момент Роланд рьяно атаковал одного из болванов, а Фигли смотрели.

— Ну чё, — мрачно сказал Громазд Йан, глядя на прыжки Роланда, — ежли ему окромя безоружных поленьев никто не повстретится, то, мож, и сойдёт.

— Пылу в нём выш-крыш, — заметил Явор Заядло, глядя, как Роланд, упёршись ногой в колоду, пытается вытащить застрявший меч.

— Ах-ха. — Громазд Йан не спешил радоваться.

— Вона кык тужится, любо-дорого зырить, — продолжал Явор.

Роланд наконец высвободил меч, колода на ветхой пружине откачнулась и треснула его по голове.

Проморгавшись, юноша посмотрел на Фиглей. Он помнил их ещё со времён своего спасения от Королевы эльфов. Если уж однажды повстречал Нак-мак-Фиглей, забыть их невозможно, сколько ни пытайся. Но остальное помнилось как-то смутно. Он почти всё время был слегка не в себе, а то и вовсе в обмороке, и успел повидать много странного. Роланд уже сам сомневался, что было

на самом деле, а что ему только померещилось.

Что ж, теперь он убедился: Фигли настоящие. Да их нарочно и не придумаешь. Правда, один из них был сырной головой, которая каталась следом за остальными, но ведь у всех свои недостатки.

— Что я должен буду сделать, господин Заядло? — спросил Роланд.

Явор Заядло ждал и боялся этого вопроса. Если сказать человеку, что ему предстоит спуститься в Подземное царство, он может невесть что себе вообразить.

— Ты должон спасти одну… госпожу, — начал Явор издалека. — Не малу громазду каргу, другую… госпожу. Мы те покажем, хде она ща. За ней надыть вроде как под земли полезть. Она там кык бы… дрыхс. А тебе надыть её наверхи спровадить, всего и делов.

— А, это как Орфео спас Эвнифону из Подземного царства? — спросил Роланд.

Явор Заядло молча вытаращился на него.

— Есть такой эфебский миф, — попытался объяснить Роланд. — Он как бы про любовь, но на самом деле это просто аллегория того, как лето каждый год уходит и возвращается. Эту историю по-разному рассказывают, есть множество вариантов.

Фигли по-прежнему таращились на него. Когда Фигли молчат и смотрят, мало кто способен спокойно это выдержать. Смотреть они умеют почище кур[29].

— Аллегория — это такое враньё, которое помогает понять, где правда, — вмешался Билли Мордаст, но это не очень-то помогло.

— Орфео освободил свою возлюбленную, купив её свободу игрой на лире, — добавил Роланд. — Или на лютне, не помню…

— А, эт' мы могём. Мы на чём хошь сыграем, дай токо картсы! — оживился Туп Вулли.

— Думаю, он играл музыку, — сказал ему Билли Мордаст и посмотрел на Роланда. — А ты на чём-нибудь играешь?

— У моих тёток есть рояль, — неуверенно сказал юноша. — Но если с ним что-нибудь случится, мне точно несдобровать. Тётки замок по камешку разнесут.

— Тады лучше меч, — с неохотой признал Явор Заядло. — Ты хоть когда хоть с кем живым дракс, мил-чел?

— Нет, — признался Роланд. — Я просил стражников помочь мне в тренировках, но тётки им

---

[29] Примечания: 29
Ко-ко-ко…

запретили.

— Но ты мечом-то орудовал ваще?

Роланд смутился:

— В последнее время нет. Ну, не так чтобы… Э-э… по правде говоря, никогда. Тётки говорят…

— Дык кык же ж ты учился дракс? — в ужасе спросил Явор Заядло.

— Ну, в моей комнате есть большое зеркало, и я перед ним отрабатывал… настоящие… — Он смешался, увидев, какие лица сделались у Фиглей. — Простите. Наверное, вам лучше поискать кого-нибудь более подходящего…

— Э, не скажи, — устало вздохнул Явор Заядло. — По всекарге ты как раз самый тот выходишь. Тебе просто нужон кто-нить, чтоб мал-мал поупражаться…

Громазд Йан всегда подозревал недоброе. Он посмотрел на брата и проследил его взгляд до рыцарских доспехов.

— Опять? — простонал он. — Чур, я в коленье больше не полезну!

Следующий день тоже выдался прекрасным, вплоть до той самой минуты, когда обернулся сплошным кошмаром.

Тиффани встала рано и растопила печь. Когда мама спустилась вниз, она увидела, что её дочь

старательно трёт щёткой кухонный пол.

— А… а разве тебе теперь не положено делать это с помощью волшебства, солнышко? — спросила мама.

Она так и не смогла понять, в чём суть ведьмовского ремесла.

— Нет, мам, не положено, — ответила Тиффани, продолжая работать щёткой.

— Но ведь ты, наверное, могла бы просто взмахнуть рукой, чтобы вся грязь улетела прочь, правда?

— Очень трудно объяснить магии, что тут грязь, а что нет, — сказала Тиффани, оттирая въевшееся пятно. — Я слышала, одна ведьма в Эскрау что-то напутала, так у неё ни пола не осталось, ни сандалий и большой палец на ноге уцелел чудом.

Госпожа Болен попятилась.

— Я думала, тебе надо просто помахать руками, и всё… — испуганно пролепетала она.

— А вот это помогает, — кивнула Тиффани. — Только в руках должна быть щётка.

Когда с полом было покончено, она вычистила под раковиной. Потом вынула всё из кухонных шкафчиков, вымыла полки и поставила на место. Отчистила до блеска стол, перевернула его и стала мыть с той стороны. Она вымыла даже

нижние поверхности ножек. Тут госпожа Болен наконец поняла: такая уборка делается не просто из любви к чистоте, — и вышла из кухни, чтобы заняться домашними делами где-нибудь ещё.

И была права. Матушка Ветровоск однажды сказала: если хочешь высоко держать голову, ноги твои должны твёрдо стоять на земле. А для этого лучше всего помыть полы, наколоть дров, постирать что-нибудь или, скажем, заняться сырами — все эти дела помогают оставаться на земле, напоминают тебе, что в этом мире настоящее, а что нет. К тому же, пока руки работают, голова остаётся свободна и может спокойно разложить мысли по полочкам.

Грозит ли Зимовей Тиффани дома? Грозит ли он её дому?

Рано или поздно они встретятся вновь. Ей придётся вновь противостоять этому снеговику, который решил, будто он человек, снеговику всесокрушающему, как лавина. Магия лишь задержит его и разозлит. Обычное оружие против него бесполезно, а необычного у Тиффани немного…

Аннаграмма одолела Зимовея, обрушив на него свою злость. Тиффани и хотела бы так же сильно разозлиться, да не могла. Кстати, надо будет

потом сказать Аннаграмме спасибо. По крайней мере, дела у неё теперь точно пойдут на лад. Ведь люди видели, как она превратилась в визжащую зелёную тварь. Такую ведьму они зауважают. А если у тебя есть уважение, у тебя есть всё.

И надо будет ещё повидаться сегодня с Роландом, пока не стемнело. Тиффани не знала, что ему сказать. Но и он тоже не будет знать, что сказать, так что всё в порядке. Они могли часами проводить время вместе, не зная, что сказать. Он, наверное, в замке. «Интересно, что он сейчас делает?» — подумала Тиффани, протирая сиденье стула снизу.

Кто-то громко колотил в дверь арсенала. Ох уж эти тётки… Дверь — крепче некуда, четыре слоя дубовых досок и железа, а они всё равно умудряются стучать так, что уши лопаются.

— Мы не потерпим подобного непослушания! — крикнула тётя Данута.

Словно в ответ ей из-за двери донёсся лязг.

— Чем ты там занят? Сражаешься?

— Нет, пишу сонату для флейты! — рявкнул в ответ Роланд.

Что-то тяжёлое ударило в дверь.

Тётя Данута собралась с силами. В общих чертах она напоминала мисс Тик, с той разницей, что с

лица её не сходило обиженное выражение, а с губ в любую минуту мог хлынуть поток упрёков.

— Если ты не станешь слушаться, я скажу твоему отцу… — Она осеклась, потому что дверь оружейной резко распахнулась.

На руке Роланда темнел свежий порез, щёки его пылали, с подбородка капал пот. Роланд тяжело дышал. Трясущейся рукой он поднял меч. За спиной у него, в дальнем конце полутёмной комнаты, стояли очень старые доспехи. Шлем повернулся на плечах, словно чтобы посмотреть на тёток. Раздался скрип.

— Только попробуйте побеспокоить отца, — сказал Роланд онемевшим от изумления тёткам, — и я расскажу ему о деньгах, которые начали пропадать из сундука в сокровищнице. Не лгите мне!

На мгновение — на одно ускользающее мимолетное мгновение — на лице тёти Дануты мелькнуло виноватое выражение, но она тут же опомнилась:

— Да как ты смеешь! Твоя дорогая матушка…

— Умерла! — крикнул Роланд и захлопнул дверь.

Забрало шлема поднялось, и на свет высунулись десяток Фиглей.

— Раскудрыть, прям карсуньи старые, — сказал

Громазд Йан.

— Это мои тётки, — объяснил Роланд. — Что такое карсуньи?

— Во́роны. Вроде ворон, токо погромаздее. Когда кто-то вот-вот помереть должен — они тут как тут, — сказал Билли Мордаст.

— А, так вы с ними уже знакомы. — Глаза Роланда блеснули. — Ну что, ещё разок? Кажется, я начинаю понимать, в чём тут фокус…

Доспехи решительно запротестовали — все, с ног до головы. Но Явор Заядло прикрикнул на них.

— Лады, дадим-ка паре ишшо разокс попробовать, — сказал он. — Все по местам!

Послышался лязг и ругательства — Фигли отправились на боевые посты внутри доспехов. Через несколько секунд доспешный воин встрепенулся, подхватил меч и поковылял прямо на Роланда. Если прислушаться, можно было разобрать негромкие команды, раздававшиеся под латами.

Доспех взмахнул мечом, но Роланд молниеносно отразил удар, шагнул в сторону и ударил сам, разрубив противника пополам в районе пояса. Лязг раздался такой, что эхо пошло гулять по всему замку.

Верхняя половина доспеха отлетела и врезалась в стену. Ноги остались стоять, слегка покачиваясь.

Когда всё стихло, из железных штанов показались маленькие рыжие головы.

— Это что, так и должно было быть? — спросил Роланд. — Все, э, целы?

Быстрая перекличка показала, что никого не располовинило, хотя некоторые ушиблись, а Туп Вулли потерял свой сапог. Правда, множество Фиглей ещё долго ходило по комнате, зажимая уши руками. Уж очень громкий вышел лязг.

— Недурственна попытка, паря, — расплывчато выразился Явор Заядло. — Кажись, ты начинаешь кумексать в мечах.

— По-моему, я и правда делаю успехи. — Роланд был очень горд собой. — Ну что, попробуем ещё раз?

— Нет! Тойсь… нет, — сказал Явор Заядло. — Хва с тебя на сёдня, а?

Роланд посмотрел на зарешеченное оконце под потолком.

— Да, верно. Мне надо навестить отца. — Радость на его лице померкла. — Уже за полдень. Стоит мне пропустить хотя бы день, он забывает, кто я такой.

Когда Роланд ушёл, пиксты переглянулись.

— А у парня жизня нынче не малина, — высказался Явор Заядло.

— Но сражаться он и вправду стал намного лучшей, верно? — заметил Билли Мордаст.

— Ах-ха, признаваю, он не така пискля, кыкс попервой показался, но он же ж мечей еле подымает, его ж недельями надо натащивать, чтоб мал-мал толк вышел, — сказал Громазд Йан. — Есть у нас те недельи, а, Явор?

Большой Человек пожал плечами:

— Хто его знает… Паря должон заделаться Героем, во что б оно ни стало. Ужо скоро мала громазда карга повстретится с Зимовеем. Забороть его она не смогёт. Всекарга верно грит: таку стару сказищу не забороть. Сказища свой путь завсегды сыскнёт. — Он сложил ладони рупором и крикнул: — Лады, шасть до дому, парни! Возвернёмся ввечеру. Героя одним махом, мож, и не смастрячишь, но мы ишшо позырим.

Младший брат Тиффани, Винворт, стал уже достаточно большим, чтобы требовать к себе такого отношения, будто он ещё больше. На ферме, где царит деловитая суета, ходят лошади с большими подкованными копытами, где можно запросто ухнуть в пруд, в котором купают овец, и вообще

есть сотни мест, где ребёнка могут не заметить, пока не станет слишком поздно, такие требования могут обойтись слишком дорого. Но больше всего Винворт любил воду. Если его нигде не было видно, скорее всего, он опять отправился на реку с удочкой. Винворта тянуло к реке как магнитом, несмотря на то что в раннем детстве его чуть было не сожрало страшное зелёное чудовище, которое из этой реки выпрыгнуло. Тиффани тогда пристукнула чудовище железной сковородкой. Поскольку в те времена Винворт увлекался только конфетами, этот случай он прокомментировал так: «Тиффи бум лыбу». Но с тех пор он далеко продвинулся в искусстве рыбной ловли. И в этот день он снова отправился на рыбалку.

Винворт нутром чуял, где прячутся чудовища. Самые крупные щуки плавали в глубоких омутах, мысли их текли медленно и были все о еде. Тут-то перед носом хищницы и возникал крючок с серебряной блесной.

Когда Тиффани пошла к реке позвать брата домой, он уже шёл ей навстречу. Взъерошенный Винворт карабкался вверх по склону, волоча на себе огромную рыбину. Она была лишь вполовину меньше его самого.

— Смотри, какая большая! — крикнул он, едва

завидев сестру. — Это Старый Эйб придумал, чтобы под поваленной ивой попробовать, знаешь, где это? Он сказал, сейчас они что хочешь сцапают! Ух, она и вырывалась, но я не отпускал! В ней, наверное, фунтов тридцать, не меньше!

Около двадцати, мысленно прикинула Тиффани, но для рыбака пойманная рыба всегда больше, чем есть.

— Молодец! А теперь пойдём-ка домой, а то холодает, — сказала она.

— Приготовишь её на ужин? Намучился я, пока в садок её затащил. В ней же фунтов тридцать пять! — продолжал Винворт, сгибаясь под тяжестью добычи.

Тиффани хватило ума не предлагать свою помощь. Винворт только оскорбился бы.

— Нет, сперва её надо почистить и оставить вымачиваться до завтра, а сегодня мама приготовила тушёное мясо. Но завтра я сделаю тебе твою щуку в имбирном соусе.

— Да тут на всех хватит! — радостно сказал Винворт. — Она ж фунтов на сорок потянет, а то и больше!

— Конечно, — согласилась Тиффани.

И вот вечером, после того как щуку показали всем и все успели ею восхититься, после того как

её взвесили и узнали, что она весит двадцать три фунта (Тиффани украдкой нажала на весы, чтобы прибавить рыбине немного веса), — вечером Тиффани отправилась чистить рыбу, то есть обрезать и выковыривать всякую несъедобную пакость, к которой она была бы рада отнести всю щуку целиком. Тиффани не слишком-то любила эту рыбу, но ведьма не должна воротить нос от еды, тем более от дармовой. К счастью, под правильным соусом щука на вкус почти и не щука.

Тиффани бросила щучьи потроха в ведро и вдруг заметила, как среди них что-то сверкнуло. Ну конечно, подумала она, Винворт был в таком восторге, что забыл вытащить блесну.

Тиффани наклонилась — и вот уже у неё в руке покрытая слизью и чешуёй, но такая знакомая серебряная лошадка.

Должен был бы прогреметь гром. Но слышался только голос Винворта, в десятый раз пересказывавшего в соседней комнате историю своей победы. Должен был бы налететь порыв ветра. Но лишь сквозняк колебал пламя свечей.

Едва Тиффани прикоснулась к украшению, как Зимовей об этом узнал. Она почувствовала его потрясение.

Тиффани подошла к двери и распахнула её. В

воздухе кружилось всего несколько снежинок, но вдруг, словно обрадовавшись, что у него появился зритель, снег пошёл сильнее, потом ещё сильнее и, наконец, превратился в еле слышно шипящую белую стену. Тиффани поймала пару снежинок и посмотрела поближе. Её маленькие подобия таяли на ладони.

Да. Он её нашёл.

Внутри у неё всё будто закоченело, но в голове бешено крутились хрустальные колёса. Можно было бы взять лошадку и отнести её… Нет, в такую погоду, да ещё ночью, пешком далеко не уйдёшь. Напрасно она отослала метлу.

Напрасно она танцевала.

Бежать некуда. Тиффани придётся встретиться с ним снова, встретиться с ним здесь и остановить его любой ценой. В горах с их чёрными лесами трудно поверить в вечную зиму. Здесь, среди холмов, это гораздо легче. И оттого, что всё происходило на земле Тиффани, ей было особенно трудно — Зимовей принёс холод в её сердце. Она чувствовала, как оно стынет.

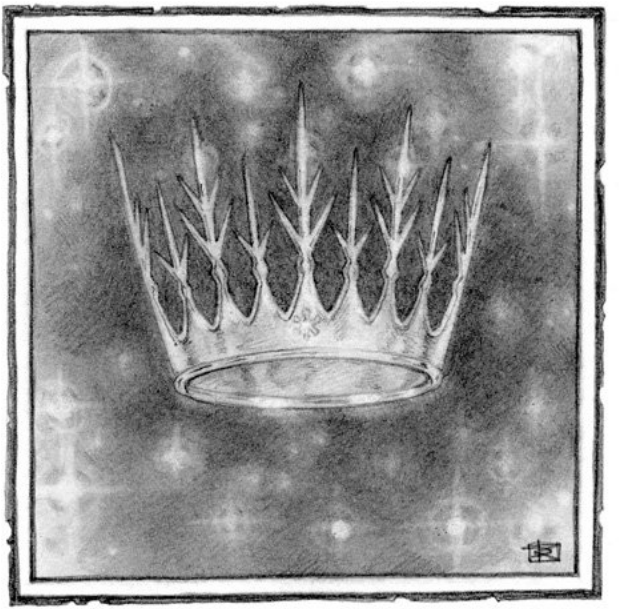
За то недолгое время, что она стояла и думала, снегу навалило несколько дюймов. Тиффани была ведьмой, но прежде всего она была дочерью пастуха, и здесь и сейчас у неё были заботы

поважнее.

Он вошла в кухню, наполненную теплом и золотым светом, и сказала:

— Отец, надо позаботиться о стаде.

Глава 13. Ледяная корона



Вот что было раньше. А теперь — то, что теперь.

— Ах, раскудрыть! — пробормотал Мал-да-удал Штырь, притаившийся на крыше тележного

сарая.

Костёр погас. Снег, заполонивший всё небо, сделался не таким густым. Мал-да-удал Штырь услышал протяжный крик в вышине и понял, что делать. Вскинув руки над головой, он закрыл глаза, и в тот же миг канюк обрушился с небес и подхватил его.

Штырь обожал этот трюк. Когда он открыл глаза, мир остался далеко внизу, а голос сверху позвал:

— Лезай сюдыть, паря!

Штырь схватился за тонкую кожаную сбрую и потянул. Канюк разжал когти. Осторожно перебирая руками, юный Фигль полез по сбруе наверх, на спину птицы, и наконец устроился за спиной Хэмиша-летуна, держась за его ремень.

— Явор грит, ты ужо взрослявый, чтоб идти в Подземновое царство. Сам-то он за Героем помёлся. Везуко тебе.

Канюк расправил крылья и, чуть накренившись, заложил вираж.

Снег внизу… отступал. Он уже не таял, нет, он бежал от загона с ягнятами, откатывался назад, словно море во время отлива, едва слышно, как вдох.

Мораг (так звали птицу) скользила над пастби-

щем, люди внизу растерянно озирались.

— Одна мёртва буранка и дюжина мёртвых ягнятов, — сказал Хэмиш. — А малой громаздой карги нет. Он забрал её.

— Кудыть?

Хэмиш заставил Мораг подняться по спирали выше в небо. Вокруг фермы снег перестал, но на верхних пастбищах он валил стеной.

И вдруг эта стена обрела форму.

— Тудыть, — показал Хэмиш.

Так, я жива. Почти наверняка.

Да.

И я чувствую холод вокруг, но самой мне не холодно. Это было бы трудно объяснить, если б меня спросили.

И я не могу двигаться. Шевельнуться не могу.

Вокруг белым-бело. И внутри, в голове, тоже белым-бело.

Кто я?

В памяти осталось имя Тиффани. Надеюсь, это я и есть.

Вокруг белым-бело. Так со мной уже было однажды. То ли сон, то ли воспоминание, то ли ещё что-то, для чего у меня нет слов. Вокруг падала белая белизна. И оседала вокруг, и росла, и поднимала меня вверх. Это… это мел холмов рождался

и рос в безмолвии на дне давно не существующего моря.

Вот что означает моё имя.

Земля Под Волной.

Тут-то к ней вернулись цвета, накатили и вспыхнули в голове. По большей части — красным огнём гнева.

Да как он посмел!

Он убил ягнят!

Матушка Болен не допустила бы такого. Она ни одному ягнёнку не дала умереть. Она умела возвращать их к жизни.

Не надо было мне вообще уезжать, подумала Тиффани. Возможно, лучше было остаться и попробовать чему-то научиться без чужой помощи. Но если бы я осталась, кем бы я была сейчас? Была бы я собой, знала бы всё то, что знаю? Была бы я к сегодняшнему дню такой же сильной, как бабушка, или уже превратилась бы в злобно хихикающую ведьму? Ладно. Я буду сильной.

Слепую стихию, губящую всё живое, можно только проклинать, но когда эта стихия ходит рядом на двух ногах — это уже война. И скоро стихия крепко пожалеет!

Тиффани попыталась пошевелиться, и на этот раз белизна вокруг поддалась. То, что окружало

её, на ощупь казалось смёрзшимся снегом, но она не чувствовала холода. Стена снега перед ней упала, освободив проход.

Снаружи тянулся куда-то далеко-далеко гладкий полупрозрачный пол. К высокому потолку, затянутому туманом, вздымались колонны.

И ещё там были стены, сделанные из того же самого материала, что и пол. На вид они были изо льда, Тиффани даже разглядела пузырьки в их толще, но на ощупь оказались совсем не ледяные, просто прохладные.

Тиффани стояла в огромном зале. Мебели не было, совсем. Этот зал был из тех, которые строят, чтобы похвастаться: смотрите, сколько места я могу позволить себе никак не использовать!

Её шаги отдавались эхом. Да, зал был пуст, ни единого стула. А если бы она и нашла стул, удобно ли было бы на нём сидеть?

Наконец Тиффани отыскала лестницу, ведущую наверх (а если смотреть сверху — то вниз). Поднявшись, она очутилась в другом зале. Там всё-таки обнаружилась мебель — кушетки вроде тех, на которых полагается возлежать томным красавицам. И ещё были вазы, огромные вазы и статуи, всё из того же неледяного льда. Статуи изображали атлетов и богов, совсем как на

картинках в «Мифологии» Вьюркоу: кто-то собирался метнуть копьё, кто-то пытался придушить гигантских змей голыми руками и так далее, чем там ещё занимались в древние времена. Ни на ком из них не было и клочка одежды, зато все мужчины щеголяли фиговыми листиками, которые, как выяснила Тиффани в порыве любознательности, были очень крепко приделаны.

В зале горел камин. Очень странный камин. Во-первых, дрова в нём были опять-таки изо льда. А во-вторых, пламя было голубым — и холодным.

На этом этаже имелись вытянутые окна, но они начинались высоко над полом и в них не было видно ничего, кроме пасмурного неба, на котором бледным призраком просвечивало сквозь облака солнце.

Ещё одна лестница, очень помпезная, привела Тиффани в следующий зал, полный кушеток, статуй и ваз. Кто мог выстроить такой дворец? Тот, кто не ест и не спит, вот кто. Тот, кому нет нужды в уюте и удобстве.

— Зимовей!

Её голос пошёл отражаться от стены к стене, постепенно затихая:

— Эй… Эй… Эй… — И наконец угас.

И третья лестница. На сей раз наверху обнару-

жилось кое-что новенькое: на постаменте, где могла бы стоять очередная статуя, красовалась корона. Она парила в воздухе на высоте нескольких футов, медленно поворачиваясь и льдисто сверкая. Чуть подальше стояла статуя, только не огромная, как остальные, а ростом с обычного человека. И вокруг неё танцевал мерцающий огонь — голубое, зелёное, золотое сияние.

Оно было точь-в-точь как центральное сияние, которое иногда вспыхивает в середине зимы над горами в самом центре мира. Люди верят, что эти полотнища света живые.

Статуя была одного роста с Тиффани.

— Зимовей!

Ответа по-прежнему не было.

Прекрасный дворец, где нет ни кухни, ни кровати… Зимовей не нуждается в еде и сне, так для кого же он построил всё это?

Тиффани знала ответ. Для неё.

Она потянулась потрогать сияние, и оно окутало её руку, а потом растеклось вокруг неё, соткавшись в платье, сверкающее, как снежное поле в лунную ночь. Она опешила, а потом разозлилась. А потом ей захотелось посмотреться в зеркало, и сразу же накатило чувство вины за это желание, а от вины она вернулась к злости и

решила, что, если ей вдруг и встретится зеркало, она подойдёт к нему только затем, чтобы проверить, очень ли сердитой выглядит.

После недолгих поисков она таки нашла зеркало — стену из зелёного льда, такого тёмного, что он казался почти чёрным.

Да, Тиффани в зеркале была очень сердитой. И сказочно прекрасной. Она вся сверкала. Она переливалась зелёным и голубым с золотистыми искорками, совсем как небо зимними ночами.

— Зимовей!

Она знала: он наблюдает за ней. Он мог быть где угодно.

— Хватит уже! Я здесь! И ты это знаешь!

— Да. Я знаю, — сказал Зимовей у неё за спиной.

Тиффани вихрем развернулась и ударила его по щеке, а потом ещё раз, другой рукой.

Это оказалось всё равно что лупить скалу. Зимовей уже научился быстро усваивать новое.

— Это тебе за ягнят! — крикнула Тиффани, тряся онемевшими пальцами. — Как ты посмел! Зачем было это делать!

Он гораздо больше походил на человека, чем в их прошлую встречу. Одежда на нём была, возможно, настоящая, а если нет, то он очень

постарался, чтобы она выглядела как настоящая. И ещё он как-то сумел сделаться… красивым. Если раньше он выглядел снежным человеком, то теперь — снежным королём.

«Нет, он всё тот же снеговик, — напомнил Задний Ум. — Просто у него хватило ума обойтись без угольков и морковки».

— Ох, — сказал Зимовей, словно запоздало вспомнил, что в таких случаях положено говорить.

— Отпусти меня, слышишь! — зарычала Тиффани. — Немедленно!

«Вот так, правильно, — одобрил Задний Ум. — Пусть прячется на полке за кастрюлями». А пока…

— В эту минуту, — проговорил Зимовей очень хладнокровно, — я — буря, которая крушит корабли за сотни миль отсюда. Я — мороз, который рвёт водопроводные трубы в заваленном снегом городе. Я обращаю в лёд пот на лбу умирающего человека, заблудившегося в метель. Я беззвучно пробираюсь в дома через щель под дверью. Я сосульками свисаю с крыш. Я касаюсь меха спящей медведицы в её глубокой берлоге, я заставляю стынуть кровь рыб в скованных льдом реках.

— Мне всё равно! — крикнула Тиффани. — Я не

хочу быть здесь. Да и тебя здесь быть не должно.

— Дитя, не согласишься ли пройтись со мной? — предложил Зимовей. — Я не причиню тебе зла. Тут ты можешь не бояться.

— Чего не бояться? — переспросила Тиффани. И, поскольку время, проведённое в обществе мисс Тик, не проходит даром и влияет на то, как ты говоришь даже в самых трудных обстоятельствах, тут же поправилась: — Не бояться чего?

— Смерти, — ответил Зимовей. — Тут ты никогда не умрёшь.

В стене меловой ямы возле кургана Фиглей был прорублен туннель футов в пять высотой и примерно столько же шириной.

Перед этим проходом стоял Роланд де Чуваукли (он не выбирал себе фамилию). Его предки были рыцарями, они пришли на Меловые холмы и захватили их, сразив королей, которые думали, будто холмы принадлежат им. В те времена всё решал меч. Надо было взять меч и снести побольше голов, чтобы земля стала твоей. Потом правила изменились, и чтобы владеть землёй, меч сделался не нужен, достаточно стало правильного клочка бумаги. Но предки Роланда всё равно не расставались с мечами на случай, если люди заподозрят, что все клочки бумаги — сплош-

ное надувательство. На всех ведь не угодишь.

Роланд всегда мечтал научиться владеть мечом, но он и не думал, что мечи такие тяжёлые. С воображаемым мечом он управлялся прекрасно. Когда он сражался со своим отражением перед зеркалом, победа почти всегда оставалась за ним. С настоящим мечом такое не проходит. Ты пытаешься вертеть им, а получается, он вертит тобой. И Роланд почувствовал, что, возможно, он рождён скорее для бумаг, чем для мечей. Кроме того, он носил очки, а очки под шлемом — это несколько неудобно, особенно если кто-то вдруг попытается ударить мечом *тебя*.

Да, на голове у него был шлем, а в руках — меч, слишком тяжёлый для него (хотя сам Роланд и отказывался это признавать). Ещё на нём были кольчужные рубаха и штаны, так что он едва мог идти. Фигли как могли постарались подогнать кольчугу под него, но штаны сидели так низко, что штанины разделялись только где-то на уровне колен, и то, что оставалось выше, весело хлопало при каждом шаге.

Я не герой, подумал Роланд. У меня есть меч, который я могу поднять только двумя руками, и щит, тоже слишком тяжёлый, и конь, весь красиво задрапированный занавесками, которого

пришлось оставить дома (тётки придут в ярость, когда увидят гардеробную), но внутри я всего лишь ребёнок, и этот ребёнок очень хочет знать, где тут уборная.

Но Тиффани спасла меня от Королевы эльфов. Если бы не она, я бы до сих пор оставался глупым мальчишкой и так бы и не стал… юношей, питающим надежду, что он не такой уж глупый.

Фигли вломились в его комнату, прорубившись сквозь бурю, нагрянувшую накануне вечером, и сказали, что настало время ему стать Героем ради Тиффани. Что ж, он станет. Роланд в этом не сомневался. Но прямо сейчас события развивались совсем не так, как он ожидал.

— Что-то это не похоже на вход в Подземное царство, — сказал он.

— Ах, всяка-така песчера могёт туда привесть, — заявил Явор Заядло, восседая у него на макушке. — Токо надо зобный шаг шагнуть. Громазд Йан, ты попервый.

Громазд Йан с важным видом шагнул в тоннель. Выставил перед собой согнутые в локтях руки. Отклонился назад, вытянув вперёд ногу, чтобы удержать равновесие. Несколько раз повёл стопой туда-сюда, наклонился вперёд — и исчез, едва коснувшись ногой земли.

Явор Заядло постучал по шлему Роланда кулаком.

— Ну-кась, громаздый Герой! Попёрли!

Выхода не было. Тиффани даже сомневалась, что есть вход.

— Будь ты Летней Владычицей, мы бы станцевали, — сказал Зимовей. — Теперь-то я знаю, что ты — не она, ты только ею кажешься. Но ради тебя я стал человеком, и я не могу быть один.

Разум Тиффани отчаянно пытался найти выход. Перед её внутренним взором промелькнул молодой дубок, побеги, проклюнувшиеся от прикосновения ног, рог изобилия. Божественного во мне хватит лишь на то, чтобы обмануть жёлудь, половицы и горстку семян, подумала она. Я совсем как Зимовей. Железа довольно, чтоб выковать гвоздь, не делает снеговика человеком, а пара дубовых листьев не делает меня богиней.

— Пойдём, — позвал Зимовей. — Я покажу тебе мой мир. Наш мир.

Открыв глаза, Роланд увидел только тени. Ничто не отбрасывало их, они плавали в воздухе сами по себе, как паутина.

— Я думал, тут несколько… жарче, — проговорил он, стараясь не выдать облегчения.

Вокруг него из пустоты возникали Фигли.

— Жары — то в Преисподнях, — сказал Явор Заядло. — Там и впрямь мал-мал припекает. А в Подземновых царствах сплошь мраки. Сюдыть заблудшие попадают.

— Что? Хочешь сказать, если тёмной ночью свернуть не туда…

— Ах, нае! Я про мертварей. Хто, бывалоча, кирдыкснется не тогдыть, иль кому идтить некуды, иль хто в щелину меж миров завалится, а как выкарабкнуться — ни бум-бум. Тута есть таких, хто даж ни бум-бум, кудыть их занесло, бедолажцев. И такого понавались. В Подземновых царствах хаханек не оченно-то слыхать. Это вот звалось Лимбой, потому что раньше дверь тут оченно низкая была[30]. И сдаётся, этое место мал-мал

---

[30] Примечания: 30

Это вот звалось Лимбой, потому что раньше дверь тут оченно низкая была.

Лимб в средневековом католическом богословии — это место, где пребывают души, не попавшие в рай (и не заслужившие ада с его вечными муками либо чистилища), например души некрещёных младенцев либо души добродетельных нехристиан, которые умерли до пришествия Иисуса Христа. Итальянский поэт Данте Алигьери красочно живописал лимб как первый из кругов ада в своей «Божественной комедии»: в Лимбе пребывают величайшие умы и герои Древнего мира, поэты Гомер и Вергилий, философы Сократ, Платон, Гераклит, герои Гектор, Эней и Цезарь, врачи Гиппократ, Гален и Авиценна и многие другие достойные и добродетельные люди:

Сквозь тьму не плач до слуха доносился,

А только вздох взлетал со всех сторон

И в вековечном воздухе струился.

Он был безбольной скорбью порождён,
Которою казалися объяты
Толпы младенцев, и мужей, и жён.

«Что ж ты не спросишь, – молвил мой вожатый, –
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,

Что эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещенья,
Которым к вере истинной идут;
Кто жил до христианского ученья,
Тот бога чтил не так, как мы должны».

(Пер. М. Лозинского)

В мире Пратчетта Лимб тоже является своего рода преддверием Подземного царства, но, если верить Фиглям, называется он так не потому, что служит первым рубежом ада (латинское слово limbus означает «край», «рубеж»), а потому, что раньше в него попадали сквозь «оченно низкую» дверь. Такое описание наводит на мысль о танце под названием лимбо, популярном в странах Карибского моря: этот танец-игра заключается в том, чтобы танцор под музыку проходил под планкой, откинувшись назад и стараясь не задеть её и при этом не упасть на спину. В танце состязаются несколько человек; выигрывает тот, кому удалось пройти под самой низкой планкой.

протухло с тех пор, как мы прошлый рядь сюдыть суйносили.

Он крикнул своим:

— А ну кыкс, ребя, ура Мал-да-удалу Штырю, кой с нами попервой в подземли впёр!

Раздался дружный приветственный вопль, и Мал-да-удал Штырь помахал в ответ мечом.

Роланд двинулся вперёд сквозь тени. Оказалось, что тени обладают некоторой плотностью. Сам воздух под землёй был серый. Порой слышались стоны, иногда в отдалении кто-то кашлял. А потом раздались шаркающие шаги. Кто-то, пока ещё невидимый сквозь тени, приближался к Роланду.

Юноша выхватил меч и стал вглядываться во мрак. Тени расступились, и он увидел старуху в лохмотьях. Она тащила за собой картонную коробку на верёвочке. Когда хозяйка дёргала за верёвку, коробка подпрыгивала. Старуха проковыляла мимо, даже не взглянув на Роланда.

Он опустил меч:

— Я думал, здесь живут чудовища.

— Ах-ха, — мрачно сказал Явор Заядло. — Поживают. Ты лучше дум-дум о чём потвёрже, агась?

— О чём-то твёрдом?

— Я сурьёзно! Дум-дум о крутой горе или об ку-

валдсе. И что б ты ни делал, токо ничё не желай, не жалей и не надёжься.

Роланд закрыл глаза. Поднял руку и коснулся сомкнутых век.

— Я всё равно вижу! Я закрыл глаза и всё равно вижу!

— Ах-ха! И с закрытыми глазьями ты даж побольше узыришь. Поозирайсь, коли не трусишься.

Роланд, не открывая глаз, сделал несколько шагов вперёд и завертел головой. Вокруг вроде бы ничего не изменилось. Ну, может, стало казаться чуть мрачнее. А потом он увидел его — ярко-оранжевый просверк, полосу света, которая то приближалась, то удалялась.

— Что это? — спросил он.

— Мы ни бум-бум, как они себя зовут, — сказал Явор Заядло. — Мы зовём их мóроками.

— Ты про вспышки?

— Ах, тот просто ишшо вдалеках. Если вблизях одного хошь узырить, то он прям по-за тобой.

Роланд резко развернулся.

— А глазья-то ты зря открыл. Типишная обшибка, — непринуждённо заметил Явор.

Юноша закрыл глаза. Морок был в шести дюймах от него.

Роланд не подпрыгнул. Не заорал. Он знал, что на него смотрят сотни Фиглей.

Сначала он подумал: это скелет. Морок снова вспыхнул и на этот раз стал птицей, большой птицей на длинных, как у цапли, ногах. Потом человечком, составленным из палочек, как на детском рисунке. Снова и снова морок проступал на фоне тьмы набором светящихся росчерков, всякий раз новым, словно рисовал себя.

Вот он нарисовал себе рот и наклонился к Роланду, выставив ряд острых как иглы зубов. И исчез.

Фигли одобрительно зашумели.

— А ты молодца, — сказал Явор Заядло. — Зырил ему прям в пастю и ни на мал-мал шажок ни попятил.

— Господин Заядло, я так испугался, что не мог убежать, — тихо признался Роланд.

Фигль свесился так, чтобы его рот оказался у самого уха юноши.

— Ах-ха, — прошептал он. — Я-то бум-бум. Кучи народу заделались героями токо с того, что слишком перетрусились, чтобы драпс. Но ты не обуделался, и эт' ты молодец. Впередях мороки ишшо будут. Не пускай их себе в балду!

— Но что они могут… Нет, лучше не говори!

Он пошёл вперёд, расталкивая тени и моргая, чтобы ничего не упустить. Старуха с коробкой исчезла, но в сумраке всё чаще попадались люди. Большинство стояли в одиночестве, некоторые сидели на стульях или бесцельно бродили. Роланд и Фигли прошли мимо старика в старинном наряде, который таращился на собственную руку так, будто видел её впервые.

Дальше им встретилась ещё одна женщина. Она тихонько раскачивалась и напевала какую-то бессмыслицу тоненьким девичьим голоском. Когда Роланд проходил мимо, она улыбнулась ему странной безумной улыбкой. За спиной у неё стоял морок.

— Ладно, — мрачно сказал Роланд. — Всё-таки скажи мне, что они делают с людьми.

— Они память жратс, — объяснил Явор Заядло. — Твои мысли для них всамделишны. Желанья, надёжи — добрый харч. Мороки, они ж как клещи-кровососы. По-за этим местом нихто не зырит, вот и поразвелось их…

— И как их убить?

— Ой-ой, каким злобунственным голосом загрил! Токо послушайте нашего мал-мал громазда героя! Прозабудь по-за них лучше. Они нас покамест не тронут, а у нас своих делов есть.

— Какое мерзкое место!

— Ах-ха, в Преисподнях мал-мал повеселей будя, — сказал Явор. — А таперь стой, мы ужо у реки.

В Подземном царстве была река — тёмная, как земля. Волны тяжело и маслянисто облизывали берега.

— А я, кажется, слышал про это место. Тут где-то есть перевозчик, да?

— ДА.

Он был тут как тут, стоял в низкой и длинной лодке. И плащ его был чёрным, каким же ещё, а капюшон полностью скрывал лицо, причём создавалось ощущение, что это только к лучшему.

— А, приветсы! Как твоё ничё? — весело поздоровался Явор Заядло.

— О НЕТ. ОПЯТЬ ВЫ… — охнул перевозчик. Голос его не столько раздавался, сколько чувствовался. — Я ДУМАЛ, ВАС ИЗГНАЛИ НАВСЕГДА.

— То было мал-мал непоразуменье, — заявил Явор, сползая на землю по доспехам Роланда. — Ты должон нас пустить, мы ведь ужо мёртвые.

Фигура в плаще вытянула руку и указала на Роланда. Палец, который высунулся из-под плаща, был, кажется, костяным.

— НО ОН ДОЛЖЕН ЗАПЛАТИТЬ ПЕРЕВОЗЧИКУ, —

обвинительно прошелестел голос, в котором слышалось безмолвие склепов и кладбищ.

— Только когда ступлю на другой берег, — твёрдо сказал Роланд.

— Эй, не боись, — сказал Туп Вулли перевозчику. — Сам же зыришь, он герой. Кому и верить, как не героям, ыть?

Капюшон повернулся к Роланду и целую вечность пристально разглядывал его.

— ЧТО Ж, ТОГДА ЛАДНО.

Фигли хлынули в трухлявую лодку со свойственным им пылом и криками: «Раскудрыть!», «А хде в этом круизье наливают?» и «Да мы прям в открытом Стиксе!»[31]. Роланд осторожно последовал за ними, поглядывая на перевозчика.

Незнакомец в плаще вооружился огромным

---

[31] Примечания: 31

«Да мы прям в открытом Стиксе!»

В греческой мифологии Стикс — одна из пяти рек подземного царства Аида (вместе с Летой, Ахероном, Коцитом и Флегетоном). Перевозчик Харон на лодке перевозит души умерших через Стикс в Аид. В поэме «Энеида» древнеримский поэт Вергилий описал Харона так:

Воды подземных рек стережёт перевозчик ужасный –
Мрачный и грязный Харон. Клочковатой седой бородою
Всё лицо обросло – лишь глаза горят неподвижно,
Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно.
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мёртвых на утлом челне через тёмный поток перевозит.

Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую силу.

(«Энеида», VI. 298–304, пер. С. Ошерова)

Харон перевозит лишь мёртвых (за редкими исключениями), причём не всех, а только тех, прах которых был должным образом погребён в могиле: те, что «землёй не покрыты», ждут в толпе на берегу, не имея права сесть в лодку. Переправа через Стикс не бесплатная: древние греки клали под язык покойному монету в один обол, которая должна была пойти на уплату Харону. В погребальной традиции многих культур принято класть покойному монеты на веки (чтобы глаза не открылись сами собою из-за сокращения мышц); но, возможно, монеты эти предназначались всё тому же перевозчику как плата за проезд (по крайней мере, так считает пратчеттовский Роланд).

В мире Пратчетта роль перевозчика, вполне возможно, исполняет Смерть. По крайней мере, на это намекают чёрный плащ с капюшоном и манера изъясняться.

веслом, и лодка отчалила от берега. Плаванье сопровождалось скрипом и, к величайшему отвращению перевозчика, пением. Ну, то есть чем-то вроде пения, поскольку песня исполнялась во всех возможных ритмах и безо всякой мелодии:

— Лодка моя лооодочка плыви-плыви-плыви
маленькая лодочка-додочка
веселей плывей...

— ЗАМОЛЧИТЕ!

— Славненькая лодочка славная греби себе
греби лодочка лодочка лодочка по волнам
себе плыви веселей лодочка прямо...

— ЭТО ПРАВДА НЕВЫНОСИМО!

— Лодочка плыви по волнам
прямо себе лодочка
гребей себей веселей...

— Господин Заядло! — окликнул Роланд, пока они рывками продвигались к дальнему берегу.

— Чегой?

— Скажите, почему рядом со мной сидит сырная голова, обёрнутая клетчатой тканью?

— А, эт' Хораций, Тупа Вулли дружище. Он те не докучёвывает?

— Нет. Но он пытается петь.

— Ну, все плесневелы сыры мал-мал с мелодией.

— Мнянням мням мняммням! — выводил Гораций.

Лодка ткнулась в берег, и перевозчик поспешно выбрался из неё.

Явор Заядло вскарабкался по кольчужному рукаву Роланда и прошептал юноше на ухо:

— Бежи, когда я сказану!

— Но я могу заплатить перевозчику, — возразил Роланд, похлопав себя по карману. — У меня есть деньги.

— Чегой? — ужаснулся Явор Заядло, словно в жизни не слышал ничего столь безумного и опасного.

— У меня есть деньги, — повторил Роланд. — Переплыть Реку Мёртвых стоит два пенса. Это старая традиция. Два пенса кладут на веки покойнику, чтобы он мог заплатить перевозчику.

— Ишь, какой умный-заразумный ты у нас, —

сказал Явор Заядло, когда Роланд уронил медные монетки в костлявую ладонь перевозчика. — А четыре пенса прихватить не смекнул, а?

— В книге было сказано только про два. Мертвецы берут с собой два пенса.

— Ах-ха, мож, им и довольно, — согласился Явор Заядло. — Они-то возвертаться не думают!

Роланд оглянулся на реку. На берегу, который они покинули, сверкали оранжевые загогулины.

— Господин Заядло, когда-то я был в плену у Королевы эльфов, — сказал он.

— Ах-ха, я бум-бум.

— Я провёл там целый год, но мне казалось, что прошло всего несколько недель. Только эти недели тянулись целую вечность. Там было так… скучно, что спустя какое-то время я всё позабыл. Я не помнил уже ни как меня зовут, ни что чувствуешь, когда солнце гладит кожу, ни какова на вкус настоящая еда.

— Ах-ха, мы бум-бум, мы ж тебя оттудова и выволочили. Ты спасибов так и не сказанул, ну дык ты всё больше не при мозге был, так что мы не в обидах.

— В таком случае позвольте мне поблагодарить вас теперь, господин Заядло.

— А, пустяковины. Прозабудь. Рад был подмо-

гнуть.

— У Королевы были ручные… твари, они кормили твои сны, пока ты сам не умрёшь от голода. Ненавижу тварей, которые отбирают то, что составляет суть других. Я хочу убить их, господин Заядло. Всех убить. Высасывая воспоминания, они высасывают самого человека. Без воспоминаний мы — ничто.

— Молодца, всё правильно замахнулся, — сказал Явор Заядло. — Но у нас есть мал-мал дельце. Ох, раскудрыть, вот что бывает, когды мир упадничает и мороки хозяить начинают.

На тропе лежала большая груда костей. Кости были определённо звериные, три ошейника и три ржавые цепи усиливали это впечатление.

— Три крупные собаки? — предположил Роланд[32].

— Одна оченно громаздая псина с тремя бошками, — поправил Явор Заядло. — Весьма популярстая порода в подземновых царствах.

---

[32] Примечания: 32

— Три крупные собаки? — предположил Роланд.

Непрошеные гости Подземного царства явно обнаружили останки Цербера — страшного трёхголового пса со змеиным хвостом, который охранял выход из царства Аида на другом берегу Стикса, не позволяя умершим возвращаться в мир живых, а живым — пробираться в царство мёртвых. Из пасти Цербера течёт ядовитая пена; от брызг этой пены, упавших на землю, родилось ядовитое растение аконит.

Такие псины могут одним махом глотку человеку перекуснуть. Трижды, — добавил он уважительно. — Но поклади перед ней три псинские галеты в ряд, и бедолажна тварюшка будет цельный день сидеть перед ними, тужиться и подскуливать. Обхохотишься!

Фигль пнул кости:

— Ах-ха, в былые времена таковские места индивыдуяльность имели. А таперь… Он, зырь, до чего дошло…

Чуть дальше по тропе стояло нечто. Наверное, демон. Очень жуткий демон с таким множеством клыков, что от некоторых из них, похоже, не было никакого проку, кроме устрашения. Каждые несколько секунд он украдкой заглядывал в осколок зеркала — и содрогался.

— Господин Заядло, — сказал Роланд, — скажите, здесь, в этом мире, вообще есть что-нибудь или кто-нибудь, кого я могу убить моим мечом?

— Нае, — сказал Фигль. — Не прибьёшь. Мороков не прибьёшь. И вообще. Это ж не волшебенный меч.

— Тогда зачем я таскаю его с собой?

— Так ты ж Герой. Хде видано, чтоб герой да без меча?

Роланд вытащил меч из ножен. Меч был тя-

жёлый и совсем не походил на стремительный серебряный клинок, который Роланд рисовал в своём воображении, упражняясь перед зеркалом. Настоящий меч был скорее просто железной дубинкой с двумя острыми кромками.

Роланд схватил его двумя руками — и умудрился добросить до середины медленной тёмной реки.

В последний момент из воды высунулась бледная рука, схватила меч, махнула им раз-другой и скрылась под водой[33].

— Так и должно было быть? — спросил Роланд.

— Чтоб ты вышвыкснул свой меч? — взвизгнул Явор Заядло. — Нае! Ты не должон был зашвыркивать добрый меч в жижу!

— Нет, я имел в виду руку, — сказал Роланд. —

---

[33] Примечания: 33

В последний момент из воды высунулась бледная рука, схватила меч, махнула им раз-другой и скрылась под водой.

Пратчетт обыгрывает один из ключевых эпизодов артуровских преданий: король Артур, смертельно раненный в последней битве, просит последнего из оставшихся в живых рыцарей сэра Бедивера бросить в озеро свой волшебный меч Экскалибур, когда-то полученный от Владычицы Озера. Бедивер дважды не решается исполнить просьбу, а на третий раз всё-таки бросает меч в воду — и над водою поднимается одетая в белоснежную ткань рука, хватает меч за рукоять. Как описывает этот эпизод английский поэт Альфред Теннисон в своей поэме «Mort d'Arthur»:

> *Сверкнув, пал вниз клинок Экскалибур:*
> *Но над водою поднялась рука,*

Одета в белоснежную парчу,

Поймала меч, им трижды потрясла

За рукоять и увлекла на дно…

Так что Роланд и в самом деле отнюдь не первый, кому довелось увидеть загадочную руку; Явор совершенно прав, уверяя, что «эти грабли порой высуются».

Она взяла и…

— Ах, эти грабли порой высуются, — отмахнулся Фигль с таким видом, словно подводные жонглёры мечами были самым обычным делом. — Но ты ж таперь безоруженный!

— Вы сами сказали, что мороков мечом не убить.

— Ах-ха, но приличья-то блюсти тож надо! — Явор бежал рядом с ним.

— Однако без меча я выгляжу даже более героически, разве нет? — спросил Роланд.

Остальные Фигли бегом поспевали за ними.

— Вообще-то оно так, — неохотно признал Явор Заядло. — Но ежли что, бушь выглядеть ишшо и более мертвецки.

— А кроме того, у меня есть План, — сказал Роланд.

— У тебя есть План? — не поверил Фигль.

— Да. В смысле, ах-ха.

— На бумахе?

— Я просто подумал, что… — Роланд оборвал себя.

Безостановочно порхающие тени расступились, и взгляду открылась большая пещера. Посреди пещеры возвышалась каменная плита, окутанная тусклым желтоватым светом. На пли-

те кто-то лежал. Кто-то маленький.

— Ну, вот мы и на месте, — сказал Явор Заядло. — Плёво дело, а?

Роланд моргнул. Каменное возвышение окружали сонмы мороков, но все твари держались на некотором удалении, словно у них не хватало духу подойти ближе.

— Там кто-то лежит, — сказал Роланд.

— Это сама Летница и есть, — пояснил Явор. — Таперь надыть навостряк держаться.

— Навостряк?

— Ну, как бы… остороженно. С богиньями трудновасто бывает. Оченно им важно, каковски они выглядят в разных ситуёвинах.

— И что, мы просто… ну, схватим её — и бежать?

— Ах-ха, и до этого черёд дойдёт, — сказал Явор. — Тока сначала ты, господав хороший, должон её чмокснуть. Суправишься?

Роланд немного напрягся, но ответил:

— Да… э, хорошо.

— Так уж оно покладено, — продолжал Явор. — Нельзя даму разочаровнуть.

— А потом мы побежим? — с надеждой спросил Роланд.

— Ах-ха, потому что тут-то мороки на нас и

накиднутся, — сказал Явор. — Они, вишь, не любят, когдыть хтой-то от них улизает. Ну, вперёд, парень.

У меня есть План, думал Роланд, шагая к плите. Вот и буду думать о Плане, а не о том, что я иду через толпу монстров, составленных из закорючек, монстров, которых видно только с закрытыми глазами, а глаза у меня уже слезятся. То, что у нас в голове, для них — настоящее, верно ведь?

Сейчас моргну, сейчас моргну, сейчас…

…И он моргнул. Сомкнул веки лишь на мгновение, но трясло его гораздо дольше. Они были повсюду, и каждая зубастая пасть таращилась на него. Хотя, казалось бы, зубы не могут таращиться.

Роланд побежал вперёд, стараясь больше не моргать, от этих усилий слёзы текли ручьями. И вот он уже стоит возле каменного возвышения и смотрит на лежащую на нём фигурку. Это была девушка, спящая девушка, которая выглядела точь-в-точь как Тиффани Болен.

С вершины самой высокой башни ледяного дворца открывался вид на многие мили вокруг — многие мили снега. Только на Меловых холмах была зелёная прогалина. Зелёный остров в море белизны.

— Видишь, я становлюсь умнее, — сказал Зимовей. — Меловые холмы — твоя земля. Поэтому на ней наступит лето, и ты будешь счастлива. И ты станешь моей невестой, поэтому я тоже буду счастлив. И весь мир будет счастлив. Счастье — это когда всё правильно. Я теперь человек и это понимаю.

«Не кричи и не вопи, — посоветовал Тиффани её Дальний Умысел. — Но и не молчи, словно воды в рот набрала».

— О… ясно, — проговорила она. — А в остальных землях будет вечная зима?

— Нет, некоторые жаркие страны никогда не чувствуют дыхания моего холода, — ответил Зимовей. — Но горы и равнина до самого Круглого моря… да, они погрузятся в зиму.

— Но ведь миллионы людей погибнут!

— Только однажды. Вот в чём вся прелесть. Они умрут, и смерти больше не будет.

Будущее встало перед внутренним взором Тиффани, как на страшдественской открытке: птицы, превратившиеся в лёд на ветках, лошади и коровы, окоченевшие в полях, обледенелые травинки, как хрустальные лезвия… Нигде не вьётся дым из печных труб… Мир, в котором ничто не умирает, потому что нечему больше умирать, весь сверка-

ющий, словно посыпанный блёстками.

Она кивнула, чтобы не злить Зимовея.

— Очень… разумно. Жаль только, что в этом мире всё будет неподвижным.

— Это легко исправить, — сказал Зимовей. — Снеговики! Я могу сделать их людьми.

— Железа довольно, чтоб выковать гвоздь? — спросила Тиффани.

— Да! Это нетрудно! Я съел сосиску! И я теперь умею думать! Прежде я никогда не думал. Прежде я никогда не был сам по себе. Я всегда был сам собой и сам в себе. Но чтобы знать, кто ты, надо быть не в себе, а самому по себе.

— Ты сделал для меня ледяные розы, — проговорила Тиффани.

— Да! Уже тогда я становился собой!

Но розы растаяли на рассвете, добавила Тиффани про себя и посмотрела на бледное жёлтое солнце. Его хватало лишь на то, чтобы делать мир Зимовея искристым. Он думает как человек, размышляла она, глядя на его лицо, на странноватую застывшую улыбку. Он думает как человек, который никогда не встречал других людей. Он всё равно что ведьма, докатившаяся до злобного хихиканья. Он настолько безумен, что хоть убей не поймёт, насколько он безумен.

Он не имеет ни малейшего представления о том, что такое на самом деле человек. Он не подозревает, какой ужас он задумал, просто… не понимает. И он так счастлив, что в чём-то даже… мил.

Явор Заядло настойчиво постучал Роланда по шлему:

— Давай ужо, парень.

Роланд уставился на светящуюся фигурку:

— Но это не может быть Тиффани!

— Ну дык она богинья, а богиньи — они кем хошь обернутся, — сказал Явор Заядло. — Но, чур, токо мал-мал чмокс в щёчку, лады? Не увелековывайся, у нас временей особо нет. Чмокс — и драпс-драпс.

Что-то мягко ткнулось Роланду в лодыжку. Это был сыр.

— Ах, не пережёвывай, Хораций просто хотит, чтоб ты делал, как надыть, — сказал безумный Фигль, которого другие Фигли звали Тупом Вулли.

Роланд подошёл ближе к фигурке, её свечение потрескивало вокруг него. Не хватало ещё прослыть трусом среди сыров.

— Как-то это… неловко, — признался он.

— Раскудрыть, да чмокс ужо давай, агась?!

Роланд наклонился и тихонько поцеловал фигурку в щёку.

Спящая открыла глаза, и он торопливо попятился.

— Это точно не Тиффани Болен! — воскликнул Роланд и моргнул.

Мороки стояли вокруг него плотно, как трава в поле.

— А таперь хватс её за ручку и бегём! — велел Явор Заядло. — Когда мороки узырят, что мы тикаем, они так взъерепенятся! — Он весело постучал Роланда по шлему. — Но это пустяксы, агась! У тебя ж есть План!

— Надеюсь только, он сработает, — пробормотал Роланд. — А то тётки считают меня круглым дураком.

— Эт' в сам-раз, — сказал Явор Заядло. — От ежли ты б был полудурок, трудновасто бы тебе пришлось. А таперь грабастай дамсу и драпс-драпс!

Стараясь не встречаться с девушкой взглядом, Роланд осторожно взял её за руку и потянул, вынуждая встать. Она сказала что-то на языке, которого он не знал, но в конце фразы вроде бы слышался вопрос.

— Я пришёл спасти вас, — объяснил Роланд.

Она смотрела на него золотистыми змеиными глазами.

— Маленькая пастушка в беде, — проговорила она голосом, полным неприятных отзвуков и пришёптываний. — Как жаль, ах как жаль…

— Э… послушайте, не знаю, кто вы… — несмело начал Роланд, — но нам надо бежать.

Не-Тиффани улыбнулась ему нехорошей улыбкой, в которой таилась насмешка. И они побежали.

— А как вы сами сражаетесь с мороками? — пропыхтел Роланд, пока они в сопровождении армии Фиглей бежали по пещерам.

— Ах, мы им на вкус не особо ндра, — ответил Явор Заядло. Тени неохотно расступались перед ними. — Мож, из-за того, мы всё больше дум-дум за то, как бы ухрюксаться, а мороки, они с этого сами косеют. Бежи давай!

Вот тут-то мороки и атаковали. Хотя это слово не совсем подходящее. Роланд словно с разбега влетел в стену шёпота. Никто не пытался схватить его, вонзить когти. Ощущение было такое, будто его пытаются остановить мириады крошечных созданий, вроде мух или креветок.

Хорошо ещё, перевозчик ждал их на том же месте. Но когда Роланд бросился к лодке, фигура

в плаще властно вскинула руку:

— С ВАС ШЕСТЬ ПЕНСОВ.

— Шесть? — не понял Роланд.

— Ах, мы тута и пары часов не пробыли, а уже шесть пенсов прощевай! — заныл Туп Вулли.

— ОДНОДНЕВНЫЙ КРУИЗ И БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ, — пояснил перевозчик.

— У меня столько нет! — воскликнул Роланд.

Он уже чувствовал, как щупальца мороков шарят у него в голове. Мыслям приходилось пробиваться с боем, чтобы найти дорогу до языка.

— Не боись, я всё поулажу, — сказал Явор Заядло.

Он обернулся к своим соплеменникам и постучал по шлему Роланда, призывая к тишине.

— Так, ребя! Мы остаёмся тута! — объявил он.

— ЧТО? — спросил перевозчик. — О НЕТ! ВЫ-ТО КАК РАЗ ДОЛЖНЫ УЙТИ! Я ВАС ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ПОТЕРПЛЮ! МЫ ДО СИХ ПОР НЕ ВЫГРЕБЛИ ВСЕ БУТЫЛКИ, ОСТАВШИЕСЯ С ПРОШЛОГО РАЗА! А НУ, БЫСТРО НА БОРТ! СИЮ ЖЕ МИНУТУ!

— Раскудрыть, дружища, не могём мы! На нас гюйс, вишь: подмогнуть этому парняге. Он остатнется — и мы остатнемся.

—

ЭТО МЕСТО НЕ ИЗ ТЕХ, ГДЕ ХОТЯТ ЗАДЕРЖАТЬСЯ

ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ! — прорычал перевозчик.

— Ах, ни боись, с нами тута скоро сызнова станет бодруха-веселуха, как в стары добры времена! — ухмыльнулся Явор Заядло.

Перевозчик задумчиво побарабанил пальцами по веслу. Звук получился такой, будто игральные кости прокатились.

— НУ ХОРОШО. ТОЛЬКО ЗАРУБИТЕ СЕБЕ НА НОСУ: НИКАКИХ ПЕСЕН!

Роланд затащил девушку в лодку. Мороки, к счастью, приблизиться к судёнышку не решались, но когда перевозчик оттолкнулся веслом от берега, Громазд Йан пнул Роланда по сапогу и показал вверх. Оранжевые тонкие всполохи, целые сотни светящихся загогулин, плыли под сводами пещеры через реку. И на другом берегу поджидали ещё мороки.

— Ну, кыкс там твой План, Герой? — тихо спросил Явор Заядло, слезая со шлема юноши.

— Я выжидаю момент, — напустив на себя уверенный вид, заявил Роланд.

Он посмотрел на не-Тиффани.

— Я пришёл помочь вам выбраться отсюда, — сказал он, избегая смотреть ей прямо в глаза.

— Ты? — переспросила она, словно сама мысль об этом её смешила.

— То есть мы, — поправился Роланд. — Всё это так…

Он не договорил — лодка причалила к берегу, где мороки стояли плотным строем, как кукурузные стебли.

— Ну, попёрли, — сказал Громазд Йан.

Роланд помог не-Тиффани выбраться из лодки, сделал с ней несколько шагов по тропе и остановился. Если моргнуть, тропа впереди была вся оранжевая, тонкие силуэты корчились, сливаясь в сплошную массу. Он чувствовал их тягу, пока слабую, как дуновение ветерка. Но они уже забрались к нему в голову. Обволакивали холодом, грызли… Глупая затея. Ничего не получится. Ему это не по плечу. Ему никогда ничего толком не удавалось. Он вздорный, наглый и непослушный мальчишка, как всегда… говорили… тётки.

За спиной Роланда Туп Вулли со всегдашней его жизнерадостностью крикнул:

— Покажи им! Пусть твои тётки угордятся тобой!

Роланд обернулся к нему, мгновенно разозлившись:

— Мои тётки? Я тебе сейчас расскажу про моих тёток…

— Временей нет! — заорал Явор Заядло. — Впе-

рёд ужо!

Роланд снова повернулся к морокам, чувствуя жаркую ярость внутри. То, что мы помним, существует на самом деле, подумал он. И я больше этого не потерплю!

— Не бойтесь, — сказал он не-Тиффани.

Потом поднял левую руку и прошептал:

— Я помню… меч…

И когда он закрыл глаза, меч был у него в руке — лёгкий, почти невесомый, тонкий, почти невидимый, всего лишь полоска в воздухе, состоящая в основном из остроты́. Этим мечом он убил сотни врагов по ту сторону зеркала. Этот меч никогда не был слишком тяжёл для него, он двигался будто продолжение его руки, и вот этот меч снова с ним. Оружие, которое рубило в капусту всех прилипал-кровососов, всех, кто врёт, всех, кто ворует… Роланд улыбнулся и сжал рукоять.

— А мож, и можно смастрячить героя единым махом, — задумчиво проговорил Явор Заядло, глядя, как мороки прорисовываются в темноте и тут же гибнут.

Он повернулся к брату:

— Туп Вулли, я те когда-нить грил, что ты вдругорядь как сказанёшь, так прям в точку?

— Нае, Явор, — растерянно отозвался Туп Вул-

ли, — чтой-то не припамятну, чтобы ты такое хычь когды грил.

— Нды? Ну дык ежли б грил, это был бы тот-сам рядь.

Туп Вулли заволновался:

— Но всё ж оно путём? Я ж тошонадыть сказанул?

— Ах-ха, Туп Вулли, ты сказанул самое то. Впервой в жисть. Я тобой гордюсь, — сказал Явор.

Туп Вулли расплылся в широченной ухмылке:

— Раскудрыть! Эй, ребя, я сказанул…

— Ты не оченно-то зазнавайсь, — осадил его Явор.

Невесомый клинок Роланда рассекал мороков, будто паутину. На смену им приходили новые и новые, но серебряная полоска разила их одного за другим, и Роланд высвобождался из их хватки. Они отступали, лихорадочно меняли облик в поисках подходящего, съёживались от жаркого пламени его гнева. Клинок пел. Мороки наматывались на него, вопили, корчились и таяли на земле…

…а кто-то стучал Роланда по шлему. И уже давно.

— А? — Юноша открыл глаза.

— Драпс пора, — сказал Явор Заядло.

Роланд, тяжело дыша, огляделся. Хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами, он не видел никого — в пещере не осталось ни единого оранжевого росчерка. Не-Тиффани смотрела на него и как-то странно улыбалась.

— Ну что, драпс или хошь дождать, пока новые набегут? — спросил Явор Заядло.

— А они уже на подходе. — Билли Мордаст показал на другой берег.

К реке катила сплошная оранжевая масса, мороки сбились так плотно, что между ними вообще не осталось просветов.

Роланд всё стоял, пытаясь восстановить дыхание, и не мог решиться.

— Послухай дядьку Явора, — сказал главный Фигль. — Ежли ты щаз бу пай-пай и спасанёшь мадаму, мы как-нить потом приведнём тебя сюдыть, и бруттербодов прихватим, чтоб можно было цел день тешиться, агась?

Роланд моргнул:

— А… да. Простите. Не знаю, что это было…

— Тады драпс! — заорал Громазд Йан.

Роланд схватил не-Тиффани за руку.

— И не обертайся, пока не выбремся отсюдыть, — сказал Явор Заядло. — Эт’ вродь как

трыдиция[34].

На вершине башни в холодных руках Зимовея появилась ледяная корона. Даже в бледном свете зимнего солнца она сверкала ярче алмазов. Лёд её был лёд чистейшей воды, без единого пузырька или трещины.

— Я сделал её для тебя, — сказал Зимовей. — Летняя Владычица никогда не наденет её, — добавил он с грустью.

Корона подошла идеально. И совсем не была холодной.

Зимовей отступил на шаг.

— Свершилось, — произнёс он.

— Я тоже должна кое-что сделать, — сказала Тиффани. — Но сначала мне нужно кое-что узнать. Ты разыскал все те вещи, чтобы сделать человека?

— Да!

---

[34] Примечания: 34

— И не обертайся, пока не выбремся отсюдыть, — сказал Явор Заядло. — Эт' вродь как трыдиция.

Ещё одна отсылка к древнегреческой мифологии, на сей раз к истории Орфея и Эвридики: в благодарность за чудесную музыку Орфей добился у владыки Подземного мира дозволения забрать в мир живых свою умершую жену Эвридику, но с одним условием: на обратном пути из царства Аида не оглядываться назад. Орфей нарушил поставленное Аидом условие и оглянулся на жену, дабы удостовериться, что она действительно за ним следует, — и Эвридика навсегда осталась в Подземном мире.

— А как ты узнал, что искать?

И Зимовей с гордостью поведал ей о разговоре с детьми. Пока он говорил, Тиффани старалась дышать ровно, чтобы успокоиться. Его рассуждения были очень… рассудочные. В самом деле, если морковка и пара угольков превращают кучу снега в снеговика, тогда куча солей, газов и металлов уж точно превратит его в человека. Это звучало… логично. По крайней мере, для Зимовея.

— Но видишь ли, это ещё не весь стишок, — сказала Тиффани. — И он больше про то, из чего сделан человек. Не про то, что человек такое.

— Да, кое-чего я не смог найти, — признал Зимовей. — Того, в чём не было смысла. Нет таких веществ.

— Да, — печально кивнула Тиффани. — Ты, наверное, про последние три строчки, а ведь в них-то и суть. Мне правда очень жаль.

— Но я найду недостающее! — воскликнул Зимовей. — Я смогу!

— Надеюсь, однажды ты найдёшь их, — проговорила Тиффани. — А теперь скажи, ты когда-нибудь слышал про боффо?

— Что такое боффо? Этого в стихах не было! — встревожился Зимовей.

— О, боффо — это то, как люди меняют мир,

обманывая самих себя, — сказала Тиффани. — Удивительный фокус. Согласно боффо, вещи имеют лишь ту силу, которую мы сами в них вкладываем. Можно наделить вещи магией, но при помощи магии нельзя создать из вещей человека. То, что у тебя в сердце, — это всего лишь гвоздь. Просто гвоздь.

Час пробил, и я знаю, что делать, подумала она как во сне. Я знаю, как закончится эта сказка. И я должна закончить её правильно.

Она привлекла Зимовея к себе и увидела растерянность на его лице. Ей стало легко-легко, ноги её едва касались пола. Мир сделался… проще. Он превратился в узкий туннель, ведущий в будущее. Из всех образов в нём осталось только ледяное лицо Зимовея, из всех звуков — только дыхание Тиффани, из всех ощущений — только слабое тепло солнца на её волосах.

Солнце не было пылающим шаром лета, и всё же оно было много жарче даже самого большого костра.

«Куда бы выбор ни привёл меня, это мой путь, — подумала Тиффани, позволяя теплу наполнить её. — Я сама это выбрала. Я так решила. И мне придётся встать на цыпочки», — добавила она мысленно.

«По правую руку от меня гром. По левую — молния.

Огонь над мой головой…»

— Пожалуйста, — произнесла она, — возвращайся в горы и унеси с собой зиму. Прошу тебя.

«Лёд передо мной…»

— Нет. Я Зима. Я не могу быть ничем иным.

— Тогда ты не можешь быть человеком, — сказала Тиффани. — Последние три строчки такие:

Силы ровно столько, чтобы дом сложить,

времени довольно малыша обнять,

и любви довольно, сердце чтоб разбить.

Равновесие… Оно пришло мгновенно, из ниоткуда, наполнив её воодушевлением.

Середина качелей всегда неподвижна. Взлёты и падения проходят сквозь неё. Она хранит равновесие.

Равновесие… Его губы были как голубой лёд. Тиффани заплачет, но позже, — по Зимовею, который хотел стать человеком.

Равновесие… Старая кельда сказала когда-то: «Внутри тебя есть упрямая чуточка, которая не даёт тебе растаять».

Пора растопить лёд.

Тиффани закрыла глаза, поцеловала Зимовея…

…и обрушила солнце на землю.

Лёд в огонь.

Все башни и крыши ледяного дворца испарились в единой вспышке белого света, такой яркой, что за мили вокруг на миг упали глубокие тени. Пар пронзённым молниями ревущим столпом ударил в небо и раскрылся над миром облаком-зонтиком, заслонив солнце. И облако стало падать на землю тёплым дождём, капли били в снег, буравя в нём глубокие скважины.

Голова Тиффани всегда была полна мыслей, но в эти минуты там не осталось ни одной. Тиффани лежала на большом плоском осколке льда под тёплым дождём и слушала, как вокруг рушится дворец.

Бывают минуты, когда ты сделала всё, что могла, и остаётся только свернуться в комочек и ждать, когда отгремит гром.

И что-то ещё парило в воздухе, какое-то золотистое сияние, которое исчезало, стоило Тиффани посмотреть на него прямо, и тут же снова появлялось на краю поля зрения.

Дворец таял, обрушиваясь водопадами. Тиффани то плыла, то скользила на своей льдине

вниз по лестнице, превратившейся в бурную реку. Огромные колонны рушились вокруг неё, но осколки таяли ещё в воздухе, превращаясь в огромные сгустки тёплой воды, и до полу долетали лишь тучи брызг.

Прощай, сверкающая корона, подумала Тиффани с ноткой сожаления. Прощай, платье из мерцающих огней, прощайте, ледяные розы и снежинки. Как грустно… Грустно…

А потом оказалось, что она лежит на траве и вокруг текут потоки воды. Вода прибывала, так что лежать и дальше означало бы утонуть. Тиффани с трудом встала на колени и подождала, пока поток успокоится достаточно, чтобы можно было подняться на ноги.

— У тебя осталось кое-что моё, дитя, — раздался голос у неё за спиной.

Тиффани резко обернулась, и золотое сияние обрело облик. Это был её собственный облик, только глаза не её — странные, будто змеиные. Но Тиффани не показалось это особенно странным, ведь в ушах у неё по-прежнему ревел солнечный жар.

Она медленно достала рог изобилия из кармана и протянула своему двойнику.

— Ты — Госпожа Лето, верно? — спросила она.

— А ты — маленькая пастушка, которая была мной? — В ответе явственно слышалось шипение.

— Я не хотела! — выпалила Тиффани. — Почему ты выглядишь как я?

Летняя Владычица села на траву. Земля вокруг исходила паром. Было очень странно смотреть на себя со стороны, — Тиффани и не знала, что у неё на шее сзади родинка.

— Это называется резонанс, — сказала Летняя Владычица. — Ты знаешь, что это?

— Это когда что-то начинает колебаться в ответ, — ответила Тиффани.

— Откуда бы пастушке такое знать?

— В словаре прочла, — сказала Тиффани. — И я не пастушка, я ведьма, можешь так меня и звать.

— Так вот, ты нахваталась кое-чего у меня, а я у тебя, умненькая ведьма-пастушка, — проговорила Летняя Владычица.

Тиффани вдруг поняла, кого она ей напоминает: Аннаграмму! А когда поняла, то сразу немного успокоилась. Госпожа Лето, как оказалось, никакая не мудрая и не прекрасная. Просто так сложилось, что ей дана большая власть, но особа, которой эта сила досталась, не отличается умом и, если честно, вообще довольно неприятная.

— А как ты выглядишь на самом деле? — спросила Тиффани.

— Как марево над дорогой, как аромат спелых яблок.

Красивый ответ, отметила про себя Тиффани, и при этом почти ни о чём.

Тиффани уселась на траву рядом с богиней.

— У меня будут неприятности? — спросила она.

— Из-за того, что ты сделала с Зимовеем? Нет. Он ведь каждый год умирает, и я тоже. Мы умираем, спим, пробуждаемся. Кроме того… ты помогла развеять скуку.

— О, правда? Выходит, я тебя повеселила? — прищурилась Тиффани.

— Так скажи, чего ты хочешь? — спросила Летняя Владычица.

Ну в точности как Аннаграмма, подумала Тиффани. Не замечает сарказма, хоть кол ей на голове теши.

— Чего я хочу? — отозвалась она. — Ничего. Просто лета. Заранее спасибо.

Летняя Владычица не сразу её поняла:

— Ничего? Но люди всегда хотят от богов подарков!

— Но ведьмы не берут платы. Зелёной травы и

синего неба будет вполне достаточно.

— Что? У тебя же и так всё это будет!

В голосе богини слышались растерянность и злость, и Тиффани в глубине души тихонько этому порадовалась.

— Вот и хорошо, — сказала она.

— Ты спасла мир от Зимовея!

— На самом деле я спасла его от одной глупой маленькой девочки, дорогая Госпожа Лето. Я лишь исправила то, что сама сломала.

— По-твоему, это простая ошибка? Ты и вправду будешь глупой девчонкой, если откажешься от награды.

— Я буду благоразумной девушкой, если её не приму, — сказала Тиффани, втайне гордясь таким ответом. — С зимой покончено. Я уверена. Это я довела эту историю до конца. Куда бы выбор ни привёл меня, это мой путь. Я свой выбор сделала, когда пустилась в пляс с Зимовеем.

Летняя Владычица поднялась.

— Похвально, — сказала она. — И необычно. А теперь наши пути расходятся. Но сначала следует отдать кое-что ещё. Встань, благоразумная девушка.

Тиффани послушалась, и когда она взглянула в лицо Лета, золотистые глаза богини преврати-

лись в колодцы и Тиффани в них затянуло.

И лето наполнило её. Должно быть, это продолжалось всего несколько мгновений, но изнутри казалось, что гораздо дольше. Тиффани была ветром, колышущим ростки пшеницы весенним днём, наливала соком яблоки, заставляла лососей прыгать через пороги против течения. Все эти чувства нахлынули разом и слились в одно необъятное, сверкающее, золотисто-жёлтое ощущение лета…

…и оно становилось всё жарче. Солнце превратилось в красный шар в раскалённом небе. Тиффани парила в воздухе, густом и горячем, как масло на сковородке, над безводной тишью в глубине пустынь, где не могут жить даже верблюды. Там вообще не было ничего живого. Ничто не двигалось, только прах и пыль.

Она парила над высохшим руслом реки, на бывших берегах белели звериные кости. На дне русла не осталось грязи — ни капли влаги не уцелело в этом пекле. Это была река из камней-самоцветов: агаты подмигивали, словно кошачьи глаза, гранаты лежали россыпью — камни с переливающимися вкраплениями, камни с чёрными прожилками, коричневые, рыжие, кремово-белые, отполированные жаром…

— Вот оно, сердце лета, — раздался шипящий голос богини. — Бойся меня не меньше, чем боишься Зимовея. Мы не принадлежим вам, хоть вы и дали нам воплощения и имена. Лёд и огонь, вот что мы есть, и мы в равновесии. Не становись между нами более.

И тут наконец внизу что-то зашевелилось. Они появились из трещин в скалах, словно ожившие самоцветы: бронзовые и красные, коричневые и жёлтые, чёрные и белые, расчерченные ромбами, как арлекины, покрытые зловеще блистающей чешуёй.

Змеи пробовали кипящий воздух на вкус раздвоенными языками и торжествующе шипели.

Видение померкло. Мир вернулся.

Вода к этому времени уже схлынула. Неуёмный ветер взбил туман и пар в длинные гирлянды облаков, но непобеждённое солнце смогло пробиться сквозь них. И, как это всегда бывает, и всегда слишком скоро, всё странное и волшебное стало воспоминанием, а воспоминание стало сном. Завтра и он растает.

Тиффани побрела по траве там, где недавно стоял дворец. Несколько ледяных обломков покрупнее ещё оставались, но было ясно, что они не продержатся и часа. По небу плыли облака,

однако ветер спешил их разогнать. Обычный мир настойчиво требовал внимания Тиффани, напевая свои незатейливые мелодии. Она шла по сцене после того, как представление закончилось, и кто теперь подтвердит, что оно и вправду было?

В траве что-то шипело. Тиффани наклонилась и подняла кусочек металла. Он был ещё тёплым от жара, оплавленным и перекрученным, и всё же было понятно — это то, во что превратился гвоздь.

Нет, я не приму дар, чтобы доставить удовольствие дарителю, подумала Тиффани. Зачем? Я сама найду себе подарки. Я… помогла ей развеять скуку, вот и всё.

Но он — он творил для меня розы, айсберги и ледяные узоры и так и не понял…

Она обернулась, услышав голоса. Фигли бежали к ней по склону холма, но не слишком быстро, а так, что и человек мог бы поспеть. И Роланд поспевал — запыхавшийся, в кольчуге, которая была ему велика и в которой он двигался вперевалку, как утка…

Тиффани рассмеялась.

Две недели спустя Тиффани снова отправилась в Ланкр. Роланд подвёз её до Дверубахи, а дальше

подвезла остроконечная шляпа. Тут Тиффани отчасти улыбнулась удача: возница дилижанса ещё не успел забыть мисс Тик и, поскольку на крыше было свободное место, предпочёл не наступать второй раз на те же грабли. Дороги тонули в грязи, в канавах булькало, вздувшиеся реки норовили снести мосты.

Прежде всего Тиффани навестила нянюшку Ягг. Надо было всё ей рассказать. Это помогало сберечь время, поскольку рассказать нянюшке означало рассказать практически всем. Услышав в подробностях о том, как Тиффани обошлась с Зимовеем, нянюшка чуть со смеху не померла.

Тиффани одолжила у неё метлу и не спеша полетела через лес к домику госпожи Вероломны.

Дела там шли неплохо. Несколько человек вскапывали грядки для овощей, а возле двери слонялась целая толпа, так что Тиффани приземлилась в лесу, спрятала метлу в кроличьей норе, а шляпу под кустом и пошла к домику пешком.

На берёзе у самой поляны она увидела нечто странное: кто-то пристроил на ветке фигуру, сплетённую из прутьев. Этого раньше не было, и зрелище несколько пугало. Возможно, так и было задумано. Тиффани, держась в тени деревьев, обошла дом сзади.

Никто не видел, как она открыла задвижку на двери кладовки и проскользнула в дом. Тиффани прижалась ухом к стене кухни и замерла.

Из комнаты доносился безошибочно узнаваемый голос Аннаграммы с её аннаграмматическими интонациями:

— …Просто дерево, понимаете вы или нет? Спилите его и поделите дрова между собой. Согласны? Тогда пожмите друг другу руки. Давайте. Я серьёзно. Нет, как следует, не злите меня! Вот. Так-то лучше, верно? Хорошо. И впредь давайте без глупостей…

Послушав минут десять, как Аннаграмма распекает, отчитывает и вообще третирует местных жителей, Тиффани тихонько выскользнула наружу, немного углубилась в лес, обогнула дом и двинулась по тропе, ведущей к двери. Навстречу по тропе спешила женщина, и Тиффани вежливо спросила её:

— Простите, тут где-нибудь поблизости, случайно, нет ведьмы?

— Конечно, есть, и ещё какая! — протянула женщина и внимательно уставилась на Тиффани: — Ты ведь не из наших краёв, да?

— Нет, — ответила Тиффани, а сама подумала: «Я жила здесь несколько месяцев, госпожа Воз-

чик, и мы с вами виделись почти каждый день. Но я всегда была в шляпе. А когда люди видят шляпу, то с ней и говорят. Без шляпы я словно в маске».

— Ну, тут живёт госпожа Ястребей, — словно бы неохотно выдавая великую тайну, сказала госпожа Возчик. — Берегись её! — Она наклонилась к Тиффани и понизила голос: — Стоит ей разозлиться, она превращается в чудовище! Я сама видела! С нами-то она, конечно, нормально обращается, — добавила женщина. — Много молодых ведьм приходят у неё поучиться!

— Ничего себе! Должно быть, она очень могущественная!

— Просто с ума сойти, что она умеет! Она тут пробыла без году неделя, а уже знает нас как облупленных!

— И правда с ума сойти, — сказала Тиффани.

Как будто кто-то ей всё о вас написал. Причём дважды. Но это было бы не так захватывающе, верно? Да и кто поверит, что настоящая ведьма покупает себе лица в «Боффо»?

— А ещё у неё в котле бурлит что-то зелёное, — поведала госпожа Возчик, чуть не лопаясь от гордости. — Прям так бурлит… Это настоящее ведьмовство, скажу я тебе.

— Да, не иначе, — согласилась Тиффани.

Ни одна ведьма на её памяти не готовила в котле ничего страшнее рагу, но люди почему-то свято верят, что в ведьмовском котле непременно должно бурлить что-то зелёное. Наверное, поэтому в каталоге господина Боффо под номером 61 значился «Набор “Котёл С Бурлящей Зелёной Жижей”, 14 долл., доп. пакетики для приготовления зелёной жижи 1 долл./шт.».

И это помогало! Казалось, не должно было бы, но люди есть люди. Тиффани решила, что Аннаграмма, наверно, сейчас не слишком обрадуется гостям, особенно гостье, изучившей каталог «Боффо» от корки до корки, поэтому она забрала свою метлу и полетела к домику матушки Ветровоск.

В саду за домом появился загон для кур. Из-за аккуратного плетня из ореховых прутьев доносилось довольное жизнью «ко-ко-ко».

Матушку Ветровоск она застала, когда та выходила через заднюю дверь. Старая ведьма взглянула на Тиффани так, будто девочка всего лишь отлучалась погулять на пару минут.

— Мне в город надо, — сказала матушка. — Если хочешь, можешь пойти со мной, я не против.

В устах матушки это было всё равно что крепкие объятия и светящийся транспарант «Добро

пожаловать!». Тиффани зашагала вместе с ней по тропинке.

— Надеюсь, я застала вас в добром здравии, госпожа Ветровоск? — спросила она, еле поспевая за ведьмой.

— Ещё одну зиму я пережила, вот и всё, что я могу сказать, — ответила матушка. — А ты молодцом, девочка.

— Спасибо.

— Мы пар аж отсюда видели, — сказала матушка.

Тиффани промолчала. Неужели это и всё? Пожалуй, да. От матушки большего не дождёшься.

После недолгого молчания матушка спросила:

— Решила повидать подружек, да?

Тиффани набрала побольше воздуха. Она представляла себе этот разговор сотни раз: что она скажет, что ответит матушка, что она крикнет, что крикнет матушка в ответ…

— Вы ведь всё с самого начала так и задумали, верно? — сказала она. — Если бы вы предложили отдать домик какой-нибудь другой девочке, остальные старшие ведьмы согласились бы. Поэтому вы предложили отдать его мне. И вы знали, вы точно знали, что я помогу Аннаграмме. И вышло по-вашему, правда? Готова поспорить,

все до единой ведьмы в горах уже знают, что произошло. Готова поспорить, госпожа Увёртка места себе со злости не находит. А самое главное, никто не пострадал. Аннаграмма продолжает дело госпожи Вероломны, жители окрестных деревень счастливы, и вы победили! О, вы, наверное, сейчас скажете, что хотели, чтобы я была занята делом и училась, а не думала без конца о Зимовее, но вы победили!

Матушка Ветровоск невозмутимо шагала по тропинке. Спустя какое-то время она заметила:

— Гляжу, побрякушка снова к тебе вернулась.

Это было всё равно что не дождаться грома после вспышки молнии, не дождаться всплеска, бросив камень в колодец…

— Что? Ах да. Лошадка. Послушайте, я…

— Что за рыба-то была?

— Э… щука, — сказала Тиффани[35].

— А. Некоторые щуку любят, но на мой вкус она уж больно илом отдаёт. Обычно это бывает лосось.

На этом разговор и закончился. Тиффани нечего было противопоставить матушкиному спокойствию. Даже если бы она стала ругаться и плакать, это ничем бы не помогло. Зато, по крайней мере, теперь матушка знает, что она, Тиффани, всё знает. Слабое утешение, но другого ждать не приходится.

— А у тебя и новая побрякушка завелась, — продолжала матушка. — Тут небось магийа замешана, а?

Матушка всегда растягивала «йа», когда говорила о магии, которую не одобряла.

---

[35] Примечания: 35

— Э… щука, — сказала Тиффани.

Сюжет о рыбе, проглотившей ценный предмет (обычно кольцо), которая потом оказывается поймана, выпотрошена, и утраченная драгоценность, вопреки ожиданиям, возвращается к хозяину, — очень распространённая мифологема во многих культурах.

Эта история в том или ином виде встречается и в русских народных сказках («Волшебное кольцо»), и в арабских сказках «1001 ночи», и даже в исторических сочинениях. Самый известный её вариант — это история о царе Поликрате и его перстне в пересказе древнегреческого историка Геродота. Поликрат, царь греческого островного города Самос, был настолько богат и удачлив, что однажды, дабы на всякий случай разбавить счастье несчастьем, выбросил в море дорогой перстень. Спустя несколько дней какой-то рыбак поймал великолепную рыбу и принёс её в подарок царю. Надо ли говорить, что в брюхе рыбы обнаружился царский перстень. Рыбы в этом сюжете фигурируют самые разные (в русской народной сказке, например, это «рыба-белужина») либо вообще не поименованные, но, как верно заметила матушка Ветровоск, лосось встречается наиболее часто: лосось вообще очень популярен в европейских мифологиях (так, в ирландской мифологии фигурирует Лосось Мудрости).

Светлана Лихачёва

Тиффани взглянула на колечко у себя на пальце. Оно блестело, но не ярко. Если она будет всё время носить его, оно не заржавеет, сказал кузнец, кожный жир защитит металл. Он даже сделал по всему ободку снежинки крохотным зубилом.

— Это просто кольцо. Из гвоздя, — сказала она.

— Железа довольно, чтоб сделать кольцо, — проговорила матушка, и Тиффани остолбенела.

Она что, и правда читает мысли? Порой трудно придумать другое объяснение.

— А почему ты решила, что тебе нужно кольцо? — спросила матушка.

Потому что… У Тиффани было много причин, но она так и не смогла толком в них разобраться. И она сказала единственное, что смогла придумать:

— Потому что мне показалось, что это будет хорошо.

И стала ждать взрыва.

— Ну, раз так, может, оно и правильно, — мягко произнесла матушка.

Она остановилась и показала в сторону от тропы, примерно туда, где был домик нянюшки Ягг.

— Я обнесла его заборчиком. У него, конечно, защита и посильнее есть, да только зверьё бывает

слишком глупое, чтобы пугаться.

Молодой дубок был уже пять футов высотой. Его окружал плетень из палок и прутьев.

— Быстро растёт, для дуба-то, — сказала матушка. — Я за ним приглядываю. А теперь пошли, не хочу опоздать.

И она снова устремилась вперёд размашистым шагом. Тиффани бегом кинулась за ней, ничего не понимая.

— Куда опоздать? — спросила она, запыхавшись.

— К танцу, конечно!

— А разве для него ещё не рано?

— Здесь, в горах, в самый раз. Они ведь отсюда начинают.

Срезая дорогу через сады и узкие проходы, матушка вышла на городскую площадь, где уже собралась толпа. По краям площади стояли небольшие лотки торговцев. Множество людей переминались с ноги на ногу с растерянным выражением типа «Что я здесь делаю?». Так всегда бывает, когда люди собираются вместе по велению сердца, но преодолевая некоторое смущение, и утешаются тем, что здесь хотя бы есть всякие вкусности на палочках. Тут же путалось под ногами множество белых курочек. Очень уж хорошие

у них яйца оказались, объясняла нянюшка Ягг, жаль резать таких несушек.

Матушка прошла сквозь толпу, чтобы встать в первом ряду. Проталкиваться ей не пришлось. Люди расступались перед ней, сами того не замечая.

Всё как раз начиналось. По улице, ведущей к мосту, примчалась толпа детей, а за ними, тяжело ступая, явились и танцоры, и во главе их шёл Шут в цилиндре. Они выглядели совершенно обычными людьми, Тиффани часто встречала их раньше, кто-то из них был кузнец, кто-то возчик. Танцоры щеголяли в белых нарядах, или, по крайней мере, в некогда белых, и, как и зрители, немного смущались. Это всё так, забавы ради, как бы говорил их вид, не принимайте всерьёз. Они даже махали людям в толпе. Тиффани огляделась и заметила и мисс Тик, и нянюшку Ягг, и даже госпожу Увёртку — здесь собрались практически все ведьмы, кого она знала. Ага, вот и Аннаграмма, свои маленькие приспособления от господина Боффо она оставила дома и выглядит очень гордой.

Осенью всё было иначе, подумала Тиффани. Темно, тихо, уединённо и скрытно, в точности наоборот. Кто тогда смотрел на танец из теней?

А кто сейчас смотрит на него из света? Кто

тайно присутствует *здесь*? Стоило Тиффани задуматься об этом, матушка сняла шляпу и спустила на землю Эй.

На свободное место протолкались барабанщик и аккордеонист, а ещё разносчик с восемью кружками пива (ведь ни один взрослый мужчина не станет плясать на глазах у друзей и знакомых, нацепив шляпу с ленточками и штаны с бубенчиками, если не будет уверен, что после ему светит выпивка).

Когда шум чуть стих, барабанщик несколько раз ударил в барабан, а аккордеонист взял протяжный аккорд. Это означало: танец начинается и все, кто не успел подойти, пусть пеняют на себя.

Оркестр из двух музыкантов заиграл. Танцоры, выстроившиеся в две шеренги друг напротив друга, отсчитали ритм и подпрыгнули. Тиффани повернулась к матушке, как раз когда двенадцать подкованных башмаков ударили в землю с громким «Бах!», так что искры посыпались.

— Научите меня забирать боль, — попросила она, перекрывая музыку и топот.

Бах!

— Это нелегко. — Матушка Ветровоск не отрывала взгляда от танцоров.

Бах! — снова ударили башмаки.

— Можно заставить её покинуть тело?

Бах!

— Иногда. Или спрятать. Или смастерить для неё клетку, посадить туда и унести прочь. И всё это опасно и убьёт тебя, если ты не будешь проявлять уважение, барышня. Это дорого обходится, а выгоды никакой. Ты просишь меня научить тебя, как сунуть руку в пасть льву.

Бах!

— Мне нужно научиться, чтобы помочь барону. Он очень плох. Мне многое нужно сделать.

— Это твой выбор? — спросила матушка, по-прежнему глядя на танец.

— Да!

Бах!

— Ты про того самого барона, что не любит ведьм? — спросила матушка, внимательно изучая лица в толпе.

— А кто же любит ведьм, пока не поймёт, что только ведьма может помочь? — невинно спросила Тиффани.

Бах!

— Вы мне должны, госпожа Ветровоск, — добавила она. — Я обещала себе, что попомню вам то, что вы сделали.

В конце концов, после того, как ты поцеловала Зиму, трудно избавиться от желания ходить по краю пропасти.

И матушка Ветровоск улыбнулась, словно именно этого и ждала.

— Ха! Хочешь, значит, чтоб я так тебе отплатила? — усмехнулась она. — Очень хорошо. Загляни ко мне перед возвращением, посмотрим, чему ты сможешь научиться, чтоб взять с собой. И, надеюсь, ты сумеешь закрыть дверь, которую надумала открыть. А теперь посмотри на людей! Иногда её видно!

Тиффани обратила внимание на танцоров. Оказалось, пока они разговаривали, откуда-то объявился Шут и стал обходить зрителей со старым засаленным цилиндром, чтоб кидали монеты. Тех девушек, кто явно готов был звучно завизжать, если он их поцелует, он целовал. И иногда, совершенно внезапно, он ввинчивался в танец и вертелся среди танцоров, каким-то чудом всегда оказываясь там, где никому не мешал.

А потом Тиффани увидела. Глаза какой-то женщины в толпе вспыхнули золотом, всего лишь на миг. Тиффани поняла, как смотреть, и увидела золотые отблески снова — на лице мальчика, девушки, разносчика пива, — отблески переме-

щались, чтобы не упускать из виду Шута…

— Лето здесь! — воскликнула Тиффани и тут поняла, что легонько притопывает в такт музыке.

Она поняла это потому, что чья-то нога аккуратно, но настойчиво опустилась на её ногу, заставив перестать. Возле этой ноги сидела кошечка Эй, она подняла на Тиффани свои невинные голубые глазки, и на кратчайшее мгновение они сделались золотыми глазами змеи.

— Так и должно быть, — сказала матушка Ветровоск, убирая ногу.

— Пару медяков на удачу, а, барышня? — раздался рядом голос, и в старом цилиндре звякнули монеты.

Тиффани обернулась и встретилась взглядом со взглядом серо-лиловых глаз. Глаза смотрели на неё с обветренного, морщинистого и ухмыляющегося лица. В ухе блестела золотая серьга.

— Ну же, красавица, медячок-другой, а? — выпрашивал он. — А может, у тебя найдётся серебро или золото?

Иногда, подумала Тиффани, сразу ясно, что делать.

— Железа хватит? — спросила она, сняв с пальца кольцо и бросив его в шляпу.

Шут осторожно выудил колечко и высоко под-

бросил его. Тиффани попыталась проследить взглядом его полёт, но каким-то образом кольцо оказалось уже не в воздухе, а у Шута на пальце.

— Железа довольно, — сказал он и вдруг поцеловал её в щеку.

Его губы были лишь чуть-чуть холодны.

Все Фигли высыпали на галереи в пещере, но старались не шуметь. То, что происходило, было важно. На кону стояла честь клана.

Посреди пещеры лежала раскрытой большая книга, больше самого Явора Заядло. На страницах пестрели яркие картинки. Пока книгу тащили в логово, её основательно перепачкали в земле.

Явору Заядло бросили вызов. Многие годы он думал, что он — герой, а тута всекарга как сказанёт: никаковский он герой, не всамделишный. Со всекаргой, ясно дело, не попрепирачишься, но он ей ишшо показнёт, на каковские дела способен, не будь он Явор Заядло!

— Хде мы-я кы-ро-ва? — прочёл он по слогам. — Эт' мы-я кы-ро-ва? Она гов-рит «ко-ко»! Эт'… эт' ку-ри-ца! Эт' не мы-я кы-ро-ва! Тыкс, дальше тута мал-мал картинкса с цыплями. Всё, и с этой стрыницей покончено, агась?

— Верно, Явор, — подтвердил Билли Мордаст.

Зрители на галереях разразились радостными

криками, и Явор обежал круг почёта возле книги, размахивая руками над головой.

— А эта книжина потрудновастей «Абвуки»! — заявил он, вернувшись на прежнее место. — Та-то была лёхонька. Все сужетны ходки наперёд ясны. Тот, хто её нашкрябил, не больно-то напрягался, скажу я.

— Ты про «Азбуку»? — уточнил Билли Мордаст.

— Ах-ха. — Явор Заядло несколько раз подпрыгнул, в боевом азарте вскидывая кулак. — А есть у нас чё мал-мал позаковыристей?

Билли посмотрел на стопку книг, которые Фигли самыми разными путями добыли для занятий.

— Мне б таку книжину, чтоб с наскоку не забороть, — добавил Явор Заядло. — Громаздую.

— Ну, тут есть «Принципы современного счетоводства», — неуверенно предложил Билли.

— А они громаздые, твои «Прынципы»? Ежли я их заборю, я герой буду? — спросил Явор Заядло, подбегая к стопке.

— Ах-ха, мож, оно и так, но…

Явор Заядло повелительно вскинул руку, остановил гоннагла и посмотрел на Джинни. Она стояла в окружении толпы ребятишек и улыбалась ему. Мальчишки молча смотрели на отца

с трепетом и изумлением. Однажды, подумал Явор, они смогут добраться до самодлиннющих словей и дать им люлей с ноги. И даже запятые и эти хитрованские полуточия их не остановят!

Он должен быть героем.

— Это читание мне по ндраву! — заявил Явор. — Тащи его сюдыть!

И он читал «Принципы современного счетоводства» всё утро, то и дело добавляя от себя драконов, просто чтобы получилось поинтереснее.

От автора

Моррис…

…Это танец, который традиционно исполняют 1 мая, чтобы поприветствовать лето. История его происхождения немного запутанна, возможно, по той причине, что моррис часто танцуют возле пабов, но сейчас он считается английским народным танцем. Наряды танцоров обычно белые, расшитые бубенчиками.

Тёмный моррис я придумал для другой книги (точнее, мне кажется, что это я придумал его), рассудив, что раз уж год идёт по кругу, возможно, его надо подталкивать не один раз, а два. Но однажды, когда я ездил по городам с раздачей автографов, моррис продемонстрировал свою тёмную сторону, специально для меня. Тёмный моррис, в отличие от летнего, танцевали без музыки и бубенчиков, безупречно попадая в ритм, в абсолютной тишине.

Это было очень красиво. Но и жутковато. Так что, пожалуй, не стоит пытаться повторить этот танец в домашних условиях.